

БЛОКАДА КАРСА

Муслимъ.

1856.

ВЛОКАДА КАРСА.

ПИСЬМА ОЧЕВИДЦЕВЪ О ПОХОДЪ 1855 ГОДА

ВЪ АЗІЯТСКУЮ ТУРЦІЮ.

ТРОИЦА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАНЦЕЛЯРИИ НАМЪСТНИКА КАВКАЗСКАГО.

1856.

(Печатаю съ разрѣшенія Г. Намѣстника Кавказскаго.)

ПИСЬМО I.

Тифлисъ, 10-го Мая 1855 года.

Вчера, въ 1-мъ часу пополудни, всѣ высшіе военные и гражданскіе чины города представлялись и откланивались нашему Главнокомандующему, Генераль-Адъютанту *Н. Н. Муравьеву*, по случаю назначеннаго на слѣдующій день отъѣзда его изъ Тифлиса къ дѣйствующему на Кавказско-Турецкой границѣ Корпусу. Последними выраженіями прощальнаго со всѣми привѣтствія Его Высокопревосходительства былъ: «... *Успѣха моего ожидаю отъ общаго вашего содѣйствія*».

Сегодня, въ 10¹/₄ часовъ утра, Главнокомандующій, въ сопровожденіи немногихъ приближенныхъ, выѣхалъ изъ Тифлиса; но, до выѣзда изъ города, въ дорожномъ экипажѣ подъѣхалъ къ Сіонскому Кафедральному Собору, гдѣ былъ встрѣченъ Высокопреосвященнымъ, Исидоромъ, Экзархомъ Грузіи, немедленно приступившимъ къ совершенію папучественнаго молебствія о благополучномъ путешествіи и возвращеніи Его Высокопревосходительства. Изъ храма Г. Главнокомандующій, — снова сѣвъ въ дорожный экипажъ, направился къ выѣзду по александропольскому тракту. Въ это же самое время, по предварительному ходатайству у Его Свя-

тѣйшества, Патріарха всѣхъ Армянъ, отъ общества тифлисскихъ гражданъ было совершенно съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, а равно о благополучномъ путешествіи и возвращеніи Намѣстника Кавказскаго и о дарованіи русскому оружію торжества надъ врагами. Литургію и молебствіе совершалъ Преосвященный *Кеворкъ*, при чемъ присутствовалъ и Святѣйшій Патріархъ Католикосъ всѣхъ Армянъ, *Персезъ*. Въ заключеніе молебствія Патріархъ обратился къ предстоявшимъ съ краткою рѣчью: «Богъ близокъ—говорилъ онъ—ко всѣмъ молящимся, которые истинно молятся; что сердца ваши исполнены теплымъ усердіемъ и преданностью по долгу вѣрноподаваемыхъ Престолу Россійскому—это видитъ въ сію минуту Господь Богъ. Благословлю васъ и молю вмѣстѣ со мною обратиться ко престолу Всевышняго». Вслѣдъ за сѣмъ Патріархъ предъ олтаремъ воздѣлъ руки къ небу и сказалъ: «Да услышитъ Онъ мольбы наши и благословитъ путь и предпріятія Намѣстника Царскаго, сего числа выѣзжающаго противу враговъ Церкви христіанской; да благословитъ Богъ христіолубивое воинство русское, да преклонитъ головы враговъ къ подножію престола Государя нашего Александра Николаевича! Пожелаемъ Ему долгоденствія, Его Намѣстнику удачи во всѣхъ его предпріятіяхъ! Благословлю васъ именемъ Спасителя Иисуса Христа. Аминь». За каждою фразой Католикоса народъ въ свою очередь громогласно произносилъ: Аминь. Въ оградѣ Ванкскаго собора продолжалось до самаго вечера богоугодное угощеніе бѣдныхъ жителей Тифлиса и раздача имъ милостыни. Стеченіе немущихъ къ обѣденнымъ столамъ было такъ огромно, что обширная церковная ограда не была въ состояніи вмѣстить всѣхъ за одинъ разъ. Во время обѣда, начатаго въ присутствіи тифлискаго градскаго Главы и всѣхъ почетнѣйшихъ гражданъ, всѣ угощаемые, ставъ на колѣна, провозгласили тостъ за здравіе Государя Императора Александра Николаевича и всего Августѣйшаго Его Дома. Другой, въ продолженіе обѣда,

тость былъ провозглашенъ въ честь всего русскаго воинства. Добрымъ дѣломъ угощенія и подаенія, тифлисскіе граждане желали какъ-бы подтвердить искренность только-что принесенной ими молитвы о дарованіи победы русскому оружію, и содѣлать эту молитву еще болѣе угодною Всевышнему. Въ тотъ же день усердіе общества тифлисскихъ гражданъ выразилось еще въ пожертвованіи ими 1000 рублей сереб. для раздачи нижнимъ чинамъ расположенной въ окрестностяхъ Тифлиса резервной дивизіи.

ПИСЬМО II.

Александрополь, 16-го Мая 1855 года.

Выѣхавъ 10-го мая изъ Тифлиса, Г. Главнокомандующій благополучно прибылъ въ Александрополь 13-го числа, въ 2 часа пополудни. На пути, въ сел. Делижанъ, 12-го числа, Его Высокопревосходительство смотрѣлъ слѣдовавшіе въ Александрополь: Драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ и Донской Казачьей Конной Артиллеріи № 6-го батарею. По осмотрѣ драгунъ въ конномъ строю, Его Высокопревосходительство изволилъ ихъ спѣшить, потомъ снова посадилъ и осматривалъ ихъ всѣхъ справа по одному, по-одиначкѣ; въ заключеніе-же изъяснилъ свое удовольствіе въ нѣсколькихъ лестныхъ словахъ, въ которыхъ припомнилъ старую и вновь-заслуженную славу полка и выразилъ увѣренность, что полкъ, прослывшій *грозою Лезинг* и справедливо заслужившій имя героевъ Башкадыкляра и Кирюкъ-Дара, конечно поддержитъ свою славу и въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Состояніемъ конной казачьей № 6-го батареи и въ способности движеніемъ ея на близъ-лежащую кру-

тую высоту, на которой батарея, не смотря на узкую и неудобную мѣстность, стала на позицію и расторопно снялась съ передковъ, Его Высокопревосходительство также остался совершенно доволенъ.

Немедленно послѣ смотра, Г. Главнокомандующій отправился далѣе и остановился на ночлегъ въ сел. Амамлы, находящемся въ 43 верстахъ отъ Александрополя. Въ тотъ-же вечеръ, на встрѣчу Его Высокопревосходительства прибылъ въ Амамлы Его Сіятельство, Г. Командующій Корпусомъ, дѣйствующимъ на Азіятско-Турецкой границѣ, князь В. О. Бибиковъ и, представивъ Г. Главнокомандующему строевой рапортъ, остался здѣсь на ночь и только на зарѣ выѣхалъ обратно въ Александрополь.

Отъ сел. Амамлы Г. Главнокомандующій былъ сопровождаемъ сотнею Хоперскаго Линейнаго казачьяго полка, и отсюда слѣдованіе Его Высокопревосходительства, съ каждымъ шагомъ впередъ, начало принимать болѣе и болѣе оживленный, живописный и величественный характеръ. Впереди экипажа Г. Главнокомандующаго, какъ знаменательное изображеніе цѣли настоящаго путешествія Намѣстника Царскаго, красовался бѣлый крестъ на голубомъ полѣ значка, принадлежащаго Хоперской казачьей сотнѣ. По обѣимъ сторонамъ поѣзда постепенно сгущались толпы прибывавшихъ всадниковъ. Подъ Бекантомъ (последнею станціей до Александрополя), на встрѣчу Его Высокопревосходительства огромною толпою вышли съ хлѣбомъ и солью Армяне, окрестные жители. На перевалѣ чрезъ Джаджурскую гору присоединились къ поѣзду новыя толпы изъ окрестныхъ жителей Шурагельскаго участка съ своимъ участковымъ начальствомъ. Между прибывавшими толпами, въ трехъ мѣстахъ пути, были приносимы къ экипажу Г. Главнокомандующаго глухонѣмыя дѣти: по простодушному, но трогательно-благочестивому повѣрью здѣшнихъ жителей, эти несчастные должны были получить исцѣленіе отъ прикосновенія къ ихъ лицу руки Намѣстника, на томъ основаніи, что высшій начальникъ посылается народоу по непосредственному назначенію Божию...

Версты за четыре до города, выѣхало на встрѣчу поѣзду и выстроилось по лѣвую сторону дороги около 70 человекъ Курдовъ и до 100 человекъ мусульманъ изъ конвоя Г. Командующаго Корпусомъ. Эти всадники, и преимущественно Курды, бѣльшая часть которыхъ были старшины общества, недавно изъявившихъ покорность Русскому Правительству, не могли не остановить на себѣ особеннаго вниманія.... Г. Главнокомандующій приблизился къ нимъ въ своемъ дорожномъ экипажѣ и, приказавъ остановиться, привѣтствовалъ старшинъ, въ особенности отличавшихся прекрасными, воинственными физіономіями и богатствомъ костюма, который вообще у всѣхъ Курдовъ замѣчательно-живописенъ. Куртинскіе всадники, съ своими шалевыми чалмами, съ своими ярко-красными куртками и такими-же кафтанами, богато-вышитыми шелкомъ и золотомъ, съ длинными бѣлыми пиками, на которыхъ чернѣлись связки черныхъ перьевъ, — представляли рѣдкое по своей красотѣ зрѣлище, въ особенности-же тогда, когда, будто-бы тяготясь медленностью поѣзда, они давали свободу своимъ кровнымъ конямъ и джигитовали передъ экипажемъ Главнокомандующаго съ тою необузданной удалью, какою отличаются только эти дикіе сыны юга, эти, можно сказать, отъ природы изящные вскоряженники степей и вѣчной военной тревоги...

За версту отъ городской черты, въ значительномъ количествѣ, выѣхали на встрѣчу *Карананахи* (Гатары шінтскаго толка), представители населенія вновь-покорившихся намъ въ последнее время турецкихъ санджаковъ: Шурагельскаго и части Заришадскаго.

Далѣе, на самой городской чертѣ, присоединилось къ встрѣчающимъ до 40 человекъ всадниковъ изъ александропольскихъ обывателей; при вѣздѣ-же въ самый городъ показались хоругви и св. иконы съ многочисленнымъ причтомъ мѣстнаго Армянскаго Духовенства и съ пѣвчимъ (пѣвшими гимнъ о прибытіи Спасителя во Іерусалимъ). Г. Главнокомандующій вышелъ изъ экипажа, приложился къ иконѣ и, по окон-

чаіи пѣнія гимна, выслушалъ рѣчь, прочитанную однимъ изъ духовныхъ лицъ (*) и тугъ-же переведенную для Его Высокопревосходительства на русскій языкъ. Вотъ эта рѣчь въ буквальномъ переводѣ:

«Ваше Высокопревосходительство!

«Не изгладилась изъ памяти нашей тѣ счастливые дни, когда, «27 лѣтъ тому назадъ, Вы, въ числѣ доблестныхъ начальниковъ «храбрыхъ русскихъ войскъ, покорилъ города Карсъ и Эрзерумъ, «оказали намъ ласки и заботливое попеченіе. Русское оружіе «доставило намъ, наконецъ, такъ долго ожидаемое счастье: освободилъ изъ-подъ ига деспотизма, оно переселило насъ въ свои «предѣлы, гдѣ вотъ уже 25 лѣтъ наслаждаемся мы непрерывнымъ «счастьемъ и совершеннымъ благоденствіемъ.

«Августѣйшій Монархъ нашъ, движимый великодушіемъ, возвратилъ побѣжденному врагу купленные цѣною крови города: «Карсъ и Эрзерумъ; ни потеря нашихъ состояній, оставшихся «въ этихъ городахъ, ни сладкозвучныя увѣренія Порты, не «становили насъ отъ переселенія; но мы скорбѣли только о едино- «вѣрцахъ своихъ, лишенныхъ возможности называться поддан- «ными Русскаго Царя и принужденныхъ остаться подъ тяжкимъ «игомъ исламизма.

«Кроткія мѣры въ Бозѣ почившаго Императора, клонившіяся «къ тому, чтобы внушить Оттоманской Портѣ готовность обеспечить права и свободное отправленіе религіи христіанъ, ея «подданныхъ, остались чуждыми всякаго участія съ ея стороны: «вотъ причины настоящей войны.

«Правота требованій Русскаго Императора не оставляетъ сомнѣнія въ торжествѣ Его оружія надъ врагами; русскіе войны «непобѣдимы.

«Ваше Высокопревосходительство! мы привыкли *первые* торжествовать победы арміи въ Азіятской Турціи; зная Ваши «прежнія заслуги, не безъ душевнаго восторга встречаемъ Васъ, «вождя достойной арміи, возсылая ко Всевышнему теплыя молитвы о дарованіи Вамъ побѣдъ.

(*) Свещенникомъ Яковомъ Теръ-Мехитаровымъ.

«Иди, о доблестный мужъ! Давно знакомые тебѣ Карсъ и «Эрзерумъ падуть предъ оружіемъ предводительствуемой твоею арміе. Иди смѣло, ибо Всевышній Богъ Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранилъ въ всѣхъ путехъ твоихъ, на рукахъ возмутъ тя, да никогда преткнешь о камень ногу твою.»

Немедленно вослѣдъ за духовной процессіей вышли на встрѣчу городскіе цехи съ своими цеховыми значками и громкою туземною музыкой (зурною), звуки которой вскорѣ слились съ ружейными выстрѣлами, раздававшимися изъ народной толпы, съ пушечною пальбою съ крѣпости, съ колокольнымъ звономъ городскихъ церквей и съ громкими привѣтственными криками всего александропольскаго населенія, то заграждавшаго путь поѣзду, то размѣщавшагося по плоскимъ крышамъ домовъ. Здѣсь, изъ среды живописныхъ воздушныхъ группъ, часто отдѣлялись женщины, возносившія глаза и руки къ небу и какъ-бы остилавшія благословеніемъ вступавшаго въ городъ Начальника края... Всё это шумное, многочисленное и живописное движеніе, озаренное яснымъ солнцемъ теплаго майскаго дня, обставленное, какъ декорацией, холмистыми окрестностями, надъ которыми красовался величественный снѣжный Алагёзъ, представляло собою картину неописанную, вполне достойную той минуты, въ которую суждено было Намѣстнику Великаго Царя Русскаго приблизиться, такъ сказать, къ исходной точкѣ русской военной славы за Кавказомъ

Среди восторженнаго шума, экипажъ Г. Главнокомандующаго остановился на поворотѣ у переулка, въ которомъ находится скромная походная корпусная церковь. Его Высокопревосходительство вышелъ изъ экипажа и пѣшкомъ прошелъ къ храму Божію. Священникъ встрѣтилъ его со крестомъ, а клуръ— съ пѣніемъ канона Божественной Заступницѣ христіанъ. Послѣ краткаго молебствія, приложившись ко кресту, Главнокомандующій снова сѣлъ въ экипажъ и прослѣдовалъ до площади, гдѣ былъ встрѣченъ Г-мъ Командующимъ Корпусомъ, всѣми высшими военными чинами, начальниками от-

дѣльныхъ частей войскъ Корпуса, и почетнымъ карауломъ отъ Бѣлевскаго пѣхотнаго полка. Поздоровавшись съ гг. генералами и начальниками частей, которыхъ Г. Главнокомандующему представилъ Командующій Корпусомъ, и принявъ отъ всѣхъ частей ординарцевъ, Его Высокопревосходительство одобрилъ бодрый видъ и отличную выправку почетнаго караула, отпустилъ его, а самъ, въ сопровожденіи г. Командующаго Корпусомъ и гг. генераловъ, отправился въ приготовленный для него домъ. Здѣсь, не долго переговоривъ съ нѣкоторыми изъ гг. начальниковъ, Г. Главнокомандующій простился съ ними впредь до обѣда, на который, какъ онъ такъ и всѣ гг. генералы, были приглашены княземъ В. О. Бебутовымъ.

15-го числа, въ 11 часовъ утра, Главнокомандующій дѣлалъ смотръ Драгунскимъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича и Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича Эриванскаго полкамъ. Оставшись совершенно доволенъ обоими полками, Г. Главнокомандующій выразилъ совершенное свое удовольствіе и при этомъ случаѣ напомнилъ Драгунскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полку о блистательныхъ дѣйствіяхъ его въ польской кампаніи, когда этотъ полкъ еще именовался Тверскимъ Драгунскимъ.

ПИСЬМО III.

Александрополь. 18-го Мая 1855 года.

Вместо всякихъ описаній, на этотъ разъ спѣшу сообщить вамъ приказы, только что отданные здѣсь по Корпусу:

№ 103.

Принимая главное начальство надъ Дѣйствующимъ Корпусомъ, привѣтствую васъ, воины Кавказа! — Болѣе полвѣка съ гордостію и изумленіемъ Россія внимааетъ подвигамъ вашимъ; вѣсть о нихъ давно достигла и за предѣлы обширнаго нашего Отечества.

Уже двадцать пять лѣтъ прошло съ той поры, когда я считалъ събя въ рядахъ вашихъ. Изъ бывшихъ боевыхъ сподвижниковъ и товарищей, только немногихъ нахожу теперь среди васъ; ихъ смѣнило новое поколѣніе, но и въ немъ встрѣчаю прежній духъ геройства.

Славныя преданія прошедшаго всегда будутъ передъ вами. Ихъ изучайте, имъ слѣдуйте.— Среди васъ взросъ и прославился *Котляревскій*; пусть имя его будетъ всегда въ памяти и сердцахъ вашемъ, какъ примѣръ всѣхъ воинскихъ доблестей.

Воинъ—христіанинъ, строгій къ себѣ, *Котляревскій* былъ строгъ и къ подчиненнымъ, уклоняющимся отъ исполненія своего долга. Онъ любилъ и сберегалъ солдата, самъ раздѣляя съ нимъ труды и лишенія, неразлучныя съ военнымъ бытомъ. Онъ не пренебрегалъ строемъ; въ дисциплинѣ видѣлъ онъ залогъ нравственной силы, а потому и успѣха—и войско понимало и любило его. Съ именемъ *Котляревскаго* передало

оно потомству имена Ахалкалакъ, Асландуза и Ленкорани, гдѣ съ малыми силами поражалъ онъ сильныхъ враговъ.

Благоговѣя передъ правилами *Котляревскаго*, среди васъ, воины Кавказа, буду искать ему подобныхъ и найду ихъ.

Для Россіи настала година испытанія. Уже многія сотни тысячъ ратниковъ ополчаются на защиту роднаго края, воскрешая въ памяти народа безсмертное время войны отечественной. Станемъ-же и мы, полные рвенія и готовности, за святое дѣло. Вспомнимъ недавніе подвиги, еще свѣжіе въ памяти невѣрныхъ, и грянемъ всѣ дружно, съ единодушіемъ, съ теплою вѣрою въ правосудіе Божіе, на нечестиваго врага Россіи и Православія.

Командующаго Дѣйствующимъ Корпусомъ, Князя Василія Осиповича *Бебутова*, достойнаго вождя побѣдителей Башъ-Кадыкляра и Кюрюкъ-Дара, сослуживца молодыхъ лѣтъ моихъ, прошу принять выраженія душевнаго моего уваженія къ подвигамъ его, охранившимъ край. Въ Бозѣ почившій Императоръ уже гласно призналъ заслуги его; себя считаю только въ правѣ всеподданнѣйше довести до свѣдѣнія Всемилоствѣйшаго Государя, о томъ отличномъ состояніи, въ коемъ я нашелъ войска, ввѣренныя начальству Генералъ-Лейтенанта Князя *Бебутова*.

№ 104.

По случаю возложенія мною на командовавшаго Дѣйствующимъ Корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ, Генералъ-Лейтенанта Князя *Бебутова*, на время отсутствія моего изъ Тифлиса, командованія войсками Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, не входящими въ составъ Дѣйствующаго Корпуса, я поручаю командованіе симъ послѣднимъ Начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генералъ-Лейтенанту *Бриммеру*.

О чемъ объявляю по Высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ.

№ 105.

Во время пребыванія моего при войскахъ, собранныхъ на кавказско-турецкой границѣ, управленіе и прочими частями Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и Кавказскимъ и Закавказскимъ

краемъ, исполняться будетъ подъ главнымъ моимъ начальствомъ; но какъ отдаленность мѣстъ моего пребыванія отъ Тифлиса не дозволяетъ мнѣ управлять всѣмъ Корпусомъ и Краемъ, установленнымъ для обыкновеннаго времени порядкомъ, то я призналъ полезнымъ возложить это на командовавшаго Дѣйствующимъ Корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ, Генераль-Лейтенанта Князя *Бебутова*, по довѣрью моему къ опытности его, знанію края и испытанной распорядительности.

Согласно тому въ вѣдѣніи Генераль-Лейтенанта Князя *Бебутова* состоятъ будутъ: а) Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса; б) всѣ войска, за Кавказомъ расположенныя, не входящія въ составъ Дѣйствующаго Корпуса на кавказско-турецкой границѣ; в) Гурійскій отрядъ; г) войска, расположенныя на Кавказской линіи и въ При-Каспійскомъ краѣ и д) всѣ военныя управленія и учрежденія, въ раіонахъ тѣхъ-же войскъ существующія.

По особому Высочайшему повелѣнію, Черноморское казачье войско и Черноморская береговая линія состоятъ, въ отношеніи военномъ, въ вѣдѣніи Генераль-Адъютанта *Холутова*; внутреннее-же управленіе ими и хозяйственная часть находятся въ вѣдѣніи моемъ. Согласно тому Черноморское войско и Черноморская береговая линія, по внутреннему ихъ управленію и части хозяйственной, поступаютъ въ вѣдѣніе Князя *Бебутова*.

Объявляя о семъ распоряженіи по Высочайше ввѣренному мнѣ Корпусу, я предписываю вышенчисленнымъ войскамъ, военнымъ управленіямъ и учрежденіямъ, на время отсутствія моего изъ Тифлиса, входить съ представленіями и донесеніями по командѣ къ Генераль-Лейтенанту Князю *Бебутову*.

№ 106.

Войска, составляющія отряды Ахацихскій и Ахалкалакскій, отчисляются отъ Дѣйствующаго Корпуса на кавказско-турецкой границѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ соединяются въ одинъ отрядъ подъ команду Начальника 13 Пѣхотной дивизіи, Генераль-Лейтенанта *Ковалевскаго*, которому во всемъ относится ко мнѣ.

ПИСЬМО IV.

Александрополь. 22-го Мая 1855 года.

Вчера, 21-го Мая, городъ нашъ, въ настоящее время постоянно дѣятельный, оживился новымъ воинственнымъ зрѣлищемъ. Въ этотъ день Г. Главнокомандующій, Генераль-Адъютантъ Муравьевъ дѣлалъ смотръ войскамъ, бывшимъ до сихъ поръ подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Князя Василя Осиповича Бебутова и поступившимъ нынѣ подъ команду Генераль-Лейтенанта Бриммера, тѣмъ самымъ войскамъ, которыя, подъ предводительствомъ Князя Бебутова, стяжали себѣ новую славу подъ Башъ-Кадыкляромъ и Кюрюкъ-Дара.

Къ 9-ти часамъ утра на обширномъ загородномъ полѣ, вдали, за красною башнею, построены были въ резервномъ порядкѣ, находящіяся здѣсь на лицо войска Дѣйствующаго на турецкой границѣ Корпуса, въ числѣ 27 баталіоновъ пѣхоты, 72 орудій, 3-хъ полковъ Драгунскихъ, трехъ полковъ Казачьихъ, 2-хъ сотенъ мѣстной и 2-хъ заграничной карапапахской милиціи и осаднаго парка.

Перебаты барабаннаго боя дали знать о прибытіи Главнокомандующаго. Его Высокопревосходительство, оцѣнивъ, какъ бы однимъ взглядомъ, отличное состояніе выстроеннаго передъ нимъ войска, тутъ-же выразилъ благодарность свою достойному начальнику онаго, князю В. О. Бебутову и, принявъ отъ него рапортъ, обнялъ князя въ виду всего строя. За тѣмъ Главнокомандующій объѣхалъ всѣ колонны, здороваясь съ каждою особо, и каждая колонна отвѣчала громко и дружно на началь-

нической привѣтъ. И вотъ, по мановенію вождя, масса эта перемѣнила фронтъ, развернулась и менѣе, чѣмъ въ полчаса времени, предстала въ стройномъ боевомъ порядкѣ, совершивъ движеніе это съ примѣрною точностію и торжественною тишиною. Явились вдругъ изумленнымъ взорамъ зрителей протяжныя линіи пѣхоты, интервалы которыхъ были уставлены орудіями. Застрѣльщики разсыпались передъ первую линією; за нею видѣлись сверкающіе штыки резервныхъ войскъ, а въдали солнце съ блескомъ отражалось на каскахъ Драгунъ. Погода благопріятствовала смотру; не было ни вѣтра, ни пыли, и ничто не препятствовало слѣдить за движеніями каждой отдѣльной части и любоваться этою величественною массою войскъ. Въ слѣдъ за симъ строй, снова сомкнувшись, опять перемѣнилъ направленіе, явился въ общихъ колоннахъ и двинулся церемоніальнымъ маршемъ по частямъ. Такъ прошли передъ Главнокомандующимъ славныя полки Гренадерской бригады; полки 18 дивизіи съ знаменами, вновь освященными кровью въ бояхъ съ непріателемъ; Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, — стрѣлки по дѣлу, какъ по имени; закаленный въ бою саперный баталіонъ; вѣчно-славная и грозная Артиллерія; краса войска нашего — лихіе драгунскіе полки; молодецкая казачья кавалерія; патъдническая мѣстная милиція и разрушительныя орудія. Каждой отдѣльной части Г. Главнокомандующій выразилъ благодарность и удовольствіе. По окончаніи церемоніальнаго марша, Г. Главнокомандующій, снявъ фуражку, выразилъ еще разъ совершенную свою признательность князю В. О. Бебутову, сказавъ между прочимъ, что если войску этому суждено стяжать новую славу на полѣ брани, то считать онъ будетъ сіе послѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ въ прошедшихъ двухъ кампаніяхъ.

На другой день Дѣйствующій Корпусъ давалъ обѣдъ своему отъѣзжающему вождю. На обѣдъ присутствовалъ Г. Главнокомандующій. Хозяиномъ праздника былъ старшій изъ сподвижниковъ Князя и его преемникъ, Генералъ-Лейтенантъ Бриммеръ. Къ сожалѣнію, не всѣ желающіе могли попрощаться тутъ съ своимъ вождемъ, потому, что желающими были безъ иск-

люченія всѣ офицеры, находившіеся въ Александрополѣ; но ни время, ни средства маленькаго города не позволяли устроить праздникъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Надо было ограничиться штабомъ, гг. генералами, штабъ-офицерами и георгиевскими кавалерами. Тостовъ было немного, но всѣ они были отъ чистаго сердца и шли прямо къ сердцу: тостъ за здравіе Государя Императора и Августѣйшей Фамиліи, которымъ кончается всякій русскій обѣдъ, какъ начинается крестомъ; только въ этомъ случаѣ онъ звучалъ еще торжественнѣе въ устахъ людей, которые черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, сложатъ жизнь свою къ его стопамъ; за здоровье нашихъ братій по крови, чувствамъ и оружію, непоколебимыхъ защитниковъ Севастополя; здоровье отъѣзжающаго военачальника, предложенное Г. Главнокомандующимъ; здоровье Главнокомандующаго, предложенное княземъ В. О. Бебутовымъ, и здоровье новаго корпуснаго командира, новаго только по назначенію, но стараго предводителя нашего въ кровавомъ бою, Генералъ-Лейтенанта Бриммера. Мы провозгласили тостъ за все, что дорого намъ: за Помазанника Божія, за несокрушимый Севастополь и за людей, въ лицѣ которыхъ сосредоточены надежды кавказскаго воина.

ПИСЬМО V.

Александрополь. 28-го Мая 1855 года.

Кампанія 1855 года началась. Дѣйствующій Корпусъ перешелъ рѣку Арпачай двумя колоннами: одна двинулась изъ Александрополя 24-го мая, подъ начальствомъ генераль-маіора графа *Нирода*; другая 26-го мая, подъ предводительствомъ генераль-лейтенанта Князя *Гагарина*. При послѣдней выступилъ Г. Главнокомандующій и въ тотъ же день Г. Командующій Дѣйствующимъ Корпусомъ, генераль-лейтенантъ Бриммеръ отправился ко второй колоннѣ. Мы опять въ Турціи.

Двухлѣтніе походы, пройденные рука объ-руку, слили Александропольскій отрядъ въ одно грозное цѣлое. Успокоенные продолжительнымъ отдыхомъ, прекрасно устроенные, увѣренные въ себя и другъ въ другъ, полки Дѣйствующаго Корпуса, равно блестящіе и равно воинственные, радостно выстраивались на берегу Арпачая, 24-го и 26-го мая. Съ открытія войны, отрядъ въ первый разъ еще выступалъ въ походъ подъ личнымъ предводительствомъ Главнокомандующаго; съ теплою вѣрою въ сердце, съ безграничнымъ рвеніемъ отслужить службу матери нашей Русской землѣ и ея великому Государю, съ убѣжденіемъ въ своей богатырской силѣ, полки Дѣйствующаго Корпуса готовились перейти границу. Передъ алтаремъ, напутствуемые Божественной службой, они молились, какъ молятся Русскіе, когда дѣло идетъ о Россіи. Ясное утро освѣщало поле и турецкій берегъ Арпачая, куда нетерпѣливо обращались взоры; красный лучъ подымавшагося солнца игралъ на штыкахъ, будто предвѣстникъ крови, и каждый въ эту минуту мысленно повторялъ слова державнаго владыки: съ Богомъ! не посраимъ земли Русской!

ПИСЬМО VI.

Запмъ. 2-го Юня.

Первые переходы главнаго отряда были совершены спокойно, какъ въ своей землѣ. Мы дошли безъ выстрѣла до Займа, пункта соединенія дорогъ изъ Александрополя и Ардагана въ Карсъ, въ 18-ти верстахъ отъ этого города. Войска шли бодро, весело, пользуясь всеми возможными на походѣ удобствами; больныхъ почти не было. На дорогѣ захватили только двухъ башни-бузуковъ. Не зная общихъ распоряженій, мы невольно удивлялись равнодушію, съ которымъ Турки смотрѣли на занятіе нами окрестностей Карса. Генералъ *Баклановъ*, отправленный 30-го Мая съ летучимъ отрядомъ по ардаганской дорогѣ, прошелъ безпрепятственно въ виду непріятельскихъ разъѣздовъ. Турецкая армія какъ-будто исчезла. Но это вынужденное бездѣйствіе ея объяснилось намъ разомъ. Днемъ позже насъ, Генералъ *Ковалевскій* выступилъ изъ Корзаха съ Ахалцихскимъ отрядомъ. Спутанная движеніемъ нашихъ колоннъ, и боясь попасть въ ловушку, турецкая армія прижалась подъ Карсомъ. Гарнизонъ Ардагана, видя себя отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ, бѣжалъ по селькинской дорогѣ и, 30-го Мая, покинутые жители поднесли генералу Ковалевскому ключи города. Старыя стѣны крѣпости были отчасти разрушены, а устроенныя вокругъ города батареи скрыты до основанія, послѣ чего генералъ Ковалевскій, встрѣченный летучимъ отрядомъ генерала Бакланова, двинулся на присоединеніе къ главной колоннѣ. Сегодня, 2-го Юня, въ первый разъ поле обогрилось кровью. Генералъ-Маіоръ графъ *Ниродъ* былъ

посланъ произвести рекогносцировку восточной стороны Карса. Дивизионъ турецкихъ уланъ и 400 баши-бузуковъ занимали высоту, съ которой надо было обозрѣвать окрестность. Оставивъ пѣхотную колонну позади, графъ Ниродъ сталъ эшелономъ противъ фронта турецкой кавалеріи съ 2-мя дивизионами сводно-драгунской бригады и 4-мя конными орудіями, а Полковника *Камкова*, съ 4-мя сотнями линейскихъ казаковъ, скрытно послалъ по дну балки, огибавшей правый флангъ непріятеля. Видя противъ себя только наши эскадроны, медленно приближавшіеся съ лица, Турки обратили на нихъ все вниманіе; какъ вдругъ линейцы ударили на ихъ флангъ. Непріятельская конница была опрокинута прежде, чѣмъ успѣла разглядѣть нападающихъ и бѣжала безъ оглядки, оставивши на полѣ 11 тѣлъ. Казакамъ, безъ потери, досталось оружіе съ убитыхъ и нѣсколько лошадей. Наша колонна заняла высоту, съ которой было снято и положено на планъ все, что хотѣли знать.

ПИСЬМО VII.

Лагерь при сел. *Магараджи* (подъ Карсомъ) 9-е Іюня.

На другой день послѣ описанной уже рекогносцировки графа *Нирода*, 3-го іюня, передъ вечеромъ, мы увидѣли длинную нить штыковъ, сверкавшихъ по крутому спуску ардаганской дороги. Впереди шла кавалерія генерала *Бакланова*, отряженная по той же дорогѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ; за нею 2 полка изъ *Ахалкалакъ*, мимоходомъ захватившіе *Ардаганъ*. Войска эти примкнули къ нашему авангарду у *Занма*.

На разсвѣтъ, 4-го іюня, изъ лагеря были посланы 2 колонны: одна, главная, двинулась прямо къ *Карсу*, другая, менѣе зна-

чительная, пошла къ горѣ Малыя Ягны. Какъ объяснилось потомъ, наше движеніе имѣло цѣлю обзорніе карскихъ укрѣпленій. Еще издалека мы увидѣли господствующую надъ Карсомъ, увѣнчанную батареями гору Карадагъ; но самый городъ и окружающій его турецкій лагерь были скрыты въ ложбинѣ; онѣ показались намъ, когда мы были уже очень близко, версть за 5, съ послѣдней возвышенности, охватывающей эту ложбину.

Войска остановились. Всѣ взоры вперились въ Карсъ, — предметъ нашихъ разговоровъ и ожиданій съ самаго начала войны. Въ непріятельскомъ лагерѣ не замѣтно было особеннаго движенія; только по равнинѣ скакали толпы башни-бузуковъ и порой мѣнялись выстрѣлами со всадниками нашей охотничьей сотни; вдали отъ подошвы Карадага медленно отдѣлялась масса кавалеріи, въ которой въ трубу можно было различить 2 регулярныхъ полка — одинъ на сѣрыхъ, другой на гнѣдыхъ лошадяхъ.

Въ это время прибылъ къ войскамъ Главнокомандующій и сейчасъ же двинулъ ихъ впередъ. Пѣхота и большая часть кавалеріи, спустившись съ высоты, выстроились по окраинѣ равнины; 2 дивизіона драгунъ Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полка и 6 линейныхъ казачьихъ сотенъ полковника *Камкова* продолжали наступленіе. Башни-бузуки раздались передъ ними и отхлынули въ стороны; регулярная турецкая кавалерія также подалась назадъ, сначала стройно и шагомъ; но видя казаковъ у себя на плечахъ, спѣшила укрыться подъ своими пушками и пустилась рысью. Въ это мгновеніе огонь сверкнулъ на карадагскихъ батареяхъ и ядра посыпались въ казаковъ; но, не глядя на нихъ, переднія сотни линейцевъ налетѣли на турецкую конницу и опрокинули её. Смѣшавшись съ Турками, онѣ безъ устали гнали и рубили ихъ даже подъ пушечными выстрѣлами городского вала, въ виду выстроившейся непріятельской пѣхоты. Прибывшее къ Туркамъ подкрѣпленіе не могло поправить дѣла; находившаяся при казакахъ конно-ракетная команда не дала ему сдѣлать шагу

впередъ. Казаки стройно отступили къ стоявшимъ за ними драгунскимъ дивизионамъ, потерявъ въ этой смѣлой атакѣ только 4-хъ убитыми, 1-го офицера и 10-ть казаковъ ранеными; кромѣ того, у насъ ранено 3 милиціонера. У непріятеля, по полученнымъ свѣдѣніямъ, было 55 убитыхъ и 67 раненыхъ; у него взято 7 чел. въ плѣнъ, много оружія и до 20 лошадей. Пока продолжалось это дѣло, офицеры Генеральнаго Штаба сняли на планъ укрѣпленія Карса.

6-го іюня, до разсвѣта, войска снялись съ позиціи и фланговымъ движеніемъ тронулись въ обходъ Карса къ сел. Магараджи. Онѣ были раздѣлены на 3 колонны, подвигавшіяся на одной высотѣ: первая шла правѣе всѣхъ по окраинѣ высоты, огибающей карсскую равнину; вторая — лѣвѣе первой, ближе къ горѣ Малыя Ягны; третья, въ которой находились всѣ обозы, слѣдовала по аробной дорогѣ между горами Большая и Малыя Ягны; генералъ графъ Ниродъ, съ частію кавалеріи, составлялъ авангардъ. Первыя двѣ колонны были построены боевымъ порядкомъ, въ 2 линіи, представляя фронтъ къ сторонѣ Карса. Движеніе 6-го іюня по многимъ причинамъ было однимъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ. Надобно было совершить переходъ въ 27 верстѣ, по мѣстамъ совершенно безводнымъ, съ огромнымъ обозомъ, какого требуетъ война въ Азіятской Турціи, — въ виду непріятельской арміи, подставляя ей флангъ на всемъ протяженіи перехода. Но въ исполненіи всѣ эти трудности были устранены. Еслибъ непріятель захотѣлъ атаковать насъ во время движенія, то онъ встрѣтилъ бы не флангъ обремененной обозами колонны, а 4 боевыя линіи, имѣющія передъ нимъ всю выгоду командующей позиціи; обоза онъ не увидалъ бы даже издали; воду каждый несъ при себѣ; съ такими бодрыми солдатами, какъ наши, длина перехода была ни почемъ, и даже для обоза, при отличномъ его устройствѣ и порядкѣ, разстояніе было столь малымъ затрудненіемъ, что этотъ обозъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ 1200 повозокъ, пришелъ на позицію сейчасъ вслѣдъ за авангардомъ.

Часу въ 10-мъ утра Карсъ снова открылся передъ нами какъ на ладони. День былъ ясный; масса стрыхъ зданій города и окинутый кругомъ ея турецкій лагерь, бросались въ глаза съ самыми мелкими подробностями. У горы Малыя Ягны, въ 7-ми верстахъ отъ города, войско отдыхало 2 часа, вызывая непріятеля на бой; но непріятель не пошевелился. Сначала въ городѣ не замѣтно было большаго движенія; какъ и въ первый разъ, турецкая конница стала выходить изъ укрѣпленій, только, должно быть, урокъ 4-го іюня не пропалъ для нея даромъ: она все жалась къ батареямъ. Вѣроятно, Турки принимали сперва наше движеніе за рекогносцировку и ждали, что мы посмотримъ и уйдемъ. Но когда мы стали огибать городъ и они увидѣли, какъ наша колонна разстилась по противоположной высотѣ, приближаясь къ сел. Магараджи, все въ городѣ зашевелилось; жители высыпали изъ домовъ, какъ населеніе разрытаго муравейника; плоскія крыши, стѣны города, обводный валъ унизились людьми. Вышедшая изъ города кавалерія еще плотнѣе прижалась къ батареямъ.

Надо думать, что число зрителей въ Карсъ не уменьшалось, когда вечеромъ высоты у Магараджи засіяли огнями нашего лагеря.

Впрочемъ, мы съ такимъ же любопытствомъ смотримъ на Карсъ, съ какимъ отсюда смотрятъ на насъ, — только другими глазами. Посреди нашего лагеря подымается довольно высокая скала, откуда городъ видѣнъ какъ на ладони; она всегда унижена солдатами, которые держатъ здѣсь военный совѣтъ. Иной рекрутъ изъясняетъ свои сомнѣнія, а старый усачъ толкуетъ ему, что дѣло самое пустое: «ты только дойди, черезъ стѣнку перелѣзь, а тамъ гуляй рука молодецкая!» Артиллеристъ предлагаетъ разбить городъ изъ орудій, но пѣхотинецъ отвергаетъ это мнѣніе съ пренебреженіемъ. Однако же къ концу преній всегда возобновляется согласіе; солдаты сходятъ со скалы и приговариваютъ: «не защита стѣна басурману»!

9-е іюня. Уже три дня мы стоимъ подъ Карсомъ и смотримъ на него съ утра до вечера: кто изъ любопытства, а кто

и потому, что больше не на что смотреть. Окрестности у насъ совершенно голы и, какъ только выглянешь изъ палатки, первый и единственный предметъ, бросающійся въ глаза—Карсъ; этотъ городъ, впрочемъ, какъ будто и построенъ для удовлетворенія любопытныхъ. Онъ подымается въ гору амфитеатромъ и изъ лагеря можно наблюдать всѣ секреты его жителей. Въ трубу видно все, что дѣлается на улицъ и даже то, чего въ Азін сосѣди не видятъ другъ у друга, — что происходитъ во дворъ; видно даже, какъ въ одномъ домѣ на горѣ колышется занавѣски—комфортъ какого нибудь Европейца. Мы открыли на минаретѣ телескопъ, въ который англійскій генералъ *Вильямсъ* разсматриваетъ нашу позицію, какъ мы разсматриваемъ Карсъ.

Мы видимъ, впрочемъ, Турокъ еще ближе, чѣмъ въ Карсъ. Кавалерія ихъ содержитъ противъ насъ пикеты и это также очень любопытное зрѣлище, выражающее духъ обѣихъ армій лучше всякаго описанія. Турки растягиваютъ вокругъ города цѣпь; за нею съ ранняго утра до ночи стоятъ сомкнутымъ фронтомъ дивизіоны, всегда верхомъ и чуть только не держатъ пики на перевѣсъ; противъ турецкаго дивизіона стоитъ нашъ пикетъ изъ трехъ казаковъ: одинъ караулитъ верхомъ, а двое пасутъ лошадей.

Новости бываютъ каждый день. 7-го іюня милиціонеры поймали въ деревнѣ одного *санджакчи*, квартирмейстера артиллерійскаго полка, чиномъ поручика, закупавшаго провіантъ. 8-го іюня, на разсвѣтъ, сторожевые линейные казаки полковника *Камкова* услышали звонъ колокольчиковъ, которымъ всегда сопровождается шествіе каравана; они поскакали въ ту сторону, и въ самомъ дѣлѣ открыли значительный караванъ, пробиравшійся въ Карсъ съ сарачинскимъ пшеномъ. Погонщики взялись было за оружіе, но, разглядѣвъ своихъ противниковъ, не заблагоразсудили вступитъ въ бой съ *Черкесъ-казаками*, какъ здѣсь называютъ линейцевъ, и сдались добровольно. Казаки захватили 35 вооруженныхъ людей, довольно верблюдовъ, лошадей и вьючныхъ быковъ, — и главное: большой запасъ сарачинскаго пшена, безъ котораго Туркамъ и курбанъ-

байрамъ не праздникъ. Пашинскій ужинъ достался нашимъ солдатамъ; за то и хвалили же они добраго пашу, принявшаго на себя званіе нашего поставщика! Судя по настоящей позиціи корпуса и по дѣятельности летучихъ колоннъ, ежедневно высылаемыхъ изъ лагеря, кажется, мы будемъ пріемщиками заказанныхъ Турками поставокъ.

Въ тотъ же день Г-нъ Главнокомандующій смотрѣлъ вновь-сформированный Куртинскій полкъ. Курды—самый воинственный народъ Западной Азіи, еще съ того времени, какъ предки ихъ топтали легіоны Красса; каждый изъ нихъ готовъ подписаться, какъ начальникъ Ванскихъ Куртинъ, «царемъ полей». По своей гордой осанкѣ, по красотѣ коней и добротѣ оружія, они столько-же похожи на другихъ баши-бузуковъ, сколько Чеченцы на своихъ сосѣдей Ногайцевъ. Главнокомандующій пріѣтствовалъ ихъ и говорилъ съ ними по-турецки; надобно было видѣть, какое выраженіе удовольствія пробѣгало по ихъ лицамъ, когда они слышали слова языка, общаго всѣмъ дѣйствующимъ мусульманамъ, въ устахъ русскаго Сардаря. Они почувствовали себя какъ дома.

Я бы хотѣлъ сказать что нибудь о видѣ Карса ночью, когда всѣ уступы противоположной горы зажигаются огнями. Но только мнѣ пришлось-бы извлекать это описаніе изъ своего воображенія. Каждую ночь льютъ дожди и во 100 шагахъ ничего не видно. Еслибъ мы стояли не на высотѣ, то кажется, насъ-бы совсѣмъ замло. Къ счастью, въ Ахметъ-Оглу нашли запасъ бревенъ, вывезенныхъ Турками изъ Саганлугскихъ лѣсовъ и которыя вѣроятно предназначались на устройство Карсскихъ укрѣпленій. Но Дѣйствующій Корпусъ охватилъ Карсъ такъ неожиданно, что это добро осталось въ нашихъ рукахъ. Пока мы грѣмся на турецкомъ лѣсѣ, а можетъ случиться, что онъ пойдетъ и на другое употребленіе, если придется строить мостъ на Карсъ-Чаѣ.

ПИСЬМО VIII.

11-го Юнн. Лагерь при сел. *Магараджи*.

10-го Юня летучій отрядъ Генералъ-Маіора *Бакланова* возвратился въ лагерь, послѣ трехдневнаго похода.

8-го Юня Генералъ *Баклановъ* былъ отряженъ по ту сторону Карсъ-Чая съ 2-мя дивизіонами Виртембергскихъ драгунъ, 6-ю сотнями Донскихъ и 4-мя Линейскихъ казаковъ, 2-мя сотнями горцевъ, дивизіонъ 6-й донской батареи и конно-ракетной командой. Ему приказано было захватить запасы ячменя и сухарей, заготовленные Турками въ деревняхъ Беглы-Ахмедъ и Чаблахлу. Кромъ этой прямой цѣли, поиски нашихъ летучихъ колоннъ въ тылу Карса, отрѣзывая сообщенія непріятеля, ставятъ городъ и турецкую армію почти въ блокадное положеніе.

Выступивъ въ 4 часа пополудни, колонна Генерала *Бакланова* перешла Карсъ-Чай въ Тлимъ, въ 8-ми верстахъ выше города, и ночью вступила въ Беглы-Ахметъ. Армянское населеніе деревни приняло ее, не скрывая своей радости. Генералъ *Баклановъ* нашелъ тамъ объявленные прежде запасы, но оставилъ ихъ до своего возвращенія. Выступивъ на разсвѣтъ, онъ двинулся къ Чаблахлу открытыми полями, разстилающимися между хребтомъ Саганлуга и горами, облегающими Карсъ съ запада. Мусульманское населеніе этой равнины считало себя совершенно огражденнымъ стоящею впереди армію; изумленное нечаяннымъ появленіемъ Русскихъ и неувѣренное еще въ своей участи, оно разбѣгалось изъ жилищъ, въ виду нашихъ аванпостовъ. Генералъ *Баклановъ* находилъ горящіе ка-

мины въ пустыхъ домахъ. Съ трудомъ собравъ нѣсколькихъ жителей, онъ внушалъ имъ, что мирные поселяне безопасны посреди русскихъ войскъ; но что люди, бросающіе свои дома, объявляютъ себя нашими врагами и потому не должны удивляться, если впредь имущество ихъ не будетъ пощажено и съ ними самими поступлено какъ съ военно-плѣнными.

Въ 9 часовъ утра колонна достигла сел. Чаблахлу, лежащаго уже подъ олушкой Саганлугскаго лѣса, и нашла свыше 800 четвертей ячменя и много сухарей, сложенныхъ въ мечети. Войскамъ данъ былъ отдыхъ. Во время привала 4 всадника, проѣзжавшіе эрзерумской дорогой, наткнулись на пикетъ изъ 5-й Кабардинцевъ и немедленно были схвачены и обезоружены. Оказалось, что они сопровождали константинопольскую почту; при одномъ изъ нихъ былъ чемоданъ съ письмами, а на груди у него секретныя бумаги. Черезъ часъ, другіе Кабардинцы настигли трехъ гонцевъ и отняли у нихъ еще почтовый пакетъ.

Генералъ *Баклановъ* забралъ изъ турецкихъ магазиновъ въ Чаблахлу и Беглы-Ахметъ, что только могли поднять его войска и 80 житейскихъ аробъ; остальное предалъ пламени и 10 Юня въ 4 часа пополудни, возвратился на Магараджинскую позицію. Летучій отрядъ пробѣжалъ въ это короткое время слишкомъ 120 верстъ, по затопленнымъ отъ непрерывныхъ дождей лугамъ, по глубокой грязи, два раза переправляя артиллерию черезъ выступившій изъ береговъ Карсъ-Чай.

Г. Главнокомандующій приказалъ отправить всю частную корреспонденцію обратно въ Карсъ. Теперь турецкая армія знаетъ окончательно, въ чьихъ рукахъ поле и Эрзерумская дорога.

ПИСЬМО IX.

14-го Юня. Лагерь при сел. Магараджи.

Иррегулярная кавалерія Дѣйствующаго Корпуса представляетъ теперь, въ маломъ видѣ, все разнообразіе и всю пестроту кавказскаго населенія, самаго пестраго и разнообразнаго въ свѣтъ. Племена, никогда не выдавшія другъ друга, столкнулись здѣсь вмѣстѣ и, отъ противоположностей, особенности каждаго выказались еще рѣзче. Широкоплечій Осетинъ, на круглой горской лошаdkѣ, ѣдетъ рядомъ съ поджарымъ Карабахцемъ, подъ которымъ пляшетъ конь, такой-же тонкій и подобранный, какъ его хозяинъ. Краса кавказскихъ наѣздниковъ — стройный Кабардинскій *узденъ*, всегда просто одѣтый, убранный оружіемъ столь-же не казистымъ на видъ, какъ драгоценнымъ по внутренней добротѣ, на своемъ крѣпкомъ конѣ, размашисто выѣзженномъ для поля, бросается въ глаза здѣсь, какъ и вездѣ, посреди сотни людей; но тутъ-же, рядомъ съ нимъ, можно видѣть образецъ совершенно противоположный, хотя одинаково воинственный: Курда, въ его расшитой золотомъ курткѣ и пестрой чалмѣ, съ камышевымъ копьемъ, обвитымъ страусовыми перьями, на рыжемъ жеребцѣ, столь тонко выѣзженномъ, что онъ кажется, по русскому выраженію, пропляшетъ на пятакѣ. Пятнадцать языковъ, забытыхъ временемъ въ темныхъ долинахъ Кавказа и его подгорій, еще съ той эпохи, когда, можетъ быть, только-что населялась Европа, слышатся въ нашемъ лагерѣ. Всѣ эти представители самобытныхъ племенъ Кавказа еще не познакомились и не сжились между собою, но служатъ уже одинаково усердно Государю, созвав-

шему ихъ подѣ общія знамена. Для всѣхъ ихъ находятъ довольно дѣла, по роду ихъ способностей и умѣнью вести войну. Но случается, что, встрѣчаясь въ полѣ, они сами не знаютъ: друзей или враговъ они видятъ передъ собою.

На другой день послѣ прибытія въ лагерь Курдскаго полка *Ахметъ-Ан*, 9-го Іюня онъ былъ посланъ по тому же направленію, какъ и генералъ *Баклановъ*, но еще далѣе, для истребленія другихъ турецкихъ запасовъ, и въ первый день перехода, не смотря на глубокую грязь, пробѣжалъ 60 верстъ. Въ то же время колонна генерала *Бакланова* возвращалась назадъ. Одинъ изъ ея разъѣздовъ, состоявшій изъ двухъ Кабардинцевъ, встрѣтилъ двухъ всадниковъ въ красныхъ курткахъ и, погнавшись за ними, налетѣлъ на цѣлую толпу Курдовъ. Кабардинцы въ жизни не видали этого народа; глядя на ихъ пеструю одежду, длинныя копья и смуглыя лица, они приняли ихъ за Турокъ и, не надѣясь на своихъ утомленныхъ коней, поднялись на хитрость. Вѣжливо ряскланявшись съ красными всадниками, Кабардинцы объяснили имъ, какъ могли, что они мусульмане, Черкесы, служатъ Русскимъ поневоле и давно ищутъ случая бѣжать въ войска султана. Курды приняли ихъ ласково, но, къ удивленію, стали уговаривать воротиться на свое мѣсто. Понимая только одно слово изъ десяти, Кабардинцы смекнули, что имъ ставятъ ловушку, и горячо увѣрили новыхъ знакомцевъ въ своей преданности падишаху, — пока не увидѣли издали другаго кабардинскаго разъѣзда, челоуѣкъ изъ 15-ти, посланнаго по ихъ слѣдамъ; кони ихъ къ тому времени уже поотдохнули. — «Постойте здѣсь», — сказали они Курдамъ, — «это также наши люди; они сговорились бѣжать къ вамъ; но если вы подѣдете къ нимъ прямо, они будутъ стрѣлять; у насъ не въ обычаѣ подпускать близко неизвѣстныхъ людей; а мы лучше напередъ поговоримъ съ ними». И Кабардинцы отъѣхали отъ толпы Курдовъ шагомъ, не торопясь, махая шапками и дѣлая знакъ, чтобъ тѣ не двигались съ мѣста, — пока не отдѣлились на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Тогда они оборотились лицомъ къ своимъ новымъ пріятелямъ, низко по-

клонились имъ и ударили по лошадямъ. Увѣренный въ мѣткости своихъ 17-ти винтовокъ, кабардинскій разъѣздъ спокойно удалился въ сторону, смѣясь отъ всей души надъ глупостію воображаемыхъ Турокъ, которые такъ легко выпустили изъ рукъ добычу.

Переночевавъ въ Чаблахлѣ, Курды поднялись, посреди густаго лѣса, на Саганлугскій переваль. Отряженная по ту сторону хребта команда въ 50 чел. захватила шедшій въ Карсъ небольшой транспортъ съ пшеницей. Но непроходимая грязь и разливъ рѣчекъ, безпрестанно усиливавшіеся отъ нескончаемаго дождя, заставили Ахметъ-Агу возвратиться. 12-го Іюня, онъ прибылъ на магараджикскую позицію.

Въ этотъ-же день Г. Главнокомандующій смотрѣлъ Карабахскій полкъ, присоединившійся на-канунѣ къ отряду, и благодарилъ его за хорошее состояніе людей, оружія и лошадей. Карабахцы сидятъ на добрыхъ коняхъ, рѣзвыхъ и съ огнемъ, смотрятъ весело и, кажется, не хотятъ отставать отъ своихъ отцевъ, грозно рубившихъ Турокъ въ прошедшую войну. Погода благопріятствовала смотру: дожди, обливавшіе насъ цѣлую недѣлю, кончились и отрядъ могъ наконецъ высушиться подъ яркимъ солнцемъ,—и право, пора уже была!..

ПИСЬМО X.

25-го Іюня. Позиція при сел. Гани-кѣвъ.

Мы совершили трудный, быстрый и важный по своимъ результатамъ походъ. Покуда мы шли, писать было некогда; дѣло у насъ дѣлалось не днями, а часами, и каждый часъ дня и ночи имѣлъ свою работу. Я не могу, въ короткій промежутокъ отдыха, рассказать это замѣчательное движеніе въ полной его подробности; но и личныя впечатлѣнія очевидца могутъ дать, покуда, довольно ясное понятіе объ общемъ ходѣ дѣйствій.

Вы знаете, что турецкая армія заперлась въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Карсомъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ городу, тѣмъ тѣснѣе жались она за своими укрѣпленіями. Наши летучіе отряды свободно гуляли вокругъ Карса; мы подступили къ непріятельскимъ войскамъ на пушечный выстрѣлъ: Турки не шевелились. Мы видѣли только валъ, уставленный орудіями, и за нимъ городскія башни. Турки надѣялись, что расположеніе ихъ арміи за укрѣпленіями, на главной дорогѣ, оградитъ лежащія за нею области и заботились только о томъ, чтобы сдѣлать свою позицію какъ можно болѣе крѣпкою. Теперь они узнали по опыту, что крѣпкая позиція не заграждаетъ пути русскимъ войскамъ.

Нашъ Главнокомандующій оставилъ *Васифъ-пашу* и генерала *Вильямса* спокойно сидѣть въ Карѣ; половину Дѣйствующаго Корпуса расположилъ, подъ начальствомъ генерала *кн. Гаарина*, на крѣпкой позиціи у сел. Гани-кѣва, въ 12-ти верстахъ отъ города, и 17-го іюня устремился съ другою по-

ловиною по эрзерумской дорогѣ, къ мѣстамъ, гдѣ были сложены всѣ продовольственные запасы анатолійской арміи. Турки считали свои магазины совершенно обеспеченными, расположивъ ихъ за природною оградой Саганлугскаго хребта, отъ 80-ти до 110-ти верстъ за тыломъ карсской арміи. Въ это время они безпокоились о нихъ менѣе, чѣмъ когда нибудь, потому что, по той же дорогѣ, отъ Эрзерума къ Карсу шель 9-ти тысячный турецкій отрядъ *Вели-паши*. Но всѣ расчеты ихъ разсыпались въ прахъ. Наше движеніе было столь быстро и столь вѣрно рассчитано, что имъ не осталось времени предпринять какую нибудь мѣру къ спасенію своихъ магазиновъ. Мы шли на-легкѣ, эшелонами, постоянно смѣнявшими другъ друга на позиціи; когда одинъ останавливался на ночлегъ, другой выступалъ и шель всю ночь. На разсвѣтѣ мы видѣли совсѣмъ иную страну и иногда совсѣмъ иную природу, чѣмъ на закатѣ. Съ волнистыхъ и открытыхъ полей, окружающихъ Карсъ, мы вступили въ густой сосновый лѣсъ, одѣвающий склоны Саганлуга, и изъ лѣса перешли на обнаженныя вершины, исчерченныя снѣгомъ, котораго не могло растопить и июньское солнце. Вправо отъ дороги, на страшной глубинѣ, мелкая испещренная садами и пашнями, богатая долина Бардуса, гдѣ находилось главное управленіе турецкаго интендантства; впереди раскрывалось ущелье къ сел. Еникій, гдѣ былъ устроенъ богатѣйшій турецкій магазинъ. Мы выступили изъ Гани-кѣва 17-го, а къ разсвѣту, 19-го, боковая колонна уже вступала въ Бардусъ, пробѣжавъ слишкомъ 80 верстъ. *Вели-паша* съ своимъ отрядомъ укрылся заблаговременно, такъ, что мы не могли настигнуть даже хвоста его. Генералъ-интендантъ турецкой арміи и англійскій полковникъ, прискакавшіе изъ Карса окольными дорогами, съ извѣстіемъ о нашемъ движеніи, убѣжали въ Эрзерумъ въ чемъ были, бросивъ экипажъ и всѣ свои пожитки. Турки всю весну трудились надъ сооруженіемъ укрѣпленій, которыми они хотѣли заградить намъ выходъ изъ Саганлуга; но тутъ никто не посмѣлъ остаться подлѣ этихъ укрѣпленій. 20-го числа, на разсвѣтѣ, генералъ-лейтенантъ *Бриммеръ* всту-

пилъ въ Еникій и къ полудню былъ въ Караурганъ; а генералъ-маіоръ графъ *Ниродъ* занялъ Зевинъ, въ 85-ти верстахъ отъ Эрзерума. Во всѣхъ пунктахъ, гдѣ находились турецкіе магазины, были оставлены отъ насъ коменданты, съ приказаніемъ истреблять ихъ. 36-ти часовъ было достаточно для уничтоженія огромныхъ запасовъ анатолійской арміи. Сырой хлѣбъ горитъ трудно; но наши солдаты умудрились истреблять его особеннымъ способомъ. Они провели изъ оросительныхъ канавъ маленькія канавки прямо въ магазинъ, и когда насыпанныя въ нихъ зерна намочились, солдаты протыкали ихъ бревнами, чтобъ сообщить огонь до основанія и потомъ зажигали строеніе; мокрая зерна приходили отъ дѣйствія жара въ броженіе, которое въ нѣсколько часовъ дѣлало ихъ совершенно негодными. Такимъ образомъ было истреблено болѣе 30-ти тыс. четвертей пшеницы и ячменя; всѣ наши лошади и повозки, которыя можно было опорожнить, нагрузились ячменемъ, сухарями и мукой; кромѣ того, въ Бардусѣ истребленъ значительный запасъ артиллерійскихъ снарядовъ. Караванъ во 150 аробъ съ рисомъ и бобами, послѣшно отправленный въ Карсъ до нашего прибытія, былъ захваченъ; къ сожалѣнію, ужасное состояніе дорогъ заставило утопить грузъ его. Когда мы возвращались, все ущеліе дымилось пожаромъ турецкихъ магазиновъ и вѣтеръ гналъ клубы дыма къ Эрзеруму; эта столица Турецкой Арменіи и прикрывавшее ее войско, объягя ужасомъ, должны были сознать свое безсиліе. Анатолійская армія осталась лишь при ограниченныхъ запасахъ, заключенныхъ въ стѣнахъ Карса.

Не смотря на рѣдкую быстроту нашего движенія по дорогамъ, во многихъ мѣстахъ едва проходимымъ, у насъ не было ни больныхъ, ни отсталыхъ; даже ни одна повозка не была брошена. Войска шли шибко, но движенія ихъ разсчитывались чрезвычайно точно; дѣленіе на эшелоны позволило вездѣ давать солдату отдыхъ, а солдаты не хотѣли знать усталости, которую одинаково дѣлили съ ними всѣ начальники.

Турецкая армія попалась въ свою собственную ловушку. Она хотѣла стоять за стѣной, — ей сказали: «пожалуй, стой!»

Наше движеніе, какъ теперь извѣстно, повергло ее въ чрезвычайное смущеніе. Не тратя ни одного золотника пороха и не проливъ ни одной капли драгоцѣнной русской крови, мы нанесли ей страшный ударъ. Но узелъ, стянутый вокругъ нея, былъ такъ крѣпокъ, что ей не оставалось никакого средства изъ него выйти. Она не могла воспользоваться раздѣленіемъ нашихъ силъ; сообщеніе отрядовъ Дѣйствующаго Корпуса было совершенно обеспечено и, выйдя изъ Карса, Турки въ самое короткое время навлекали на себя сосредоточенные удары всей нашей массы. Какъ бываетъ въ крайнихъ случаяхъ, между ними поселился раздоръ. Одни хотѣли, во что бы ни стало, атаковать князя Гагарина; но рѣшимость ихъ ограничилась ничтожною перестрѣлкою фланкеромъ; большинство въ Карсѣ было того мнѣнія, что выслать колонну изъ укрѣпленій значило не видать ее болѣе,—и дѣло кончилось тѣмъ, что турецкая армія обрела себя на голодное затворничество.

Къ концу похода мы услышали неожиданную вѣсть. Когда наши войска стянулись на одной изъ вершинъ Саганлуга, подъ глыбами снѣга, на которыхъ игралъ еще лучъ зажженныхъ внизу пожаровъ, къ намъ прискакали изъ Севастополя курьеръ съ извѣстіемъ объ отбитіи непріятельскаго приступа. Будто само Провидѣніе посылало намъ эту радостную вѣсть въ награду за наши труды!.. Войска спокойно возвратились въ общій лагерь 24-го Іюня и въ тотъ же день къ намъ прибылъ изъ Александраполя транспортъ. Турки не смѣли тревожить его даже въ то время, когда половина нашихъ силъ была за 100 верстъ отъ Карса.

ПИСЬМО XI.

Въ тотъ-же день. Позиція при сел. *Гаш-кёвъ*.

Съ выступленіемъ нашихъ войскъ за границу, Эриванскій отрядъ, подъ начальствомъ генераль-маіора *Суслова*, занялъ позицію у Дутага, по дорогѣ отъ озера Балыхъ-Гель къ Баязету. Турецкій отрядъ *Вели-паши*, собранный изъ остатковъ разбитаго въ прошломъ году баязетскаго корпуса, слабо укомплектованный позыми наборами, стоялъ въ Сурбъ-Оганесѣ и, по системѣ, вообще принятой Турками въ этомъ году, окапывался. Обходъ Карса нашими главными силами, грозившій съ перваго шага сообщеніемъ Турокъ, перепуталъ все ихъ разсчеты. *Вели-паша* былъ поспѣшно отозванъ съ своей позиціи, чтобы прикрыть дорогу изъ Эрзерума въ Карсъ и войти въ прямую связь съ арміей карскаго мушира *Васифъ-паши*. 11-го Іюня онъ выступилъ изъ Сурбъ-Оганеса, оставивъ тамъ 3 эскадрона кавалеріи и 150 Куртинъ подъ начальствомъ *Балюль-паши*, одного изъ членовъ владѣтельнаго дома, чрезвычайно-уважаемаго во всемъ Курдистанѣ. Балюль-Паша долженъ былъ прикрывать отступленіе турецкаго отряда, скрывая отъ насъ настоящее его направленіе. Извѣщенный объ удаленіи непріятеля, генераль *Сусловъ* двинулся 13-го числа со всей кавалеріей и частию пѣхоты къ Сурбъ-Оганесу. Непрiятельская конница не устояла противъ перваго натиска нашего авангарда, атаковавшаго ее подъ начальствомъ полковника *Хрещатицкаго*, и бѣжала, оставивъ на полѣ 70 тѣлъ и въ нашихъ рукахъ 20 пѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ самъ Балюль-паша. Генераль *Сусловъ* оставилъ въ Сурбъ-Оганесѣ одинъ баталіонъ

и двинулся черезъ Караклисъ къ Топрахъ-Кале, куда онъ вступилъ 20-го, забирая по дорогѣ турецкіе запасы, состоявшіе, не считая магазиновъ въ Топрахъ-Кале и дальнѣйшихъ мѣстахъ, болѣе чѣмъ изъ 20-ти тыс. пудовъ пшеницы и ячменя, кромѣ крупъ, риса и масла. Всѣ эти припасы отправлены въ Сурбъ-Оганесъ, гдѣ устроенъ новый провіантскій магазинъ. Населеніе Курдовъ и Армянъ, живущее по дорогѣ, приходило вездѣ съ изъявленіемъ покорности и ручалось за безопасность даже одиночныхъ всадниковъ, отправляемыхъ изъ отряда. Въ Топрахъ-Кале былъ учрежденъ диванъ изъ почетнѣйшихъ жителей и ему ввѣрено управленіе на основаніи туземныхъ законовъ. Между тѣмъ *Вели-паша* бѣжалъ, не оглядываясь. Зная о движеніи части Дѣйствующаго Корпуса, подъ личнымъ предводительствомъ Главнокомандующаго, за Саганлугскій хребетъ, онъ боялся попасть между двухъ огней и, не слушая никакихъ приказаній, бросился прямо по эрзерумской дорогѣ. Онъ вздохнулъ только въ Керпикѣ, когда въ Зевинѣ остановилось наше наступательное движеніе, и отвѣчалъ муширу, понуждавшему его предпринять что либо съ той стороны, что если ужъ онъ рѣшится сдѣлать какое нибудь движеніе, то это будетъ еще дальнѣйшее отступленіе къ Эрзеруму.

Съ возвращеніемъ Главнокомандующаго подъ Карсъ, генералъ *Сусловъ* также возвратился въ Сурбъ-Оганесъ, куда его призывала необходимость утвердить порядокъ въ завоеванномъ краѣ и устроить магазины изъ турецкихъ складовъ. Теперь все спокойно по долину западнаго Эвфрата и, подъ русскою властію, населеніе управляется по своимъ давнимъ законамъ.

ПИСЬМО XII.

27 Юня. Позиція при сел. *Гани-кель*.

Когда Дѣйствующій Корпусъ сталъ подѣ Карсомъ, мушпръ запершись въ стѣнахъ, поручилъ Маджаръ-пашѣ собрать войско въ Ардаганскомъ пашалыкѣ и сдѣлать диверсію противъ Ахалкалакескаго отряда. Маджаръ-паша соединился съ двумя другими пашами, Асланомъ и Прзидомъ и, набравъ болѣе 1000 человекъ конныхъ, подѣ руководствомъ двухъ англійскихъ офицеровъ направился къ нашимъ предѣламъ. Турки надѣялись разбить 3-й конно-мусульманскій полкъ, охранявшій эту часть границы, снова водвориться въ Чалдырскомъ санджакѣ, отнятомъ у нихъ этой весною, и проникнуть, по мѣрѣ своихъ успѣховъ, во внутрь Ахалкалакескаго участка. Командиръ конно-мусульманскаго № 3 полка, полковникъ князь *Вахтангъ Орбелианъ*, не допустилъ ихъ до границы. Притянувъ къ себѣ роту Виленскаго Егерскаго полка и сотню Донскаго № 2-го полка, онъ занялъ переваль отъ Чалдыра къ Сульдамъ и тамъ, 23-го Юня, встрѣтилъ непріятельское скопище. Турецкая конница смѣло понеслась впередъ, какъ во дни былой своей славы; она бросилась даже на штыки егерей и, въ первыя минуты боя, наша кавалерія, гораздо слабѣйшая числомъ, должна была напирать всѣ силы, чтобы сдержать ея натискъ. Скоро однаковъ дротики Донцевъ, огонь пѣхоты и милиціонеровъ осадили порывъ турецкихъ всадниковъ и они остановились въ нерѣшительности. *Князь Орбелианъ* воспользовался этой минутой и ударилъ на нихъ. Турки дрогнули. Не давая имъ опомниться, наша конница гнала ихъ по пятамъ 8-мь верстѣ и совершенно разсыпала. Непріятель потерялъ 70 человекъ убиты-

ми, 100 ранеными, оставилъ въ нашихъ рукахъ значекъ и 14 пленныхъ, много оружія и лошадей.

У насъ не было ни одного убитаго. Наша потеря состояла изъ 2-хъ раненыхъ офицеровъ, 7-ми всадниковъ и 5-ти казаковъ.

Извѣстия, полученные изъ Карса, подтвердили изъ устъ Турокъ свѣдѣнiе о значительной потерѣ и совершенномъ разбѣяни ихъ отряда въ этомъ дѣлѣ, важномъ по своимъ послѣдствiямъ въ краѣ.

ПИСЬМО XIII.

29 Юня. Позиція при сел. *Гани-кесъ*.

28-го Юня колоннѣ генерала *Баклинова* было приказано сдѣлать рекогносцировку городскихъ укрѣпленiй со стороны сел. *Шораха*; занимая позицію на *Карсъ-Чаъ*, ниже *Тикмэ*, она находилась въ прямомъ направленiи къ пункту, который ей должно было обозрѣть. Генералъ *Баклиновъ* выступилъ въ 6 часовъ утра съ двумя дивизионами *Виртембергскихъ* драгунъ, 4 сотнями линейныхъ казаковъ и конно-мусульманскимъ полкомъ, при 4-хъ орудiяхъ. На высотахъ, окружающихъ городъ, онъ захватилъ партiю фуражировъ, высланныхъ гарнизономъ съ 30-ю арбами, подъ прикрытiемъ 27-ми башн-бузукоевъ. Гарнизонъ исполошился; 7 баталiоновъ вышли изъ-за-стѣнъ и заняли высоту около передоваго укрѣпленiя; 2 кавалерiйскихъ полка вытянулись лѣвѣ ихъ; артиллерiйская прислуга стала по своимъ мѣстамъ. Но, не смотря на то, что передъ ними былъ только небольшой кавалерiйскiй отрядъ, Турки не смѣли выйти изъ-подъ прикрытiя своихъ батарей; одни башн-бузукн скакали по полю и перестрѣливались съ нашими охотниками. Генералъ *Баклиновъ* обошелъ часть горы, вдоль фронта несравненно многочисленнѣйшаго непрiятеля, немного далѣе пушеч-

наго выстрѣла; останавливался по часу, чтобъ дать время офицерамъ генеральнаго штаба снять мѣстность и воздвигнутыя на ней батареи, и безъ всякой потери воротился въ свой лагерь.

ПИСЬМО XIV.

30 Юля. Таже позиціи.

29-го Юня, въ день храмоваго праздника Лейбъ-Карабинернаго Эриванскаго и Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полковъ, послѣ литургіи и молебствія, Г. Главнокомандующій смотрѣлъ церковный парадъ отъ этихъ полковъ. Тутъ-же, въ строѣ, стояли 2 сотни храбрыхъ кавказско-горскихъ всадниковъ, наканунѣ возвратившіяся изъ похода на Саганлугъ, гдѣ онѣ оставили о себѣ Туркамъ кровавую память. Г. Главнокомандующему угодно было призвать ее для раздачи наградъ наиболѣе отличившимся узденямъ и всадникамъ. Надъ ними, вмѣстѣ съ ихъ собственнымъ значкомъ, вѣялъ значекъ, отбитый ими у Турокъ. Давно знакомые многимъ изъ насъ по кавказскимъ походамъ, эти люди, съ тѣхъ поръ, какъ пришли въ Дѣйствующій Корпусъ, пріобрѣли общее уваженіе своею храбростію и вѣрностію русской службѣ. Г. Главнокомандующій роздалъ въ Кабардинскую сотню нѣсколько крестовъ и медалей. Горцы умѣли оцѣнить это отличіе. Гордый и вмѣстѣ скромный Кабардинецъ, раненый въ послѣднемъ дѣлѣ, сказалъ при полученіи медали своему начальнику ротмистру Кундухову: «передайте Сардарю, что я еще мало пролилъ крови, чтобы быть отличеннымъ передъ товарищами; мы считаемъ похвалу Сардаря достаточной наградой за нашъ подвигъ».

За тѣмъ, Горцы церемоніально прошли по лагерю, неся передъ собой отбитый значекъ. По пути ихъ играла военная му-

зыка и мусульманскіе полки привѣтствовали ихъ радостными восклицаніями. Кто знаетъ Кабардинцевъ, какъ они дорожатъ своей славой и какъ цѣнятъ оказываемое имъ уваженіе, тотъ легко пойметъ, что съ этой минуты вся кровь ихъ принадлежитъ Царю.

Сейчасъ только получено черезъ лазутчиковъ извѣстіе, какъ наши Горцы отслужили свою службу на Саганлугѣ. Изъ 200 баши-бузуковъ, помѣрявшихъ съ ними, только начальникъ ихъ, *Черкезъ-Бекъ*, и 11 чел. успѣли убѣжать; прочіе всѣ легли подѣ кабардинскими шашками, или разбѣжались.

ПИСЬМО XV.

Тотъ-же день. На той-же позиціи.

Съ возвращеніемъ нашихъ колоннъ изъ за Саганлуга подѣ Карсъ, на Ханы-Чаѣ былъ оставленъ легучій отрядъ изъ дивизіона Виртембергскихъ драгунъ, 2-хъ сотень № 1 линейнаго казачьяго полка, полусотни азійскихъ охотниковъ и сотни Курдовъ, съ конно-ракетной командой,—всего 840 чел. подѣ начальствомъ полковника князя *Дундукова-Корсакова*. Этотъ отрядъ долженъ былъ собрать въ деревни разсѣянныхъ жителей, внушить имъ, что только покорность Русскому Правительству можетъ доставить имъ безопасность и, продолжая впечатлѣніе, произведенное на край переходомъ нашихъ колоннъ за Саганлугъ, наблюдать въ тоже время издали за корпусомъ Вели-Паши. Отдѣльное положеніе князя *Дундукова*, съ небольшимъ отрядомъ, ближе къ непріятелю, чѣмъ къ своимъ, за лѣсами и скалами Саганлуга, требовало осторожности, находчивости и вмѣстѣ смѣлости искуснаго партизана, какимъ онъ и показалъ себя.

Оставшись 22-го Іюня на позиціи при Ханы-Чаѣ, князь *Дундуковъ* приступилъ къ водворенію разбѣжавшихся жите-

лей. Они не отходили далеко отъ селеній и пасли стада на соседнихъ высотахъ. Угроза захватить ихъ скотъ подѣйствовала немедленно, какъ-только они убѣдились, что Русскіе приходили не на одинъ день, но остаются за Саганлугомъ. Окрестное населеніе обязалось снабжать отрядъ съѣстными припасами.

Хотя Вели-пашѣ и было извѣстно объ удаленіи Главкома-мандующаго, но не зная, сколько нашихъ осталось еще на Саганлугѣ, онъ не смѣлъ тронуться изъ своего лагеря подъ Кѣрпикѣемъ и продолжалъ окапываться. Въ это время Ольгинскій шерифъ-бекъ хотѣлъ пробраться чрезъ горы съ 200-ми башни-бузуками. Эта партія поднялась 24-го числа на Бардусскія высоты, но, наткнувшись на сотню Кабардинцевъ, скрытно поджидавшую ее, бѣжала безъ оглядки. Кабардинцы разсылали Турокъ, взявъ у нихъ 24 лошади. Потеря наша состояла изъ одного раненаго.

25-го, въ 6 часовъ утра, летучій отрядъ выступилъ къ Миджингерту. Скрывая свою дѣйствительную силу и направленіе, князь *Дундуковъ* шелъ безъ дорогъ, лѣсами и балками. Съ наступленіемъ ночи, онъ зажегъ бивачные огни надъ мѣстечкомъ и отступилъ на Миллиюзскія высоты.

Ночью прискакалъ одинъ житель съ извѣстіемъ, что 2 сотни башни-бузуковъ, подъ начальствомъ Черкезъ-бека, двинувшись по еникійской дорогѣ, зашли въ тылъ летучему отряду и расположились на ночлегъ въ лѣсистыхъ оврагахъ близъ Миллиюза. Обманутые заревомъ бивачныхъ огней, башни-бузуки полагаютъ Русскихъ у Миджингерта и рассчитывали, можетъ быть, запереть имъ трудный выходъ изъ этой долины. Князь *Дундуковъ* оставилъ драгунскій дивизионъ при выюкахъ и поспѣшно спустился съ Миллиюза съ 2-мя Лейбными и Кабардинскою сотнями. Едва начинало свѣтать, по костры Турокъ ясно обозначали мѣсто ихъ расположенія. Князь *Дундуковъ* скрытно подвелъ къ ихъ бивуаку Кабардинцевъ, имѣя за ними 5-ю лейбную сотню въ резервъ, а 6-ю сотню спустилъ въ ущелье, на перетѣзъ ихъ отступленію.

Не зная ничего о числѣ непріятеля, и не заботясь о томъ, отважные кабардинскіе уздени въ одно мгновеніе врубилсь въ толпу башни-бузуковъ. Иные Турки успѣли проснуться лишь на мгновеніе, чтобы сейчасъ-же заснуть вѣчнымъ сномъ; другіе хватились за оружіе и, не различая въ потьмахъ своихъ отъ враговъ, узнавали товарищей только по смертельнымъ ударамъ, подъ которыми они валялись. Безполезное сопротивленіе продолжалось не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Кабардинскіе шашки взяли свое, и Турки, бросаясь одинъ черезъ другаго, разсыпались вдоль оврага и по лѣсному хребту. Тѣ изъ башни-бузуковъ, которые успѣвали выскочить въ поле, попадали на 6-ю сотню, преградившую имъ отступленіе, и сами бросали оружіе. Непрительская партія была совершенно уничтожена. Иные раненные успѣли скрыться въ оврагъ или подъ кустами; всѣхъ убитыхъ, разбросанныхъ по лѣсу, нельзя было сосчитать,—но на самомъ мѣстѣ сшибки осталось 40 тѣлъ, а въ нашихъ рукахъ соотенный значекъ, 34 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ 2 офицера и секретарь эрзерумскаго валия, 36 оседланныхъ лошадей и много всякаго оружія. Начальникъ партіи *Черкезъ-Бекъ*, успѣлъ ускакать съ нѣсколькими всадниками; но, какъ потомъ узнали, не смѣя показаться передъ пашею, забралъ свое семейство изъ Хорасана и ушелъ за Араксъ.

Паша потеря состояла въ одномъ убитомъ офицерѣ, Осетинѣ *Нахъ-Арануковъ*, который самъ отомстилъ за себя, разсѣкши выстрѣлившаго въ него башни-бузука; въ 4-хъ раненныхъ Кабардинцахъ и 4-хъ охотникахъ. Турокъ, поразившій храбраго *Нахъ-Аранукова*, не смотря на жестокость раны, оставаясь живъ еще нѣсколько часовъ и былъ доведенъ до лагеря, гдѣ обоихъ противниковъ похоронили рядомъ, подъ двумя соснами.

У Турокъ было захвачено, между прочими бумагами, донесеніе въ карсскій диванъ *Черкезъ-бека*, въ которомъ онъ разсказывалъ о небывалыхъ подвигахъ и изъявлялъ надежду скоро писать донесеніе изъ Тифлиса. Г. Главнокомандующему угодно было отправить эти бумаги въ Карсъ, по адресу.

Разбитіе двухъ непріятельскихъ партій и ожиданіе скорого прибытія нашихъ главныхъ силъ, произвели желаемое впечатлѣніе въ краѣ; нашъ отрядъ вездѣ встрѣчалъ покорность. Цѣль, для которой летучій отрядъ оставался на Саганлугъ, была уже достигнута; труды и лишения 6-ти дневнаго похода по дикому хребту, послѣ 8-ми дней усиленныхъ переходовъ, совершенныхъ имъ съ другими войсками, были причиною, что ему было приказано на время сблизиться, для отдыха, съ главными силами. 28-го Іюня князь *Дундуковъ* спустился съ Саганлуга къ сел. Тазанглы.

ПИСЬМО XVI.

10 Іюля. Позиція при Тикмэ.

30-го Іюня Дѣйствующій Корпусъ перешелъ съ позиціи при Гани-кѣвъ на позицію при Тикмэ, около 10-ти верстъ выше крѣпости, по теченію Карсъ-чая. На прежнемъ мѣстѣ остался только Рязскій полкъ съ батареей, лагерь которыхъ долженъ былъ служить послѣднимъ этапомъ нашимъ александропольскимъ оказіямъ. Расположеніе главныхъ силъ на большой эрзерумской дорогѣ совершенно заперло прямые пути турецкой арміи; ей остались только боковыя сообщенія на Ардаганъ и по горнымъ тропинкамъ, черезъ Ольту. Съ занятіемъ позиціи при Тикмэ можно было наконецъ захватить и послѣднія сообщенія Турокъ.

Въ ночи со 2-го на 3-е Іюля, генераль *Баклановъ* получилъ приказаніе двинуться съ западной стороны Карса на перерѣзъ дорогамъ: ольгинской и ардаганской, черезъ мѣста, по которымъ наши войска еще не ходили. Генераль *Баклановъ* выступилъ съ 12-ю эскадронами драгунъ, 3-мя сотнями линейныхъ казаковъ, 8½ сотнями милиціи и конной батареей; онъ обогнулъ Карсъ съ нагорной стороны и къ вечеру дошелъ до

рѣчки Инджи-су. Турки считали эти мѣста совершенно безопасными: они посылали туда своихъ фуражировъ и тамъ же, въ горахъ, скрывались шайки разбойниковъ, — сбродъ бездомныхъ людей, появлявшихся иногда на нашихъ границахъ. Генералъ *Баклановъ* засталъ ихъ въ расплохъ: въ первый же день Кабардинцы захватили партію непріятельскихъ фуражировъ; 2 офицера регулярныхъ войскъ и 7 вооруженныхъ людей были взяты въ плѣнъ; 7 баши-бузуковъ убиты. На другой день, при обозрѣніи ардаганской дороги, казаки поймали шайку изъ 8-ми разбойниковъ, въ числѣ которыхъ были и наши, давно бѣжавшіе Татары. 5-го и 6-го числа генералъ *Баклановъ* продолжалъ свои поиски между ардаганской и ольтинской дорогамъ, при чемъ была схвачена новая партія разбойниковъ въ 6-ть чел., и наконецъ изъ сел. Бозгала воротился на позицію при Тикмѣ.

Не давая времени Туркамъ возстановить свои сообщенія, на другой день по возвращеніи генерала *Бакланова*, въ тылъ карсской арміи была направлена новая колонна, изъ 5-ти сотъ чел. пререгулярной конницы, подъ начальствомъ полковника *Камкова*. Опасность заставила Турокъ повѣрять свою почту пѣшимъ людямъ, которымъ бы можно было прокрадываться безъ дорогъ, по скаламъ и оврагамъ; но и эта предосторожность не помогла: казаки захватили двухъ пѣшеходовъ съ почтовымъ пакетомъ.

Турецкіе нарочные успѣли уже проскакать по этимъ мѣстамъ съ извѣстіемъ о приближеніи Русскихъ, и часть поселенъ, покоряясь угрозамъ мушпра, покинула свои жилища; но другая часть осталась въ деревняхъ. На ночлегъ къ полковнику *Камкову* явился курдскій старшина изъ сосѣдняго кочевья, съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Полковникъ *Камковъ* взялъ лѣвѣе пути, пройденнаго генераломъ *Баклановымъ*, и, по теченію Алтынъ-чая, сошелъ къ Гокому, на топкіе луга, окружающіе источники Куры. Оттуда оставалось до Ардагана не болѣе 25-ти верстъ. Всѣ стѣжки и тропинки, по которымъ производились еще въ послѣднее время сообщенія карсской арміи, были пройдены и осмотрѣны.

Тогда полковникъ *Камковъ* поворотилъ назадъ и черезъ верховье рѣчки *Лаурсанъ-чая*, воротился въ главный лагерь 9-го Юля.

Положеніе турецкой арміи въ *Карсъ*, въ продовольственномъ отношеніи, должно быть не завидное. Нѣсколько времени тому назадъ, часть турецкихъ войскъ уже была посажена на уменьшенную порцію. Послѣ движенія нашей кавалеріи, въ обходъ крѣпости, на послѣднія сообщенія непріятеля, жители не смѣли болѣе ѣздить по дорогамъ, гдѣ такъ печально появлялись наши войска,—и подвозъ прекратился. Говядина и главные жизненные потребности стали исчезать съ *карскихъ базаровъ*. Фунтъ хлѣба, стоившій 6-го Юня 2 копейки серебромъ, 9-го Юня продавался уже за 6 копѣекъ. Турецкія войска имѣютъ еще продовольствіе въ магазинахъ; но можно полагать, что уже близко время, когда многочисленное населеніе города лишится всѣхъ средствъ къ существованію.

ПИСЬМО XVII.

16-го Юля. Позиція при *Тикмѣ*.

Со времени движенія нашихъ колоннъ за *Саганлугъ*, во второй половинѣ Юня, непріятельскія войска очистили весь уголь, лежащій между эрзерумскою дорогою и эриванской границей; турецкій правитель бѣжалъ оттуда; но этотъ плодородный край, покинутый властями и защитниками, не былъ еще настоящимъ образомъ приведенъ въ покорность. Г. Главнокомандующему угодно было поручить это дѣло состоящему при немъ, Гвардіи полковнику *Лорисъ-Меликову*.

9-го Юля *Лорисъ-Меликовъ* выступилъ изъ лагеря при *Тикмѣ* съ дивизиономъ *Виртембергскихъ драгунъ*, сотнею охотниковъ, сотнею линейскихъ казаковъ и 3-мя сотнями *Куртинъ*. Въ сел. *Харъ* къ нему присоединились еще 4 сотни изъ *Огузловъ*:

одна тифлисская дворянская, одна конно-мусульманская и двѣ донскія. При колоннѣ находился полковникъ князь *Дуидуковъ-Корсаковъ*, на котораго было возложено идти далѣе и открыть прямое сообщеніе съ Эриванскимъ (нынѣ баязетскимъ) отрядомъ, черезъ хребетъ Агрыдагъ, отдѣляющій долину Аракса отъ долины Эвфрата.

Легучій отрядъ двинулся на городокъ Кагызманъ, гдѣ, при Туркахъ, было сосредоточено мѣстное управленіе этою частію края. Кагызманскій диванъ, почетнѣйшіе жители и старшины сосѣднихъ курдскихъ кочевій выѣхали на встрѣчу ему въ Харъ, принесли покорность и проводили до города, куда наша колонна вступила въ тотъ же вечеръ, 10-го Іюля.

Кагызманъ лежитъ въ долинѣ Аракса и, по изменности своего мѣстоположенія, пользуется очень мягкимъ климатомъ. Самый городокъ состоитъ изъ кучи тѣсно-сплоченныхъ каменныхъ зданій, окруженъ широкимъ поясомъ густыхъ садовъ и всегда считался крѣпкимъ пограничнымъ пунктомъ. Жители его славилась мѣткостью своихъ винтовокъ, и въ былое время, когда Турки не заводили еще регулярнаго войска, Кагызманцы выставили отрядъ отборныхъ стрѣлковъ въ армию эрзерумскаго сераскира. Но теперь, не имѣя уже никакой надежды получить откуда-нибудь помощь, они сдались небольшому отряду, состоявшему изъ одной кавалеріи, и приняли его такъ радушно, какъ только могли.

Продовольственные запасы были уже вывезены изъ города и тамъ нашли только небольшое количество ружейныхъ патроновъ. По занятіе Кагызмана было достаточно важно само по себѣ. Полковникъ *Лорисъ-Меликовъ* немедленно приступилъ къ устройству мѣтнаго управленія. По предварительному распоряженію Г-на Главнокомандующаго, онъ поставилъ начальникомъ надъ Кагызманскимъ и Гечеванскимъ санджаками командующаго 2-мъ Курдскимъ полкомъ *Ахмедъ-Агу*; прочихъ членовъ дивана и кадія оставилъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ и опредѣлилъ правила для взноса податей и образа управленія, по стариннымъ обычаямъ.

Между тѣмъ, полковникъ князь *Дундуковъ* выступилъ 12-го числа, съ полусотнею Донцевъ и сотнею Курдовъ, изъ Кагызмана къ лагерю Эриванскаго отряда, въ сел. Мараникъ, лежащее между Діадиномъ и Топрахъ-Кале. Онъ шелъ цѣлый день по едва-замѣтной горной тропинкѣ, во многихъ мѣстахъ еще заваленной снѣгомъ, и къ ночи прибылъ въ Мараникъ.— 14-го числа, съ тѣми же самыми силами, князь *Дундуковъ* двинулся по ужаснымъ горнымъ дорогамъ, черезъ Пассинскій санджакъ, къ сел. Армутлю и, не смотря на чрезвычайныя затрудненія мѣстности и близость турецкаго корпуса *Вели-Паши*, стоявшаго въ Керпикѣ, въ 35-ти верстахъ оттуда, совершилъ быстро и удачно свой отважный поискъ.

Полковникъ *Лорисъ-Меликовъ* оставилъ Ахмедъ-Агѣ 3 сотни Курдовъ, а дивизионъ драгунъ со всеми вьюками направилъ прямо на Гечеванъ; съ остальными же всадниками выступилъ 13-го числа къ Армутлю, на соединеніе съ княземъ *Дундуковымъ*. Дорога, по которой онъ долженъ былъ идти, до такой степени неудобнопроходима, что сами жители прозвали её *песій путь*. 14-го числа обѣ колонны соединились въ Армутлю, а 15-го, черезъ Гечеванъ, возвратились въ лагерь при Тикмѣ.

Старшины Пассинскаго санджака вездѣ встрѣчали по дорогѣ нашъ отрядъ и провожали его. Движеніе князя *Дундукова* и *Лорисъ-Меликова* по мѣстамъ отдаленнымъ, трудно проходнымъ и, по-видимому, огражденнымъ близостію значительныхъ турецкихъ силъ, кажется, убѣдло жителей, что только покорность русской власти можетъ доставить имъ безопасность.

На другой день Главнокомандующій принималъ вновь поставленныхъ правителей занятаго края и, внушивъ имъ, въ чемъ состоятъ ихъ обязанности, отпустилъ обратно съ Ахмедъ-Агой и его Курдами, которымъ поручено охраненіе этихъ санджаковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Г-нъ Главнокомандующій дѣлалъ смотръ вновь прибывшимъ войскамъ, состоявшимъ изъ одного баталіона Виленскаго егерскаго полка, 2-хъ баталіоновъ Мингрельскаго егерскаго, дво-

рянскихъ дружинъ: Тифлисской и Горійской, двухъ сотень Донцевъ № 35 полка, и взвода 8-й легкой батареи 18-й артиллерійской бригады. Мы давно знали Мингрельцевъ по славу ихъ полка, но съ начала войны еще въ первый разъ видѣли ихъ въ Александропольскомъ отрядѣ. Нельзя было налюбоваться грознымъ и стройнымъ видомъ этихъ боевыхъ солдатъ! Ихъ здоровая наружность, развязная осанка, загорѣлыя лица, опаленныя солнцемъ Карабаха и огнемъ столькохъ сраженій, невольно бросались въ глаза. Г-нъ Главнокомандующій особенно ихъ пріивѣтствовалъ. Въ числѣ другихъ войскъ проходили и дворянскія дружины князей *Александра Эристова* и *Александра Орбеліана*, подъ общимъ начальствомъ тифлискаго губернскаго предводителя дворянства князя *Ивана Орбеліана*. Грузинскіе дворяне, давнишніе братья наши по вѣрѣ и оружію, сами вызвались служить своей саблей Государю. Они проходили подъ звуки своей родной зурны, готовые, какъ всегда, веселиться до дѣла и биться на смерть, когда станутъ лицомъ къ лицу со врагомъ.

ПИСЬМО XVIII.

18-го Іюля. На позиціи у *Тикма*.

Наши колонны продолжаютъ свои поиски въ тылу карскаго арміи. По возвращеніи Полковника *Калкова*, графъ *Шуродъ* двинулся, вечеромъ 14-го Іюля, съ двумя баталіонами Рязанскаго пѣхотнаго полка, тремя дивизіонами Драгунскаго Генераль-Фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванскаго полка и тремя съ половиною сотнями линейскихъ казаковъ. Онъ оставилъ пѣхоту при колоннѣ, расположенной лагеремъ у селенія *Хопанлы* и, взявъ оттуда Драгунскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полкъ и дивизи-

зіонъ 7-й Донской батарен, пошелъ по бывшему пути Генерала *Бакланова* къ селенію Айналы. На дорогѣ былъ захваченъ небольшой транспортъ, шедшій въ Карсъ подъ прикрытіемъ 8-ми вооруженныхъ Турокъ, и за тѣмъ еще другой транспортъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ обывательскихъ аробъ; провіантъ былъ взятъ и розданъ на войско, а жители съ арбами распущены по домамъ. 15-го Іюля Полковникъ *Камковъ* былъ посланъ изъ Айналовъ съ частью пререгулярной кавалеріи по горнымъ дорогамъ къ селенію Учъ-Килиса, чтó верстахъ въ 15-ти отъ Ардагана. На другой день графъ *Ниродъ* послалъ одинъ драгунскій дивизионъ на правый берегъ Карсъ-чая, гдѣ онъ доходилъ до аванпостовъ Полковника *Едиарова*, направленнаго съ летучимъ отрядомъ изъ Огузловъ въ Заришатъ. Между тѣмъ Полковникъ *Камковъ*, совершая свой поискъ, встрѣтилъ партію изъ 12-ти баши-бузуковъ; эти люди, спѣшившись, засѣли въ камняхъ и стали отстрѣливаться; но окруженные, сдались наконецъ въ плѣнъ. Ночью колонна Полковника *Камкова* открыла костры, разбитые около селенія Чобангикъ. Казаки подкрались къ онымъ, но, встрѣченные залпомъ, бросились въ шашки и захватили находившееся тутъ обывательское кочевье, которое, какъ непринадлежащее къ вооруженнымъ силамъ Турокъ, было отпущено домой.

И такъ Карсъ въ нынѣшній разъ былъ въ одно время обогнутъ, какъ бы кольцомъ, нашими поисками, съѣхавшимися ниже города, по теченію рѣки.

Графъ *Ниродъ* возвратился на позицію у Тикмэ 17-го Іюля.

ПИСЬМО XIX.

23-го Юли. Лагерь при сел. *Кёрпи-кёвъ*, на Араксъ.

19-го Юля, съ разсвѣтомъ, въ лагерь на позиціи при сел. Тикмэ началось стройное движеніе. Обозы тянулись въ одну сторону, прикрытіе ихъ снимало палатки и слѣдовало задниною цѣпью аробъ. Вскорѣ поднялся весь лагерь; войска раздѣлились на двѣ, почти равныя, части, изъ коихъ одна спускалась внизъ по Карсъ-чаю и составляла отрядъ командующаго Корпусомъ, Генералъ-Лейтенанта *Бриммера*, который оставался подъ Карсомъ и переходилъ на новую позицію при сел. Комансуръ, въ 5 верстахъ отъ крѣпости; другая подвигалась въ противоположную сторону: то былъ, назначенный къ движенію, отрядъ Генералъ-Лейтенанта *Ковалевскаго*, и съ нимъ отправлялся въ походъ самъ Г. Главнокомандующій.

Восходящее солнце освѣтило колонны и дымящееся мѣсто, гдѣ за нѣсколько минутъ бѣлѣлся временный городъ съ 40 тыс. обитателей. Войска строились безъ барабаннаго боя, и только время отъ времени слышались отрывистые, громкіе отвѣты баталіоновъ на призвѣгствіе начальниковъ.

Съ вечера, по словесному приказанію, отдаданному по Корпусу, знали, что часть войскъ (подъ командою Генерала *Ковалевскаго*, съ Г. Главнокомандующимъ) идетъ въ отдѣльный походъ; всѣмъ извѣстно было, что Полковникъ князь *Дуידуковъ-Корсаковъ* выступилъ на-канунѣ съ кавалеріею; но куда двигались войска, было до времени тайною.

Старые солдаты объясняли движеніе по-своему и, основывая соображенія свои на прекрасной лунной радугѣ, бывшей на

западной сторонѣ неба за двое сутокъ до выступленія, предсказывали походъ въ ту сторону.

Наконецъ сѣдлаась и главная квартира. Главнокомандующій, окруженный свитою, конвоемъ линейныхъ казаковъ и грузинской дворянской дружиной, проѣзжалъ мимо баталіоновъ, здороваясь съ людьми, которые шли съ пѣснями.

Не смотря на тяжелый обозъ (болѣе нежели съ 20-ти-дневнымъ продовольствіемъ), отрядъ прошелъ быстро около 18 верстъ и остановился въ 2 часа пополудни лагеремъ при сел. Топаджихъ. Полковникъ князь *Дундуковъ-Корсаковъ* ожидалъ здѣсь дальнѣйшихъ приказаній и, немедленно послѣ прибытія Г. Главнокомандующаго, отправился далѣе. Не успѣли разбить палатокъ, какъ нарочный, прискакавшій отъ командующаго Корпусомъ, Генералъ-Лейтенанта *Бриммера*, привезъ извѣстіе о томъ, какъ наши казаки славно проучили турецкихъ фуражировъ, осмѣлившихся выйти изъ Карса на луга, предназначенные для насъ самихъ. Вокругъ нашего лагеря, за долиной, по которой прихотливо вѣется Карсъ-чай, широкой дугой тянулись горы, освѣщенные солнцемъ; впереди чернѣлся громадный Саганлугскій хребетъ, поросшій лѣсомъ; по предгорію его правильными параллелограммами поднимался отрядъ князя *Дундукова-Корсакова* въ такомъ порядкѣ, что можно было отличить, не смотря на 8-ми-верстное разстояніе, каждую колонну кавалеріи особо. Здѣсь мы узнали, что авангарду предстоитъ форсированный переходъ въ 70 верстъ, для соединенія на берегахъ Аракса съ отрядомъ Генералъ-Маіора *Суслова*, идущаго со стороны Баязета съ цѣлью стать во флангъ *Вели-нашъ* и отрѣзать ему отступление къ Эрзеруму. Ветераны торжествовали: предсказаніе ихъ сбылось и весь отрядъ весело готовился къ трудному походу.

На другой день, 20-го числа, двинулись далѣе и, послѣ отдыха у подошвы перевала чрезъ Саганлугъ, войска вступили въ прекрасную сосновую рощу. Солдаты какъ будто оживились отъ свѣжаго запаха родныхъ сосенъ, и высокія горы, составляющія переваль, пройдены были весело, съ пѣснями. Съ закатомъ солнца, 1-й эшелонъ прибылъ на мѣсто, на-

званное Г. Главкомандующимъ, еще при первомъ движеніи къ Бардусу. *Холоднымъ Лагеремъ*, за морозный утренникъ, испытанный отрядомъ въ этомъ мѣстѣ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ. — И теперь, въ исходѣ Іюля, на окрестныхъ горахъ роскошная зелень окружаетъ котловины, полная снѣгомъ. Черезъ нѣсколько минутъ запылали костры, трудный переходъ былъ забытъ, и солдаты засуетились около котловъ съ кашей, приправляя её набранными въ лѣсу грибами.

Рано утромъ, 21-го Іюля, первый эшелонъ двинулся впередъ, уступая свою стоянку остальнымъ тремъ, подошедшимъ къ 9-ти часамъ *на холодокъ* — названіе, изобрѣтенное солдатами въ видѣ сокращенія. Въ 11-ти верстахъ отъ *Холоднаго Лагера*, въ глубокой котловинѣ, лежитъ мѣстечко Бардусъ, уже извѣстное войскамъ нашимъ, бывшимъ въ первомъ походѣ къ Енги-кѣву. Здѣсь находилось прежде главное депо турецкаго интендантства, истребленное генераломъ *Баклановымъ*.

Трудно представить себѣ что нибудь живописнѣе этого мѣста. Со всѣхъ сторонъ горы громоздятся въ нѣсколько уступовъ, огромными валунами, и чѣмъ выше, тѣмъ валуны эти кажутся громаднѣе; у подножія горъ пріютилось мѣстечко Бардусъ, окруженное воздѣланными полями и, съ окраины котла, кажущееся небольшою грудю камней, осыненной нѣсколькими тополями. Войска прошли мимо и, по крутизнѣ, которую саперы разработали для обоза, спустились въ лощину Чехырь-Баба, назначенную для ночлега. Вблизи этого мѣста лежитъ сел. Каанлы, извѣстное по сраженію съ Турками въ 1829 году. Здѣсь оставленъ былъ 4-й эшелонъ Генераль-Маіора *Шонерта*, съ обозомъ, и дальнѣйшее движеніе продолжалось на-легкѣ, чрезвычайно быстро. Войска прошли близъ Енги-кѣва и, отдохнувъ въ Зевинѣ, замѣчательномъ старинномъ крѣпостью, въ которой имѣлъ привалъ князь Варшавскій въ 1829 году, по трудной гористой дорогѣ дошли до с. Занзаха, въ 30 верстахъ отъ Кѣрпи-кѣва, на Араксъ, цѣли нашего похода. На другой день, 22-го Іюля, съ тою-же поспѣшностью продолжали путь далѣе, и скоро приблизились къ Араксу, на берегахъ котораго слѣ-

лами короткій привалъ, а на ночь прибыли въ Керпи-кѣвъ. По пути, изъ окрестныхъ деревень, на встрѣчу къ Г. Главнокомандующему, слѣдовавшему въ головѣ отряда, выходили армянскіе священники съ крестомъ и евангеліемъ, а старшины деревень съ хлѣбомъ и солью. Едва снялись мы съ привала, какъ адъютантъ Генераль-Маіора *Суслова* привезъ извѣстіе о дѣйствіяхъ его отряда и кавалеріи князя *Дуидукова-Корсакова*, присоединившагося къ Генералу *Суслову* 21-го числа: когда передовые отряды открыли другъ друга, по обоимъ берегамъ Аракса, то признано было за лучшее соединиться, чтобы обойти непріятели не съ лѣваго фланга, а съ праваго; по этому Полковникъ князь *Дуидовъ* перешель, противъ сел. Команцуръ, на правый берегъ Аракса и сталъ на лѣбомъ флангѣ генерала *Суслова*, продолжавшаго движеніе свое къ мосту чрезъ Араксъ. Предъ мостомъ генералъ *Сусловъ* былъ встрѣченъ 4-мя тысячами турецкой иррегулярной конницы, съ которою завязалъ перестрѣлку, но послѣ нѣсколькихъ ракетъ и выстрѣловъ, пущенныхъ въ непріятели, сей послѣдній отступилъ за мостъ. Генералъ *Сусловъ* продолжалъ наступленіе чрезъ мостъ съ пѣхотою, пустивъ кавалерію лѣвѣе, въ бродъ чрезъ Араксъ. Турки оставили передовой редантъ, защищавшій мостъ, и укрылись въ главномъ укрѣпленномъ лагерѣ, гдѣ ихъ находилось: регулярнаго войска 7-тыс. и столько-же иррегулярнаго, при 32 орудіяхъ; по показаніямъ-же жителей считали ихъ всего до 20,000 человекъ.

У генерала *Суслова* было всего 3 баталіона пѣхоты, которые онъ выдвинулъ на высоты и открылъ по Туркамъ канонаду изъ имѣвшихся у него 6 легкихъ орудій, на которую Турки отвѣчали изъ укрѣпленія.

Между тѣмъ вся кавалерія нашихъ обоихъ отрядовъ, соединившись подъ начальствомъ Полковника князя *Дуидукова-Корсакова*, начала обходить непріятельскій лагерь съ праваго его фланга, куда Турки выдвинули всю свою регулярную и иррегулярную кавалерію съ 6 орудіями. Съ этой стороны, чрезъ рѣчку Гассанъ-кала-чай, началась также канонада, но, при пер-

вомъ движеніи впередъ нашихъ драгунъ, турецкія пушки съ прикрытіемъ быстро скрылись въ укрѣпленный лагерь.

Послѣ сего дѣла Турки въ полѣ нигдѣ болѣе не оставались и поэтому оба наши отряда расположились въ наблюдательномъ положеніи на рѣкѣ Гассанъ-Каа-чаѣ, при сел. Сюлюкъ, что почти въ тылу праваго фланга непріятельской позиціи, въ полуторѣ верстѣ отъ оной, ожидая прибытія главныхъ силъ и почти отрѣзавъ отступление къ Эрзеруму. *Вели-паша* не воспользовался смѣлымъ движеніемъ небольшого отряда Геперала *Суслова* и, узнавъ о движеніи Г. Главнокомандующаго въ обходъ къ лѣвому флангу, чрезъ что его войско подверглось-бы конечному истребленію, воспользовался темною ночью съ 21 на 22 число, поспѣшно снялся и, окольными дорогами, отступилъ за Гассанъ-Кале, на укрѣпленную позицію, въ 10 верстахъ впереди Эрзерума. Отрядъ нашъ занялъ Гассанъ-Кале безъ выстрѣла и захватилъ въ этомъ городѣ и окрестностяхъ нѣсколько тысячъ четвертей ячменя и пшеницы, 500 пуд. муки, до 300 пуд. масла, 10 бочекъ водки, кромѣ того много ядеръ и бомбъ, 105 пѣхотныхъ ружей, 70 штукъ мѣдныхъ артельныхъ котловъ и прочей посуды, 111 палатокъ, нѣсколько лазаретнаго бѣлья и 4 аптечныхъ ящика съ французскими лекарствами. Изъ сего мѣста были высланы конные разъѣзды, открывшіе непріятеля на его новой позиціи, но, не встрѣтивъ въ полѣ непріятельской кавалеріи, свободно рекогносцировали окрестности Эрзерума въ 15-ти верстахъ отъ города.

Потеря съ нашей стороны при канонадѣ и наступленіи заключается въ 1-мъ убитомъ милиционерѣ и 6 раненыхъ нижнихъ чинахъ. Турки оставили на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ, похороненныхъ нами: по собраннымъ свѣдѣніямъ, уронъ ихъ простирается до 25 человекъ убитыхъ и раненыхъ; кромѣ того, положительно извѣстно, что, при отступленіи *Вели-паши*, разбѣжалось до 2-тыс. нерегулярнаго войска.

Это дѣло передовыхъ отрядовъ, послѣдствіемъ коего было отступление *Вели-паши*, весьма похожее на бѣгство, важно по своимъ результатамъ: Карскій муширъ уже не можетъ ожи-

дать со стороны Эрзерума подкрѣпленія, составлявшаго его постоянныя надежды.

Во время движенія и днѣвки при Кѣрпи-кѣвъ, мѣстность изучена и снята на планъ офицерами Корпуса Топографовъ, а укрѣпленныя мѣста (табii) до Гассанъ-Кале срываются, такъ-что при новомъ движеніи въ центръ Анатолиі слѣдованіе наше можетъ быть совершенно вѣрно и рассчитанно.

Войска наши бодро и неутомимо прошли въ 5 дней около 140 верстъ по трудной и гористой мѣстности. При этомъ усиленномъ движеніи, больныхъ и усталыхъ весьма мало, такъ-что послѣ однодневнаго отдыха можно безъ затрудненія предпринять обратное движеніе къ Карсу.

24-го Юлн.

Въ теченіе нынѣшней днѣвки найдены въ окрестъ-лежащихъ селеніяхъ огромные продовольственные запасы, въ такомъ количествѣ, что не было средствъ ихъ уничтожить. Не пригодятся-ли они намъ на будущее время?

25-го Юлн.

Сегодня, передъ выступленіемъ нашимъ изъ Кѣрпи-кѣва, милиціонеры, изъ-подъ самаго турецкаго лагеря, близъ Эрзерума, увели 2-хъ строевыхъ лошадей у пикета, который бѣжалъ, а топографы, ѣздившіе во время марша по сторонамъ, для съѣмки мѣстности, привели 2-хъ солдатъ регулярной турецкой кавалеріи.

ПИСЬМО XX.

30-го Юля. Позіціи при сел. Тикмэ.

Сегодня возвратились мы изъ похода къ Кёрпи-кёву на прежнюю позицію при сел. Тикмэ. На обратномъ пути, поднявшись на Саганлугскія высоты, получено извѣстіе о смѣломъ дѣлѣ охотниковъ полковника *Лорисъ-Меликова*.

Съ вечера 27-го Юля, 50 охотниковъ, подъ команду *Тештамуръ-Касимъ-олы*, отправлены были для присоединенія къ тремъ сотнямъ Мусульманскаго № 1-го полка, посланнымъ для занятія дороги изъ Чиплахлы въ Пенякъ. Изъ числа этой команды 10 человекъ выставлены были пикетомъ при выходѣ изъ саганлугскаго лѣса къ Карсу. На разсвѣтѣ 28-го числа пикетъ замѣтилъ партію изъ 15 человекъ конныхъ и, не завязывая съ ними перестрѣлки, далъ знать начальнику отряда, который немедленно подкрѣпилъ пикетъ остальными 40 охотниками. Прапорщикъ *Тештамуръ-Аиа*, прибывъ на мѣсто, не засталъ пикета и поскакалъ по слѣду лошадей, ясно виднѣвшемуся по направленію къ Пеняку. Послѣ часа поисковъ, онъ открылъ своихъ охотниковъ, слѣдившихъ за непріателемъ. Въ то же время съ Пеняка на помощь партіи выѣхало до 100 баши-бузуковъ. Прапорщикъ *Тештамуръ-Аиа*, убѣдившись, что Турки не могутъ имѣть дальнѣйшихъ подкрѣпленій, смѣло бросился на обѣ соединившіяся партіи, кои, не выдержавъ натиска, обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 5 чел. убитыхъ, 14 лошадей съ сѣдлами и 11 штукъ разнаго оружія, въ числѣ коего найдено одно англійское двухъ-ствольное ружье прекрасной отдѣлки.

Охотники въ пылу преслѣдованія приближались уже къ Пеняку, когда изъ этого селенія вышли около 100 пѣшихъ Лазовъ и пользуясь гористою мѣстностью, прикрыли бѣгство конницы. *Таштамуръ-Аиа*, видя несоразмѣрность силъ и утомленіе лошадей у своихъ охотниковъ, прекратилъ преслѣдованіе, потерявъ только раненую лошадь. Между убитыми баши-бузуками найденъ одинъ смертельно раненый, объявившій, что первая партія, въ 15 чел., замѣченная пикетомъ, была послана изъ Карса для развѣдокъ, по какой дорогѣ возвращается отрядъ нашъ.

Г. Главнокомандующій, получивъ донесеніе объ этомъ отъ важномъ дѣлѣ, во время дневки въ «Холодномъ Лагерьѣ» при слѣдованіи изъ Кёрпи-кѣва, изволилъ, по Высочайше предоставленной ему власти, произвести прапорщика *Тештамуръ-Аю* въ подпоручики и назначилъ одному изъ охотниковъ серебряную медаль съ надписью «за храбрость», для ношенія въ петлицѣ.

ПИСЬМО XXI.

Передъ Карсомъ, на позиціи при *Команцурѣ*.

Пишу къ вамъ изъ отряда, остававшагося передъ Карсомъ подъ начальствомъ командующаго Корпусомъ генералъ-лейтенанта *Бриммера*, въ то время, когда другой отрядъ, съ Г. Главнокомандующимъ, ходилъ къ Кёрпи-кѣву. 19-го Іюля войска раздѣлились: одна половина, подъ личнымъ предводительствомъ Г. Главнокомандующаго, двинулась по арзерумской дорогѣ; другая перешла съ Тикмэ на позицію при *Команцурѣ*, въ 4-хъ верстахъ отъ Карса. Въ это время пять недѣль довольно тѣснаго обложенія произвели уже свое вліяніе на духъ анатолій-

ской арміи, заключенной неподвижно въ нагроможденныхъ ею батареяхъ. Турецкіе начальники ободряли свои войска только надеждою на скорую помощь *Вели-паши*, стоявшаго у Кёрпикёва, что на Араксъ; чтобы лишить ихъ этой послѣдней надежды, Г. Главнокомандующій предпринялъ лично движеніе противъ Вели-Паши.

Силы, оставленныя подѣ Карсомъ, подѣ начальствомъ генераль-Лейтенанта *Бриммера*, состояли изъ 2-хъ пѣхотныхъ полковъ 18-й пѣхотной дивизіи, 3-хъ баталіоновъ Бѣлевскаго егерскаго полка, 3-хъ Лейбъ-карабинернаго, 8-ми ротъ гренадеръ, 2-хъ Мингрельскихъ, полубаталіона стрѣлковъ и полубаталіона саперъ; изъ 16-ти эскадроновъ сводно-драгунской бригады, линейнаго казачьяго № 1-го и Донскаго № 35 полковъ, 1½ сотни охотниковъ, 2-хъ сотень горской и одной Карапахской милиціи; изъ 5 пѣшихъ и одной конной батареи съ конно-ракетною командой. Всего 20½ баталіоновъ (въ составѣ 64-хъ ротъ), 16-ти эскадроновъ и 16½ сотень иррегулярной кавалеріи, при 48-ми орудіяхъ.

19-го Юля, приближаясь къ новой позиціи, начальникъ штаба Дѣйствующаго Корпуса Генераль-Маіоръ *Невировскій*, находившійся впереди съ жолнерами и частію казаковъ, увидѣлъ около сел. Команцуръ колонну непріятельскихъ фуражировъ, подѣ прикрытіемъ 500 башни-бузукковъ. Онъ сейчасъ же двинулъ противъ нихъ флигель-адъютанта подполковника князя *Витгенштейна* съ двумя сотнями линейныхъ казаковъ. *Князь Витгенштейнъ* однимъ ударомъ отбросилъ прикрытіе и отхватилъ часть турецкихъ фуражировъ; болотистая, изрѣзанная канавами, мѣстность и близость карсскихъ батарей, подѣ которыми фуражиры спѣшили укрыться какъ кто могъ, не позволили ему захватить ихъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что на встрѣчу ему вынеслись изъ Карса новыя толпы башни-бузукковъ. Подкрѣпленный еще двумя сотнями своего полка и конно-ракетной командой, *князь Витгенштейнъ* заставилъ это скопище держаться вдаль; а съ прибытіемъ на мѣсто сшибки командующаго корпусомъ, генерала *Бриммера*, нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ сейчасъ

же принудили Турокъ скрыться за ихъ укрѣпленіями. Какъ извѣстили потомъ лазутчики, это дѣло, происходившее почти подъ тѣнью турецкихъ батарей, стоило неприятелю 25 чел. убитыми и ранеными; въ нашихъ рукахъ осталось 46 плѣнныхъ, много аровъ и скота. Казаки имѣли только 4-хъ легко-раненыхъ.

Какъ только Турки увидѣли, что мы разбиваемъ лагерь у Команцура, они высыпали въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ на Шорахскую гору и на батареи у Кичикъ-эва и до ночи трудились надъ своими укрѣпленіями. Эти усиленные работы продолжались нѣсколько дней сряду. Явившіеся въ нашъ лагерь дезертиры показывали, что начальники Анатолийской арміи чрезвычайно истощаютъ свое войско работою и что даже офицеры лично не были избавлены отъ нея: они рыли землю и таскали камни наравнѣ съ прочими. Но въ этихъ изнурительныхъ трудахъ и заключалась дѣятельность турецкой арміи. Не смотря на то, что она далеко превосходила числомъ блокировавшей ее отрядъ, она осталась наглухо-запертою въ своихъ стѣнахъ. Наши летучіе отряды продолжали топтать окрестности Карса; наши фуражиры косили на полтора полета ядра отъ карскихъ батарей,—Турки не двигались; только далекіе и робкіе выстрѣлы баши-бузуковъ обнаруживали порой присутствіе неприятельской арміи въ 4-хъ верстахъ отъ нашего лагеря. Первые дни командующій корпусомъ, генералъ *Бриммеръ* употребилъ на обозрѣніе Карса со стороны Команцура и Караджурана. Топкія дороги черезъ болотистую поляну были исправлены и черезъ канавы сдѣланы насыпи.

Чтобы отнять у неприятеля его послѣднее сообщеніе на Ардаганъ, которымъ онъ могъ пользоваться по временамъ, въ промежуткахъ нашихъ летучихъ отрядовъ, командующему Ахалкалакскимъ отрядомъ, полковнику *барону Уиернъ-Штернбергу*, еще до раздѣленія войскъ, было предписано занять этотъ городъ и войти въ связь съ кавалерійскою колонною, которая будетъ выслана изъ лагеря къ Меликъ-Кёю. Полковнику *Эдигарову* приказано было двинуться туда-же, такъ, чтобы наши летучіе отряды съ одной, а войска, стоящія у Команцура, съ

другой стороны, обогнули бы Карсъ кольцомъ. Полковникъ *баронъ Ушеръ* вступилъ въ Ардаганъ 20 числа съ 3½ сотнями казаковъ и 5-ю сотнями милиціи. Занимавшіе его Аджарцы успѣли разбѣжаться, кромѣ 22-хъ человекъ, захваченныхъ казаками. Оказалось, что эти 22 Аджарца были отправлены изъ Карса съ тѣмъ, чтобы подымать противъ насъ мирное населеніе здѣшняго края; карманы ихъ были набиты прокламаціями. Изъ Ардагана баронъ *Ушеръ* продолжалъ свое движеніе къ Карсу.

Между тѣмъ 23-го числа, въ часть ночи, генералъ *Баклановъ* былъ отправленъ изъ лагеря на поискъ съ 6-ю сотнями казаковъ, горцами и конно-ракетною командой. Онъ обогнулъ Карсъ съ нагорной стороны и, скрывшись въ лощинѣ, на разсвѣтѣ захватилъ, подъ самую Чахмахскую батарею, уже почти вступавшій въ городъ транспортъ изъ 60-ти вьюковъ. Турки на этотъ разъ, кажется, вышли изъ терпѣнія. Они выдвинули на перерѣзъ казакамъ колонну изъ 8-ми баталіоновъ съ конницей и артиллеріей; но колонна эта не посмѣла отойти далеко отъ своихъ батарей. Генералъ *Баклановъ*, взявъ нѣсколько вправо, обошелъ ее по горѣ и въ 9-ть часовъ утра благополучно воротился въ лагерь.

Къ ночи генералъ *Баклановъ* выступилъ снова и къ разсвѣту прибылъ въ Меликъ-Кей. По утру полковникъ *Эдигаровъ* былъ уже около Карса и захватилъ нѣсколько лошадей у турецкихъ фуражировъ. Генералъ *Баклановъ*, съ своей стороны, ударилъ на фуражировку, вышедшую на оконечность Карадага, положилъ на мѣстѣ 2-хъ драгунъ, захватилъ 7-мь солдатъ и 53 арбы съ упряжнымъ скотомъ. Жители, сопровождавшіе арбы, были отпущены. Слѣдуя къ Инджа-Су, наши казаки захватили еще стадо барановъ и 6 сопровождавшихъ его турецкихъ кавалеристовъ. На другой день полковникъ *Эдигаровъ* присоединился въ Инджа-Су къ генералу *Бакланову*.

25-го же числа была произведена, съ сильнымъ прикрытіемъ, фуражировка, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта князя *Гаварина*, у самого подножія Шорахской горы. Турки спустили-

было баталіонъ штуцерныхъ, но тѣ держались такъ далеко, что не причинили намъ никакого вреда.

Съ того дня, какъ отрядъ Генераль-Лейтенанта *Бриммера*, отдѣлившись отъ Г. Главнокомандующаго, занялъ позицію у Команцура, Турки могли фуражировать съ той стороны только подѣ своими батареями; для этой крайности они, кажется, нарочно оставили нескошенными поля, прилегающія къ ихъ укрѣпленіямъ. Еще на рекогносцировкѣ 22-го числа командующій корпусомъ генераль *Бриммеръ* замѣтилъ полосы незрѣлаго хлѣба и высокой травы передѣ фронтомъ непріятельскихъ линій. Чтобы лишить Турокъ этого послѣдняго средства, генераль *Бриммеръ* произвелъ 26 числа большую фуражировку, подѣ своимъ личнымъ начальствомъ. Въ это же время къ нашему лагерю подходилъ изъ Александрополя транспортъ; соединенные летучіе отряды генерала *Бакланова*, полковниковъ барона *Унгерна* и *Эдшарова*, находившіеся въ поискѣ на Карсъ-Чаѣ, ниже Карадагской горы, должны были доставить въ Команцуръ захваченныхъ плѣнныхъ и добычу. Колонна, выведенная командующимъ Корпусомъ, прикрывая фуражировъ въ виду непріятеля, служила также опорнымъ пунктомъ всѣмъ этимъ разнообразнымъ движеніямъ и потому была составлена изъ 8-ми баталіоновъ, 12-ти эскадроновъ и сотни казаковъ, при 22-хъ орудіяхъ. Миновавъ Караджуранъ, она поднялась на небольшую высоту противъ Карса. Генераль *Бриммеръ*, находившійся съ своимъ штабомъ впереди войскъ, разставилъ стрѣлковъ на самомъ переломѣ равнины, откуда она легкимъ скатомъ опускается къ фронту непріятельскихъ укрѣпленій, и остановилъ первую линію. Переломъ этотъ закрывалъ отъ насъ турецкія батареи; только съ нашего лѣваго фланга можно было видѣть правый бастионъ, упирающійся въ рѣку. Фуражиры были расположены по мѣстамъ. Вдругъ турецкое ядро ударило въ наши линіи: оказалось, чего трудно было ожидать, что, при большомъ калибрѣ турецкихъ крѣпостныхъ орудій, мы находились уже подѣ ихъ огнемъ. Командующій Корпусомъ приказалъ орудіямъ лѣваго фланга дать два отвѣтные выстрѣла и за тѣмъ наши

линіи тихо подались назадъ. За всѣми слѣдовалъ одинъ драгунскій эскадронъ, высланный въ тылъ, чтобы подбирать раненыхъ. Турки провожали насъ самымъ бѣглымъ пушечнымъ огнемъ на пространствѣ около 200 сажень. Къ общему сожалѣнію, при этомъ случаѣ былъ смертельно раненъ командиръ Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка, генераль-майоръ *Куколевскій*, столь памятный Туркамъ по своей грозной атакѣ на поляхъ Кюрукъ-Дара, и убиты: командиръ 7-й легкой батареи 13-й артиллерійской бригады, бывший адъютантъ генерала Бриммера, храбрый подполковникъ *Талыренъ*, и капитанъ Генеральнаго Штаба *Прохоровъ*, въ первый разъ въ жизни выѣхавшій въ дѣло. Вся наша потеря состояла изъ 2-хъ офицеровъ и 2-хъ нижнихъ чиновъ убитыми, 1-го Генерала, 1-го офицера и 18-ти нижнихъ чиновъ ранеными, 2-хъ офицеровъ и 12-ти нижнихъ чиновъ контуженными.

Въ тоже время, какъ канонада загремѣла съ фронта карскихъ линій, генералъ *Баклановъ* и полковникъ *Эдигаровъ*, соединившись съ полковникомъ барономъ *Умерномъ*, приблизились къ Карадагской горѣ. Видя, что все вниманіе Турокъ обращено въ другую сторону, Генералъ *Баклановъ* сейчасъ же воспользовался этимъ. Высланные впередъ горцы выхватили стадо рогатаго скота почти съ гласиса турецкой батареи; это было совершенно такимъ быстрымъ налетомъ, что озадаченные Турки успѣли открыть огонь тогда лишь, когда горцы и добыча ихъ были уже на дальній пушечный выстрѣлъ. Генералъ *Баклановъ* отправилъ впередъ, въ лагерь, полковника барона *Умерна*, для полученія приказаній и съ нимъ отбитый скотъ; вслѣдъ за тѣмъ показались: сотня линейныхъ казаковъ съ плѣнными и транспортъ изъ Александрополя. Генералъ *Майдель*, оставленный съ небольшою колонной за Караджураномъ, собралъ всѣ эти части. Вечеромъ колонна Генерала *Бакланова* прибыла благополучно въ лагерь. Летучіе отряды полковниковъ барона *Умерна* и *Эдигарова* были снова отдѣлены: первый по-

лучилъ приказаніе наблюдать за ардаганскою дорогою, съ лѣвой ея стороны; второй воротился въ Гаджи-Вали.

28-го числа Турки съ своей стороны предприняли фуражировку въ большихъ размѣрахъ. Они спустили съ Шорахской высоты двѣ тысячи конницы, и впереди ея на полу-горѣ вытянули 4 баталіона съ артиллеріей. Противъ этихъ войскъ была послана колонна подъ начальствомъ генерала *Майделя*, но какъ въ тоже время масса Турокъ показалась и съ другой стороны, отъ города, то Генераль *Майдель* былъ отозванъ и всѣ войска выстроены въ боевой порядокъ. Можно было думать, что Турки, боясь скорого возвращенія Главнокомандующаго изъ-за Саганлуга, хотятъ наконецъ повести на насъ общее наступленіе. Но скоро убѣдились, что рѣшимость ихъ не простирается такъ далеко. Командующій Корпусомъ Генераль-Лейтенантъ *Бриммеръ* снова послалъ противъ войскъ, сошедшихъ съ Шорахской горы, Генерала *Бакланова* съ 5-ю сотнями и 2-мя баталіонами; но непріятель, не дожидаясь ихъ, поднялся на высоту.

30-го Іюля временный отрядъ, ходившій за Саганлугъ подъ личнымъ предводительствомъ Главнокомандующаго, возвратился на позицію у Тикмэ,—чѣмъ и кончились отдѣльныя дѣйствія войскъ, оставленныхъ подъ Карсомъ. Въ продолженіе 12-ти дней эти войска держали гораздо превосходнѣйшаго непріятеля въ тѣсной блокадѣ; наши летучіе отряды безпрестанно разъѣзжали вокругъ Карса; всѣ сообщенія непріятеля были захвачены. Анатолийская армія все-таки упорно ожидала своей участи, владѣя только одною высотой, гдѣ расположены ея укрѣпленія.

ПИСЬМО XXII.

7-го Августа. Лагерь при сел. Чивтлингай.

По возвращеніи Главнокомандующаго съ отрядомъ генерала *Ковалевскаго* изъ похода къ Кёрпи-кёву обратно въ Тикмэ, Карсъ былъ подвергнутъ тѣсной блокадѣ; для сего отряды Генераль-Лейтенантовъ *Бриммера* и *Ковалевскаго* не соединились, а, по соображенію съ мѣстностью, подробно рекогносцированной, сдѣлана слѣдующая диспозиція войскъ: отрядъ Генераль-Лейтенанта *Бриммера* занялъ правый, а Генераль-Лейтенанта *Ковалевскаго* лѣвый берегъ Карсъ-чая; для этого первый, по распоряженію Г. Главнокомандующаго, былъ отодвинутъ нѣсколько назадъ съ прежней позиціи Команцуръ и поставленъ лѣвымъ флангомъ къ сел. Чивтлингай, а второй выдвинутъ впередъ, такъ-что правый флангъ его примкнулъ къ первому отряду, а лѣвый къ сел. Томра. Эти два отряда разделяются р. Карсъ-чаемъ, хотя вездѣ въ бродъ проходимою, но на которой, для удобнѣйшаго сообщенія, строится мостъ.

Карсъ впереди насъ верстахъ въ шести. Ниже Карса, при сел. Меликъ-кёвъ, стоитъ генералъ *Баклановъ* съ сильнымъ летучимъ отрядомъ и съ конною артиллеріею. Влѣво соединяется онъ развѣздами чрезъ гору Ягни-дагъ съ летучимъ-же отрядомъ полковника *Эдиарова*, а далѣе посредствомъ коннаго отряда графа *Нирода*, стоящаго по выше сел. Малой-Тикмэ, съ Генераль-Лейтенантомъ *Бриммеромъ*. Вправо Генераль-Маіоръ *Баклановъ* соединяется развѣздами съ отрядомъ полковника барона *Умернз-Штернберга*, расположеннаго къ сѣверу отъ Карса у озера Айгеръ-гёль, а баронъ *Умернз*

соединяется разѣздами съ сильнымъ коннымъ отрядомъ Полковника князя *Дундукова-Корсакова*, имѣющимъ также конную артиллерію и стоящимъ при сел. Гюдели.

Полковнику *Лорисъ-Меликозу* поручено было объѣхать, имѣя подѣ командою Горійскую дворянскую дружину, партію охотниковъ и двѣ сотни Курдовъ, съверо-западную часть Карса, наблюдая за пространствомъ между дорогами на Ольту и Ардаганъ, по верховьямъ р. Куры. Генералъ *Базинъ* занялъ позицію при Амарага. Тылъ нашъ къ сторонѣ Саганлуга наблюдается 3-мя сотнями Карабагцевъ, стоящихъ близъ сел. Котанлы.

Такое расположеніе войскъ и летучихъ отрядовъ отрѣзываетъ Карсу всякое сообщеніе съ прочими мѣстами и заграждаетъ пугъ подвозамъ и подкрѣпленіямъ. По дорогѣ къ Эрзеруму стоятъ главныя наши силы, жаждущія боя, а съ боковъ быстрая кавалерія подѣ начальствомъ отважныхъ и зоркихъ офицеровъ. Впрочемъ, карсскому гарнизону предусмотрительно открытъ путь къ Алексадраполю; но на этомъ пути широко раскинулись безмолвно-краснорѣчивыя поля Башъ-Кадыкляра и Кюрюкъ-Дара, чрезъ которыя Турки перешагнуть не рѣшатся.

2-го Августа всѣ отдѣльныя части войскъ заняли назначенныя имъ мѣста, а полковникъ баронъ *Уигернъ-Штернбергъ*, прибывъ 1-го Августа на позицію у озера Айгеръ-гель и получивъ свѣдѣніе, что партія Лазовъ, выбѣжавшая изъ Карса, пробирается въ горы, съ сотнею казаковъ напалъ на неё, разсѣялъ и положилъ на мѣстѣ 6-ть человекъ; остальные, пользуясь темнотою ночи и гористою мѣстностью, разбѣжались. Съ нашей стороны при этомъ раненъ проводникъ.

Полковникъ *Лорисъ-Меликовъ*, выступивъ изъ лагеря 1-го Августа, направился къ верховьямъ Куры и, дойдя до сел. Бердыхъ, увѣдомилъ о своемъ прибытіи находившагося вблизи полковника *Уигернъ-Штернберга*, послѣ чего расположился bivуакомъ, выслалъ въ засаду къ горѣ Чахмаху, на которой устроены батареи, защищающія Карсъ, пол-сотни своихъ охотниковъ. Цѣлью засады было: захватить турецкихъ фуражировъ

въ случаѣ, ежели-бы они вздумали выйти въ эту сторону. На разсвѣтѣ онъ выдвинулся съ своимъ отрядомъ къ сел. Чоглауру, предупредивъ объ этомъ движеніи барона *Ушерна*, выѣхавшаго съ 3-мя сотнями, чтобы подкрѣпить его. Въ 9 часовъ утра охотники отѣснили непріятельскій пикетъ подъ батареей Чахмаха и завязали перестрѣлку, которая вызвала нѣсколько сотъ баши-бузуковъ и четыре эскадрона регулярной кавалеріи, не смѣвшихъ однако выѣхать изъ подъ выстрѣловъ своихъ батарей. При этомъ взяты въ плѣнъ за сел. Чахмахъ: 1 рядовой низама и 6 баши-бузуковъ. Не подходя подъ выстрѣлы орудій, полковникъ *Лорисъ-Меликовъ*, простоявъ около 3 часовъ и продолжая перестрѣлку, соединился съ барономъ *Ушернъ-Штерибергомъ* и отправился на его позицію для ночлега, гдѣ далъ отдыхъ лошадямъ. На слѣдующій день, 4 числа, продолжалъ объѣздъ чрезъ Орта-Килису къ Меликъ-кѣву, гдѣ расположенъ отрядъ генераль-маіора *Бакланова*; при этомъ отрядъ оставался до другаго дня, а 5-го Августа выступилъ далѣе и прошелъ подъ Карадагомъ по направленію къ Малой-Тикмѣ, мѣсту нахождения отряда генераль-маіора графа *Нирода*. При слѣдованіи мимо карскихъ батарей направлено было полсотни охотниковъ, дабы отхватить, ежели можно, непріятельскихъ фуражировъ, но такъ какъ, вслѣдствіе обложенія крѣпости, фуражиры не выходятъ изъ-подъ выстрѣловъ, собирая на этомъ небольшомъ пространствѣ скудные остатки травы и хлѣба на корнѣ, то дѣло кончилось перестрѣлкой, при чемъ взяты въ плѣнъ: 1 рядовой низама и 1 баши-бузукъ; съ нашей стороны потери не было.

Сдѣлавши привалъ при отрядѣ графа *Нирода*, полковникъ *Лорисъ-Меликовъ* прибылъ того-же числа въ главный лагерь при сел. Чивтлугай, сдѣлавъ безпрепятственно поискъ вокругъ вѣсѣхъ укрѣпленій Карса и взявъ при этомъ въ плѣнъ, безъ потери съ нашей стороны, 10 человекъ непріятелей.

ПИСЬМО XXIII.

12-го Августа. Лагерь при сел. Чивтлугай.

Изъ заглавія моего письма видно, что мы стоимъ уже нѣсколько времени на той-же позиціи, соединяющей удобство съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ; сообщеніе чрезъ р. Карсъ-чай упрочено мостомъ, крѣпко и красиво построеннымъ саперами. Съ каждымъ днемъ мы болѣе и болѣе забываемъ, что земля подъ нашими палатками и окрестности когда-то принадлежали Турціи; вся широкая полоса отъ Ахалциха, Ахалкалакъ и Александрополя, мимо Карса, до Евфрата, покорилась и платитъ *бахру* (подать), состоящую въ $\frac{1}{10}$ части жатвъ, собираемыхъ жителями. Ячмень раздается войскамъ, а пшеница наполняетъ наши пограничные магазины, обеспечивая дальнѣйшее продовольствіе и уменьшая расходы казны.

Ардаганъ, снова нами занятый, снабжаетъ войска, по требованіямъ начальниковъ, всѣмъ необходимымъ, а въ санджакахъ: Шурагельскомъ, Кагызманскомъ, Гечеванскомъ, Заришатскомъ и Тахтинскомъ (собственно карсскомъ), учреждены Управленія, наблюдающія за порядкомъ, безопасностію жителей и правильнымъ сборомъ *бахры*: въ последнемъ изъ поименованныхъ санджаковъ она состоитъ изъ лѣса, который жители обязаны подвозить намъ для топлива и другихъ надобностей; это сдѣлано въ видахъ облегченія поселянъ сего санджака, наиболѣе перенесшихъ тягость войны.

Перехожу къ нашей лагерной жизни. Въ развлеченіяхъ недостатка нѣтъ; то являются перебѣжчики изъ Карса, то привозятъ плѣнныхъ; иногда привозятъ отбитыя однимъ изъ на-

шихъ летучихъ отрядовъ почты, которыя съ нетерпѣніемъ ожидаются въ Карсъ, но попадаютъ раньше въ наши руки; впрочемъ частныя письма весьма исправно, сотнями, отсылаются по назначенію. Но это все мелкія развлеченія; къ болѣе разнообразнымъ относятся стычки и схватки нашихъ малыхъ партій съ непріятельскими. Послѣ возвращенія полковника *Лорисъ-Меликова* изъ поиска вокругъ Карса (подробно описаннаго въ последнемъ письмѣ), генералъ *Баклановъ*, 7-го числа, замѣтивъ довольно сильный турецкій отрядъ, вышедшій изъ Карса, вѣроятно для фуражировки, съ обыкновенною своею быстротою перешелъ чрезъ р. Карсъ-чай и напалъ на враговъ. Турки, тоже съ своею привычною поспѣшностію, удалились въ крѣпость; но при этомъ у нихъ изрублены шашками 3 человека и, кромѣ того, гранаты нашей конной артиллеріи, лопнувшія въ рядахъ турецкой кавалеріи, вычеркнули изъ списковъ нѣсколькихъ *суварі* (*). Въ этомъ дѣлѣ у насъ раненъ саблею одинъ Кабардинецъ.

Того-же дня было замѣчено большое движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ; изъ окоповъ выступилъ значительный отрядъ пѣхоты и кавалеріи; всѣ пригорки нашей позиціи устѣялись офицерами и солдатами; мы не вѣрили глазамъ своимъ: неужели Турки рѣшились дать намъ дѣло въ полѣ? Но, къ общему сожалѣнію, скоро разувѣрились въ своихъ ожиданіяхъ, потому-что едва изъ отряда графа *Нирода* двинулись три дивизіона драгунъ, а изъ нашего лагеря отправлены были охотники полковника *Лорисъ-Меликова* и грузинская конная дружина, турецкій отрядъ отступилъ во-свояси. Мы смотрѣли въ трубу, ясно видѣли начальниковъ частей и перестрѣлку фланкѣровъ; видѣли, какъ свалился съ лошади подстрѣленный баши-бузукъ; но опять съ сожалѣніемъ убѣдились, что дѣла быть не можетъ такъ скоро, хотя и въ порядкѣ отступалъ непріятель въ свой лагерь.

(*) Всадникъ регулярной конницы.

Нѣсколько дней тому назадъ подполковникъ *Петровъ*, командующій, за болѣзнію полковника *Камцова*, своднымъ № 2 линейскимъ казачьимъ полкомъ, замѣтивъ на разсвѣтѣ партію Турокъ, погнался за ними и, преслѣдуя, положилъ 3-хъ человекъ, изъ коихъ одно тѣло Турки не успѣли утащить.

Казакъ его-же полка (5 человекъ), коимъ приказано было высмотрѣть мѣсто для удобной постановки ракетныхъ станковъ, проскакали мимо всего гласиса нижняго укрѣпленія и вызвали этимъ отважнымъ поступкомъ цѣлыя толпы турецкихъ солдатъ; но казакъ кончилъ дѣло свое такъ удачно, что, не смотря на жаркій по немъ ружейный огонь, ускакали цѣлы и невредимы, и только у одного арчакъ сѣдла разбитъ штуцерною пулею. Въ ту-же ночь было пушено въ непріятельскій лагерь 8-мъ ракетъ, изъ коихъ 5-ть запрыгали по палаткамъ и произвели тамъ страшную тревогу, сопровождавшуюся крикомъ, шумомъ, и вызвавшую непріятельскія войска подъ ружье. Но наши удалцы были уже далеко.

Отрядъ генерала *Суслова*, съ которымъ мы имѣли недолгое свиданіе въ Кёрпи-кёвъ, тоже дѣлаетъ поиски.

Еще недавно полковникъ Донскаго № 23 полка *Хрещатицкій* ходилъ къ Мелезгирду и Патносу, къ странѣ Ванъ. Нѣкоторые куртинскіе старшины, не пожелавшіе намъ покориться, провѣдавъ о его приближеніи, удалились, а народъ изъявилъ вездѣ покорность, удивляясь появленію войскъ нашихъ въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ.

Разказы выбѣгающихъ изъ Карса солдатъ, подробно допрашиваемыхъ, почти всѣ согласны между собою: муширь поддерживаетъ карсскій гарнизонъ обманчивыми надеждами, но довѣріе къ нему примѣтно слабѣетъ.

ПИСЬМО XXIV.

18-го Августа. Лагерь при сел. *Чистлагай*.

Въ увѣренности, что для васъ любопытны *всѣ* дѣйствія наши, я продолжаю сообщать о стычкахъ летучихъ отрядовъ.

На ольтинской дорогѣ снова перехвачены двѣ почты съ частными письмами (до 800), небольшими посылками и деньгами. Письма эти по прежнему отсылаются въ Карсъ.

13-го Августа, двѣ сотни линейныхъ казаковъ, подъ командою подполковника *Петрова*, напали на турецкихъ фуражировъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, молодцы линейцы погнавши непріятели, изрубили 21-го человѣка, взяли 2-хъ регулярныхъ солдатъ въ плѣнъ (въ томъ числѣ одного, состоявшаго въ конвойной командѣ главнокомандующаго въ Карсъ мушира) и захватили ихъ оружіе, не потерявъ ни одного изъ своихъ.

Въ ночь съ 13-го на 14-е число, подпоручикъ *Ташь-Темуръ*, съ 30 охотниками изъ команды полковника *Лорисъ-Меликова*, былъ посланъ въ засаду, изъ которой, выскакавъ на разсвѣтъ, при появленіи сильнаго турецкаго резерва, поддержаннаго регулярною кавалеріей, прогналъ его и взялъ въ плѣнъ 3 башибузуковъ и 1 письмоводителя.

14-го числа поутру, генераль-маіоръ *Баклановъ*, замѣтивъ турецкое войско, въ значительныхъ массахъ и съ артиллерією вышедшее изъ Карса и направлявшееся къ д. Масидъ, немедленно выступилъ съ частию своего отряда на встрѣчу непріятели и послалъ къ полковнику барону *Унгернъ-Штернбергу* просить его выйти съ отрядомъ на высоты между деревнями Чумурлы и Гюнъ-Гермесъ. Подвигаясь впередъ, генераль *Ба-*

Клаповъ увидѣлъ значительное число турецкихъ фуражировъ, прикрываемыхъ 10-ю баталіонами пѣхоты съ 8 орудіями. Только что отрядъ генералъ-маіора *Бакланова* взомель на ближайшія къ непріятелю высоты, какъ былъ встрѣченъ залпомъ 8 орудій съ фронта и съ фланга; но Турки стрѣляли съ такого дальняго разстоянія, что выстрѣлы ихъ не нанесли нашимъ никакого вреда. Только нѣсколько ядеръ, вѣроятно выпущенныхъ изъ орудій большаго калибра, перелетѣло чрезъ отрядъ. Полковникъ князь *Дундуковъ-Корсаковъ*, находившійся у сел. Хопанлы, услышавъ выстрѣлы со стороны д. Чахмахъ, поспѣшилъ туда съ своимъ отрядомъ. Съ прибытіемъ князя *Дундукова-Корсакова*, Турки, угрожаемые нашими отрядами съ двухъ сторонъ, снялись съ позиціи и стали отступать.

Въ предположеніи, что вылазка въ такихъ значительныхъ силахъ имѣла цѣлю или уходъ Турокъ изъ Карса, или движеніе ихъ на встрѣчу ожидаемаго изъ Ольты (какъ носилась слухи) большаго транспорта, двинуты были изъ главнаго нашего лагеря, по направленію на сѣверъ, войска, подъ командою генералъ-лейтенанта *Ковалевскаго*, а также Курды, охотники полковника *Лорисъ-Меликова* и Горійская дворянская дружина. Мы любовались изъ лагеря, какъ по широкой долинѣ за Карсъчаемъ войска стройно расходилась по разнымъ дорогамъ, сверкая штыками и затыгивая свои любимыя пѣсни. Вскорѣ, вновь за тѣмъ высланный отрядъ генералъ-лейтенанта князя *Гагарина* занялъ гору противъ укрѣпленнаго Шорахскаго лагеря, а войска генерала *Ковалевскаго* вошли въ ущелье. Во время этого движенія охотники полковника *Лорисъ-Меликова*, находившіеся впереди колонны генерала *Ковалевскаго*, завидѣвъ пасущійся турецкій скоть, подскочили подъ самую укрѣпленія Карса и, не смотря на артиллерійскій и батальный ружейный огонь, отбили 84 штуки. Въ этой схваткѣ изрублено нѣсколько Турокъ, а у насъ раненъ одинъ охотникъ.

Вечеромъ того-же дня отряды (за исключеніемъ находившагося подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Ковалевскаго*), увидѣвъ, что непріятель отошелъ въ Карсъ, стали возвращаться въ свои

лагери, но, и при обратномъ движеніи, Карабахцы изъ отряда князя *Дундукова-Корсакова*, взяли въ плѣнъ, подъ Шорахскими высотами, 2-хъ человекъ изъ партій выхавшихъ противъ нихъ Турокъ.

Въ ночь съ 14-го на 15-е число казаки подполковника *Петрова* произвели тревогу залпомъ изъ ружей по неприятельскому лагерю, подскакавъ къ невысокой куртінѣ, соединяющей два укрѣпленія противъ луговой стороны, и этимъ смѣлымъ дѣйствіемъ вѣроятно продержали карсскій гарнизонъ всю ночь подъ ружьемъ.

15-го числа отряды полковниковъ барона *Уитернъ-Штернберга* и князя *Дундукова-Корсакова* дѣлали поискъ въ Гельскій Санджакъ. Дойдя до разореннаго селенія Алтынъ-Булахъ, они послали разъѣзды къ сел. Дадашинъ и Хевы, но нигдѣ не встрѣтили неприятеля; видѣли только слѣды проскакавшей изъ Карса, ночью съ 13-го на 14-е число, партіи, оставившей за собою 11-ть изнуренныхъ лошадей и разныя потерянныя вещи. На другой день оба отряда возвратились на прежнія мѣста.

15-го же числа генералъ *Баклановъ* послалъ есаула *Насльдышева* съ большою партією въ ущелье рѣки Карсъ-чая, чтобы захватить пасущееся тамъ, подъ выстрѣлами укрѣпленій, турецкое стадо, что и было выполнено съ тою смѣлостію и отвагой, которою, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Бакланова*, отличается легкая кавалерія наша, приобрѣвшая навѣкъ къ этой удали еще въ малой войнѣ съ кавказскими горцами. Не смотря на то, что часть скота бросилась ближе къ укрѣпленію, одинъ ловкій урядникъ, съ нѣсколькими Донцами № 35-го полка, отрѣзалъ стадо подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ Турокъ, оторопѣвшихъ въ своихъ укрѣпленіяхъ. Казаки отбили, изъ-подъ ружейнаго огня съ батарей, 96 штукъ скота. Есаулъ *Насльдышевъ* при этомъ контуженъ двумя пулями, а у одного казака ранена лошадь.

18-е Августа. Не вдалекѣ отъ ставки Главнокомандующаго, на чисто выметенной площадкѣ, стоитъ большая палатка, осыенная простымъ деревяннымъ крестомъ: это корпусная

церковь. Всякое утро и вечеръ совершается въ ней богослуженіе и раздается пѣніе клира.—Въ это время она наполнена и окружена солдатами, такими же добрыми христіанами, какъ храбрыми воинами на полѣ битвы и усердными слугами Царя въ мирное время.

Сегодня части отъ всѣхъ полковъ, находящихся на позиціи, выстроены были покоемъ около церкви; офицеры занимали средину. Солнце весело сіяло на небѣ; но не радостны были ряды солдатъ: всѣ знали, что не на торжество были собраны они, а чтобы молить Бога, да успокоитъ въ селеніяхъ горныхъ душу Императора Николая I-го,—и молились усердно, отъ глубины души.

ПИСЬМО XXV.

22-го Августа. Лагерь при сел. Чивталигай.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ слегка упоминается о небольшой партіи, проскакавшей изъ Карса въ ночь съ 13-го на 14-е число этого мѣсяца. По собраннымъ объ этомъ свѣдѣніямъ оказывается, что Турки прокрались не совсѣмъ безнаказанно: они встрѣчены были дѣлавшимъ разъѣздъ въ долину Бердыка, карабахскимъ *Али-Бекомъ Качарлинскимъ*, который, не смотря на свою малочисленность, ранилъ у нихъ 3-хъ человекъ (увезенныхъ партією) и отбилъ 9-ть лошадей, изъ коихъ 3 заводныя, а 6 осѣдланныхъ.

Въ расположеніи нашихъ отрядовъ, окружающихъ Карсъ, сдѣланы небольшія измѣненія, чѣмъ крѣпость еще болѣе стѣснена.

18-го числа подполковникъ *Петровъ* напалъ на турецкихъ фуражировъ, выѣхавшихъ изъ Карса, и погналъ ихъ, изрубивъ при этомъ 2-хъ человекъ, а одного взялъ въ плѣнъ, захвативъ при томъ ружья и 2-хъ лошадей.

Почти въ тоже время генераль-маоръ *Баклановъ* атаковалъ значительную партію Турокъ, вышедшихъ на фуражировку близъ Карадага, подъ прикрытіемъ своей регулярной кавалеріи. Быстрый натискъ генерала *Бакланова* былъ такъ неожиданъ, что не только обратилъ непріятеля въ бѣгство, но даже заставилъ раскидать по полю собранные имъ вьюки фуража.

Не довольствуясь этимъ, генераль *Баклановъ* преслѣдовалъ Турокъ съ ракетною командою и однимъ легкимъ орудіемъ, снимавшимся для дѣйствія съ передковъ на полномъ карьерѣ. Фуражиры, спасаясь, смѣли колонны своей регулярной кавалеріи. Шесть сотень казаковъ, двѣ сотни горской милиціи и одно орудіе принудили непріятеля къ бѣгству, сдѣлавшемуся общимъ и обратившему какъ башни-бузуковъ, такъ и регулярную кавалерію въ нестройныя толпы. Турки начали стрѣлять по нашимъ съ Карадагскихъ высотъ изъ большихъ своихъ орудій, но пальба эта была для насъ безвредна. Наконецъ изъ Мелинкѣва выступили два дивизиона драгунъ, и партія генерала *Бакланова*, не преслѣдуемая Турками, соединилась съ ними. Въ семъ молодецкомъ дѣлѣ, происходившемъ между сел. Мицра и Карсомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ полковникъ *Камковъ* со 2-мъ линейнымъ полкомъ, 2-го Іюня, прогналъ турецкую кавалерію, взято въ плѣнъ 8 человекъ изъ регулярнаго войска и 8 башни-бузуковъ, а также захвачены 8 катеровъ (т. е. лошаковъ) и 4 лошади; о числѣ убитыхъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній, ибо, по донесенію генерала *Бакланова*, отъ пыли, пальбы и быстрыхъ движеній нельзя было видѣть, сколько Турокъ положено на мѣстѣ. Но, по всѣмъ вѣроятіямъ и неофициальнымъ извѣстіямъ, число убитыхъ должно быть значительно. Нашъ уронъ состоитъ въ одномъ офицерѣ, раненомъ пулею, и 3 убитыхъ лошадяхъ.

19-го числа Турки вывели части лошадей своихъ около Чахмаха, но были замѣчены княземъ *Дундуковымъ* и барономъ *Унгерномъ*, кои тотъ-же часъ отправили по тому направленію части отъ своихъ отрядовъ. Непріятель немедленно удалился къ крѣпости, что въ тоже время сдѣлала пѣхота, ка-

валерія и артиллерія, прикрывавшая отрядъ, пасшій лошадей; но эта прогулка не обошлась Туркамъ даромъ: Карабахскаго полка корнетъ *Али-Муратъ-бекъ*, до прибытія нашихъ резервовъ, завязалъ перестрѣлку, при чемъ отбилъ 2-хъ лошадей, ранивъ 2-хъ человекъ.

20-го числа Турки показались снова, но уже въ большихъ силахъ, на плоскости предъ Карсомъ, желая дать своимъ фуражирамъ время собрать, что возможно; но графъ *Ниродъ*, съ небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ и 2-мя орудіями, заставилъ ихъ укрыться подъ выстрѣлами укрѣпленій. Казаки завязали при отступленіи непріятеля перестрѣлку, при чемъ ранены у нихъ двѣ лошади. Едва получено было у насъ извѣстіе, что Турки вышли на плоскость, какъ изъ нашего главнаго лагеря послана была Дворянская грузинская дружина и охотники полковника *Лорисъ-Меликова*, всегда готовые на смѣлое и удалое движеніе. Между тѣмъ, какъ эта небольшая партія бросилась прямо и отхватила 1 катера, — 22 человекъ, отдѣлившись отъ общей массы, скрытно пробралась въ-лѣво, къ мосту у Кичи-кѣва, замѣтивъ тамъ турецкихъ лошадей. Отважно бросились охотники на добычу и прикрытіе и успѣли захватить 4-хъ человекъ, 5 катеровъ и 1 лошадь. При этомъ одинъ охотникъ раненъ.

Теперь у насъ въ лагерѣ еще разнообразіе; многіе торговцы выходятъ изъ Карса и собираются въ нашемъ лагерѣ близъ карсъ-чайскаго моста, ожидая распоряженій нашего начальства. Почты ловятся чаще и въ палаткахъ у тѣхъ, кому поручены переводы писемъ, постоянно лежитъ ихъ по нѣсколь-ку сотъ.

Сегодня (22 Авг.) у генерала *Бакланова* было опять весьма удачное дѣло съ фуражирами, на правомъ берегу Карсъ-чая; онъ загналъ-было часть ихъ къ сторонѣ Александрополя и, преслѣдуя, положилъ на мѣстѣ 16 человекъ и 18 взялъ въ плѣнъ, захвативъ при томъ 20 лошадей и столько-же ружей и разное оружіе. Часть Турокъ бѣжала къ Карсу и начала-было соби-

раться въ кучки; но генералъ *Баклановъ* тремя выстрѣлами изъ орудій разсѣялъ ихъ. Турки стрѣляли по нашимъ съ Карадагскихъ высотъ, но также неудачно, какъ въ дѣлѣ 18-го числа. При этомъ замѣчено, что нѣкоторые выстрѣлы съ крѣпости были направлены въ бѣгущихъ баши-бузуковъ. У насъ въ семь дѣлѣ потери вовсе не было.

ПИСЬМО XXVI.

24-го Августа. Лагерь при сел. Чивталгай.

Ночь съ 22-го на 23-е число была такая тѣмная, что въ нѣсколькихъ шагахъ всадникъ на бѣлой лошади исчезалъ во мракѣ. Въ лагерь нашемъ мелькали огоньки то яркіе, то тусклые, смотря по тому, искрились-ли они на воздухъ или подъ полотномъ палатокъ. Вѣтеръ, дувшій все послѣ-обѣда, затихъ, какъ будто утомленный, и всякій звукъ раздавался такъ явно, какъ будто рождался гдѣ нибудь вблизи.

Часу въ 11-мъ мы услышали перестрѣлку по направленію къ мѣсту расположенія отряда барона *Умерна*, но такъ какъ это здѣсь не рѣдкость, то хотя всѣ прислушивались, однако-же не заботились о ней, ожидая на утро извѣстія о какомъ нибудь дѣлѣ. Ожиданія наши подтвердились, новъ таккихъ размѣрахъ, что до сего времени ведутъ и везутъ плѣнныхъ Турокъ. Разскажу дѣло послѣдовательно, какъ оно было.

До полковника князя *Дундукова-Корсакова* дошли слухи, что карское начальство принуждено, по недостатку фуража, выслать часть своей кавалеріи и артиллерійскихъ лошадей. Извѣстіе это было немедленно сообщено начальникамъ отрядовъ, облегающихъ Карсъ съ нагорной стороны. Полковникъ *Шулицъ* выставилъ на тропинкахъ пикеты, а баронъ *Умернъ*, кромѣ того, поставилъ заставу изъ сотни казаковъ по направленію къ

Чахмахскимъ укрѣпленіямъ. Князь *Дундуковъ* выдвинулъ впередъ 2 эскадрона Драгунъ подъ командою подполковника *Кишинскаго*. Генералъ *Баклановъ* распорядился такимъ образомъ, чтобы замѣнить своими людьми пикеты и разъѣзды, могущіе войти въ дѣло, и такимъ образомъ не ослабить наблюденія за Карсомъ. Около 11-ти часовъ застава замѣтила черную массу, подвигавшуюся впередъ и не отвѣчавшую на окликъ; изъ опасенія, чтобы не открыть огонь по своимъ, казаки сдѣлали сигнальные выстрѣлы и освѣтили ими Турокъ. Тогда не оставалось уже сомнѣній, что это ожидаемый отрядъ. Турки хотѣли было прорваться впередъ, но уже авангардъ полковника *Унгерна* былъ на мѣстѣ; находившійся съ нимъ подполковникъ *Лошаковъ*, бросившись съ казаками въ густую массу непріятеля, разрѣзалъ ее пополамъ. Нападеніе это такъ смутило Турокъ, что часть ихъ (преимущественно артиллеристы) бѣжала въ Карсъ, а прикрытіе, состоявшее изъ команды 4-го полка, повернуло въ сторону, надѣясь воспользоваться темнотою ночи и пересѣченною мѣстностью; но ихъ окружили, — съ одной стороны князь *Дундуковъ* съ своими драгунами и сотнею казаковъ, а съ другой баронъ *Уиернъ* съ частью своего отряда. Турки, видя, что отдѣлаться нельзя, проскакавъ, не смотря на скалистыя балки и глубокія рытвины, около 5 верстъ, рѣшились засѣсть за камни и отстрѣливаться; но это отчаянное усиліе не помогло: 5-й эскадронъ драгунъ вихремъ помчался въ атаку, выбилъ непріятеля изъ засады и преслѣдовалъ, рубя бѣгущихъ, до сел. Сорхули; здѣсь Турки снова засѣли въ дома, но 4-й эскадронъ нашихъ драгунъ не надолго оставилъ имъ и это убѣжище; часть непріятеля продолжала бѣгство, преслѣдуемая до сел. Чигриганъ частию драгунъ, а оттуда, въ одиночномъ бѣгствѣ, милиціонерами; осталая часть въ сел. Сорхули, оцѣпленномъ драгунами, взята на разсвѣтѣ въ плѣнъ. Блескъ ружейныхъ выстрѣловъ, топотъ лошадей, стоны раненыхъ, умирающихъ и грозныя клики ура, нарушали тишину, неразлучную спутницу мрака, покрывавшаго это *ночное по-*

боище (*). Хотя главное дѣло было сдѣлано, но еще не окончено. Голова непріятельскаго отряда бросилась въ сторону, на Ахкомъ. Тамъ встрѣтила ее милиція полковника *Шульца* и продолжала бой. Турки залегли за камнями и открыли ружейный огонь, считая это вѣрнымъ спасеніемъ отъ кавалеріи; каковъ же былъ ихъ ужасъ, когда они почувствовали пули и штыки пѣхотнаго строя (видѣть ихъ они не могли!) этимъ угощала ихъ рота, отдѣленная отъ баталіона, находившагося на покосѣ близъ Ахкома. Необходимо было снова спастись бѣгствомъ, но милиціонеры не дремали и не оставляли преслѣдованія. Турки сдѣлали еще попытку окружить себя лошадьми и открыть противъ нашихъ всадниковъ частый ружейный огонь; но быстрая рота снова подоспѣла и тогда для уцѣлѣвшихъ осталось одно спасеніе — плѣнь.

Поднявшаяся надъ горами луна освѣтила совершенное пораженіе Турокъ, но преслѣдованіе не прекращалось и сдѣлалось общимъ. Съ разсвѣтомъ въ рукахъ нашихъ было 206 плѣнныхъ, изъ коихъ 2 штабъ и 19 оберъ-офицеровъ, до 400 лошадей, 3 значка, 3 трубы и множество разнаго оружія, не считая огромнаго количества частнаго имущества, которое Турки везли на выюкахъ.

Взглянувши утромъ на мѣсто, гдѣ происходи битва, пространство, устѣянное огромными камнями, скалистыми балками, рывинами и оврагами, понятно, что уходить по оному отъ гибели можно, но преслѣдованіе съ такимъ успѣхомъ стоило многихъ трудовъ и усилій. На возвратномъ пути всадники принуждены были сходить съ лошадей въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ въ темнотѣ они сами пронеслись, въ жару преслѣдованія, карьеромъ. 9 человекъ драгунъ, избѣгая уклоненія отъ прямого пути, сорвались на непріятеля съ каменнаго обрыва и при томъ такъ удачно, что одна только лошадь изломала ноги. На всемъ этомъ пространствѣ, въ ущельяхъ и между камнями,

(*) Такъ названо Г. Главкомандующимъ это славное дѣло, потому что оно происходило на скаку, на большомъ пространствѣ, и не могло быть наименовано ни однимъ изъ названій мѣстъ.

лежить болѣе ста труповъ и между прочими, по показанію плѣнныхъ, одинъ паша. Страшно смотрѣть на раны, нанесенныя драгунами Туркамъ: Златоустовскіе клинки не останавливаются на костяхъ, и въ числѣ убитыхъ были нѣкоторые съ головами, разрубленными до горла.

До сихъ поръ еще ловятъ Турокъ и приводятъ въ ближніе отряды, такъ, что, считая бѣжавшихъ раненыхъ, потерю неприятеля, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, (кромѣ разстѣявшихся въ разныя стороны), можно опредѣлить пятью-стами человекъ.

Наша потеря состоитъ изъ 3-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, 3-хъ раненыхъ офицеровъ и 9 нижнихъ чиновъ, и контуженныхъ 3-хъ драгунъ и 1 казака. Лошадей убито 8, ранено 15.

На другой день (23-го числа) къ вечеру, остальная карсская кавалерія хотѣла-было пробраться съ другой стороны, по направленію къ Араксу, но замѣтивъ движеніе графа *Нирода* для ея встрѣчи, не рѣшилась двинуться впередъ и воротилась въ Карсъ.

ИНСЬМО XXVII.

29-го Августа. Лагерь при сел. *Чант-ангай*.

Съ вечера 27-го числа поднялся свѣжій вѣтеръ; ночь была холодная, а проснувшись на другой день, мы увидѣли ближнія и дальнія горы, покрытыя снѣгомъ, въ числѣ коихъ и Каны-койская позиція, (на которой расположенъ нашъ вагенбургъ), названная Г. Главнокомандующимъ *княжіимъ дворомъ*. Величественнѣе всѣхъ въ этой зимней одеждѣ—Саганлугскій хребетъ, на бокахъ котораго видѣются, какъ черныя пятна, купы сосенъ. Позиція, занимаемая нами, ниже окрестныхъ

возвышенностей и потому у насъ снѣгу нѣтъ и вѣтеръ доносится только порывами.

Со времени отправления къ вамъ послѣдняго моего письма, ничего особеннаго не произошло. Послѣ *ночнаго побоища*, по рассказамъ жителей, человекъ до четырехъ-сотъ турецкой кавалеріи, изъ коихъ болѣе половины раненыхъ, мракомъ и балками ускользнули отъ плѣна или смерти и разбѣжались куда попало. Одного изъ бѣжавшихъ поймали за озеромъ Айгыръ-гѣль; другаго развѣздъ генерала *Базина* захватилъ на ардаганской дорогѣ, третьяго схватили-было у Башъ-кѣва, но онъ скрылся, оставивъ свою лошадь. Эти, почти противоположные, пункты доказываютъ, какъ безсознательно въ разныя стороны разметались Турки послѣ пораженія. У одного изъ пойманныхъ послѣ дѣла найдено въ сумкахъ полотно башни-бузукскаго знамени, сорванное съ древка. По словамъ участвовавшихъ въ дѣлѣ, число убитыхъ значительнѣе, нежели сначала предполагали, такъ-что, кромѣ разбѣжавшихся, непріятель потерялъ около 600 человекъ и даже болѣе.

Турецкіе всадники, коимъ не удалось выйти изъ Карса, падутъ лошадѣй своихъ въ рукахъ, подъ защитою крѣпостныхъ выстрѣловъ, на мѣстахъ, гдѣ не произрастаетъ почти ни былинки. Не смотря на это, генералъ *Баклановъ* имѣлъ 22-го числа дѣло съ турецкими фуражирами, неосторожно высунувшимися изъ-подъ выстрѣловъ, и взялъ при этомъ въ плѣнъ офицера. 27-го привели 13-ть человекъ Лазовъ и Аджарцевъ. взятыхъ въ плѣнъ нашими развѣздами. Они начали-было отстрѣливаться, но захвачены живьемъ и доставлены въ нашъ лагерь.

ПИСЬМО XXVIII.

5-го Сентября. Лагерь при сел. Чивтлигай.

Вечеромъ 31-го Августа, собравшись въ одной изъ палатокъ, мы услышали громкіе крики ура, раздававшіеся по всему лагерю, и вслѣдъ за тѣмъ по темному небу разсыпались огненными блѣсками ракеты. Всякій изъ насъ желалъ знать причину этихъ кликовъ, предчувствуя какую нибудь радостную новость. Сперва трудно было, по отрывистымъ разговорамъ, догадаться въ чемъ дѣло; но оно скоро объяснилось.

Въ ночь съ 28-го на 29-е Августа генералъ *Ковалевскій* выступилъ съ позиціи такъ тихо, что объ этомъ въ лагерь, кромѣ начальниковъ, никто не зналъ. Сіе движеніе совершено было втайнѣ, дабы не дать Туркамъ возможности уйти изъ Пеняка, гдѣ они начали собираться съ цѣлью подать помощь Карсу. Присоединивъ къ себѣ кавалерію князя *Дундукова-Корсакова*, генералъ *Ковалевскій*, по данному ему приказанію, двинулся на Аджи-Кала и, прибывъ туда 29-го, быстро повелъ войска свои къ мѣсту назначенія, опасаясь чтобы Турки, провѣдавъ о его приближеніи, не удалилась. Гористая мѣстность, по которой лежалъ путь, и трудные перевалы чрезъ Алахъ-экберъ не остановили отряда, жаждавшаго боя.

30-го числа, въ день тезоименитства Государя Императора, съ вершинъ горъ въ зрительную трубу увидѣли турецкій лагерь близъ Пеняка. Видъ этотъ одушевилъ войска. Посланные впередъ линейные казаки, охотники полковника *Лорисъ-Мелива* и ракетная команда быстро прошли до дер. Косуръ, а отъ сего послѣдняго мѣста, въ буквальномъ смыслѣ слова, рину-

лись на Турокъ, которые, считая отрядъ нашъ малочисленнымъ и благодаря отважности начальника ихъ *Али-Паши*, рѣшились защищаться. — Казаки, не взирая на сильный ружейный огонь спѣшенныхъ кавалеристовъ и башни-бузуковъ, расположенныхъ по уступамъ горъ и въ кустахъ за рѣчкой, сбили ихъ и заняли высоты передъ непріятельскимъ лагеремъ. Генералъ *Ковалевскій* послалъ для подкрѣпленія казаковъ еще одну, находившуюся при немъ сотню, подвигаясь самъ съ драгунами на полныхъ рысяхъ.

Едва прибыло подкрѣпленіе, какъ линейцы съ обычною смѣлостью атаковали главную массу турецкой регулярной кавалеріи, при коей были четыре горныхъ орудія и самъ начальникъ отряда (состоявшаго, по собраннымъ свѣдѣніямъ, изъ 1½ тыс. регулярной конницы, 1 тыс. башни-бузуковъ и нѣсколькихъ сотъ пѣшихъ кавалеристовъ) *Али-Паши*.

Часть Турокъ при приближеніи страшныхъ для нихъ линейныхъ казаковъ, и видя за ними знакомыхъ имъ драгунъ, дрогнула и побѣжала; другая часть послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій (изъ конхъ одно тутъ-же взято съ боя) сдѣлана тоже самое, не внимая увѣщаніямъ *Али-Паши*, старавшагося ободрить ихъ. Самъ онъ принужденъ былъ послѣдовать за своими бѣгущими всадниками, но былъ окруженъ казаками, нѣсколько разъ раненъ и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, взятъ въ плѣнъ есауломъ Владикавказской сотни *Сердюковымъ*.

Тогда преслѣдованіе непріятеля сдѣлалось общимъ: Турокъ гнали на разстояніи 15-ти верстъ, при чемъ отбиты у нихъ остальные 3 орудія (одно изъ нихъ на 10-й верстѣ).

Вообще потеря непріятеля въ этомъ блестящемъ дѣлѣ, честь коего принадлежитъ линейнымъ казакамъ, состоитъ: въ 1 пашѣ, 1 офицерѣ и 45 нижнихъ чинахъ, взятыхъ въ плѣнъ; до 400 убитыхъ, въ томъ числѣ, какъ носятя слухи, одинъ бригадный командиръ, *Магометъ-Паши*, и англійскій маіоръ *Стюартъ* (ѣхавшій въ Карсъ); кромѣ того, у непріятеля отбито: 1 знамя, 2 штандарта, 4 горныхъ орудія, 68 व्यучныхъ

зарядныхъ ящиковъ и 55 патронныхъ, весь лагерь, разные планы и бумаги, а также множество оружія, лошадей, скота и имущества. У насъ же ранено только 2 казака, 6 милиціонеровъ, убито 13 лошадей и ранено 9-ть.

Легкая кавалерія наша, сдѣлавъ въ одинъ день переходъ въ 70 верстъ, преслѣдуя непріятеля 15 верстъ и воротившись обратно въ отбитый лагерь для ночлега подъ турецкими палатками, на другой же день послѣ усиленнаго 100-верстнаго перехода, готова была снова къ походу. Всѣ вообще войска какъ пѣхота, такъ драгуны и артиллерія сдѣлали тоже почти 70-верстный переходъ по такимъ мѣстамъ, по коимъ отрядъ часто вытягивался въ одинъ конь, а слѣдованіе пушекъ казалось невозможнымъ.

На другой день генералъ *Ковалевскій* сдѣлалъ движеніе къ дер. Понжруту, но непріятель, находившійся тамъ въ числѣ 1000 человекъ, исчезъ и нигдѣ болѣе не показывался.

Жители Ольты, явившись въ тотъ-же день къ начальнику отряда съ просьбою о выдачѣ имъ охранныхъ листовъ, единогласно утверждали, что ни одинъ турецкій всадникъ не заѣзжалъ въ ихъ мѣстечко, — такъ поспѣшно было бѣгство Турокъ.

4-го Сентября привели *Али-Пашу* и плѣнныхъ Турокъ въ нашъ лагерь, и привезли знамена и орудія. Части отряда, ходившаго съ генераломъ *Ковалевскимъ*, возвратились на свои позиціи, удачно достигнувъ цѣли своего похода, пѣхота по пройденному пути, а начальникъ отряда съ конницею чрезъ Гельскій санджакъ, вступивъ въ связь съ высланными къ нему на встрѣчу изъ главнаго лагеря кавалерійскими партіями.

Кромѣ этого главнаго дѣла, наши летучіе отряды почти ежедневно продолжаютъ свои стычки съ карескимъ гарнизономъ:

31-го Августа генералъ *Баклановъ* отбилъ изъ-подъ карадагскихъ батарей, стрѣлявшихъ въ него ядрами и картечью, 313 шт. разнаго скота и взялъ при этомъ 22 человекъ въ плѣнъ.

2-го Сентября вся турецкая конница, оставшаяся въ Карсѣ, вышла для корма лошадей на равнинную сторону крѣпости

по направленію къ дер. Азатъ-кёвъ; ее подкрѣпляла часть пѣхоты и ограждали крѣпостныя пушки. Не найдя ничего подъ выстрѣлами своихъ батарей, Турки высунулись впередъ, но были наказаны за это Карапапахскою милиціею и лишились, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, положенныхъ на мѣстѣ, 17 человекъ взятыхъ въ плѣнъ и 40 отбитыхъ у нихъ лошадей.

Потеря наша въ дѣлѣ генерала *Бакланова* состояла въ 2-хъ убитыхъ лошадяхъ, а въ дѣлѣ *Карапапаховъ* только 1 лошадь ранена.

ПИСЬМО XXIX.

6-го Сентября. Лагерь при сел. *Чивтлингай*.

5-го Сентября, въ походной корпусной церкви было совершено благодарственное молебствіе за дарованный Господомъ силъ успѣхъ нашему оружію въ дѣлѣ при *Пенякъ*. Части отъ всѣхъ войскъ, находящихся на позиціи, присутствовали при этомъ и въ числѣ ихъ храбрые линейные казаки, виновники сего отличнаго дѣла.

Утро было морозное и ясное; легкій вѣтерокъ развѣвалъ поставленныя около ставки Г. Главнокомандующаго, взятая у *Турокъ* знамена и тамъ же находились отбитыя орудія.

При словахъ «Тебе Бога хвалимъ» началась пальба изъ этихъ пушекъ и выстрѣлы, повторяемые эхомъ горъ, донеслись до *Карса*.

Послѣ богослуженія, Г. Главнокомандующимъ были розданы въ каждый баталіонъ, эскадронъ, сотню и батарею по нѣскольکو небольшихъ иконъ Ростовскихъ Чудотворцевъ, писанныхъ на финифти (освященныхъ во время литургіи), изъ числа 2,000, доставленныхъ Его Высокопревосходительству при письмѣ отъ *ростовскаго* купца (Ярос. губ.) *Василія Рахманова*; передъ

раздачею оныхъ, по приказанію Г. Главнокомандующаго, было прочитано письмо усерднаго приносителя и вызваны изъ рядовъ Ярославцы, знающіе его. На этотъ вызовъ вышли два гренадера, которые объявили, что знаютъ Рахманова какъ чловѣка благочестиваго и дѣлающаго много добра. Имъ обоимъ самъ Г. Главнокомандующій выдалъ по одному образку на память о Рахмановѣ.

Въ тотъ же день плѣнный Али-паша былъ приглашенъ къ обѣденному столу Его Высокопревосходительства.

Вотъ нѣсколько словъ объ этой замѣчательной личности:

Али-Паша—чловѣкъ близъ шестидесяти лѣтъ, выше средняго роста, съ суровой, но выразительной фیزیономіей. Волосы и усы у него съ просѣдью. Чинъ его—*мирмиранъ*, равняющійся званію дивизионнаго начальника. Въ турецкихъ войскахъ онъ пользуется, какъ слышно, славою опытнаго и храбраго генерала. Нѣкогда служилъ и по гражданской части. По его рассказамъ, въ которыхъ замѣтна самонадѣянность, онъ участвовалъ во многихъ битвахъ и всегда съ успѣхомъ; Русскія же рѣшился сдаться живой, зная наши военныя доблести и великодушіе; «кому нибудь другому я не отдался бы въ руки и предпочелъ-бы смерть плѣну»—вотъ слова его. Онъ долженъ обладать сильною волей: это замѣчено при перевязкахъ его ранъ, сопровождаемыхъ жестокою болью; но онъ совершенно покойно переноситъ страданія. Изъ его словъ можно составить понятіе о вліяніи, которое онъ имѣлъ на Турокъ, что подтверждается уваженіемъ, оказаннымъ ему жителями, когда его, плѣннаго, везли въ нашъ лагерь.

Возвращеніе ему Г. Главнокомандующимъ сабли весьма его обрадовало; онъ просилъ, чтобы ему ее пристегнули (самъ не могъ этого сдѣлать по причинѣ ранъ на обѣихъ рукахъ) и увѣрялъ, что сабля эта для него дороже всѣхъ богатствъ, которыхъ онъ лишился.

Потеря сего генерала должна быть чувствительна для Турокъ, особенно въ настоящее время.

ПИСЬМО XXX.

8-го Сентября. Лагерь при сел. Чыпталыгай.

Вотъ вамъ еще двѣ малыя стычки:

4-го Сентября одинъ турецкій *мюлязимъ* (*) беспечно удилъ рыбу въ Карсъ-чаѣ между мостомъ и укрѣпленіями, не воображая, чтобы наши налеты осмѣлились потревожить его при этомъ невинномъ занятіи. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ; охотники полковника *Лорисъ-Меликова*, рыская около карскихъ батарей съ намѣреніемъ отбить, что попадется въ глаза, замѣтили рыболова и, отважно бросившись на него, схватили и, какъ онъ былъ, босаго привели въ лагерь. Пѣнникъ оказался человѣкомъ атлетическаго сложенія и съ такими чудовищными ногами, что во всемъ лагерѣ не могли найти сапогъ, которые бы были ему впору; его назвали *левіаганомъ*, но двуногое сіе едва ли превосходитъ умственными способностями животныхъ, въ преслѣдованіе которыхъ онъ углубился, когда его схватили.

5-го Сентября подполковникъ *Петровъ*, постоянно гарцующій съ своими казаками на равнинѣ предъ Карсомъ, улучилъ удобную минуту и бросился на нѣсколькихъ Турокъ, вышедшихъ изъ-подъ выстрѣловъ карскихъ батарей; 6 человѣкъ изъ нихъ положены на мѣсть, а 1 взятъ въ плѣнъ.

(*) Первый офицерскій у Турокъ чивъ, соответствующій нашему прапорщикъему.

ПИСЬМО XXXI.

14-го Сентября. Лагерь при сел. Чипит.лагай.

Утромъ 11-го Сентября изъ амбразуръ карсской цитадели начали вырваться бѣлые клубы дыма и вскорѣ донеслись до насъ звуки выстрѣловъ. Причиною салютаціи было извѣстіе, полученное Турками чрезъ проскакавшаго изъ Эрзерума въ Карсъ гонца, но какое именно, по разногласію опредѣлить трудно.

Вскорѣ послѣ начала пальбы она прекратилась и загремѣли съ карадагскихъ укрѣпленій боевые выстрѣлы, и вотъ по какой причинѣ:

Генераль *Баклановъ*, замѣтивъ, что Турки выводятъ лошадей своихъ на мѣсто скудное кормомъ, оставилъ ихъ нѣсколько времени въ покоѣ, что придадо непріятелю смѣлости пройти фуражировать даѣе. Предвидя это, генераль *Баклановъ*, съ разсвѣтомъ 11-го числа, спустилъ казаковъ и милиціонеровъ къ подошвѣ горы и едва Турки расположились фуражировать, стремительно бросился на нихъ. Въ эту-то минуту ядра и картечь, пущенные въ казаковъ съ Карадага, прервали салютные выстрѣлы цитадели. Далекое разстояніе помѣшало отрѣзать всю турецкую партію, но изъ той части, которую казаки отхватили, не многіе спаслись бѣгствомъ, а прочіе изрублены и 12 человекъ взяты въ плѣнъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находится безсмынный ординарецъ мушира и слуга одного изъ приближенныхъ чиновниковъ *Вассифъ-Паши*. Кромѣ того отбито 42 лошади, въ Карсъ же увезено нѣсколько убитыхъ и раненыхъ.

Въ этомъ отважномъ дѣлѣ одинъ юнкеръ нашей горской милиціи занесся, преслѣдуя непріятельскихъ всадниковъ, подѣ

самыя укрѣпленія; подъ нимъ убили лошадь, а его ранили саблею въ голову и двумя пиками въ бокъ; удалой горецъ, у котораго въ свалкѣ оторвали темлякъ, уже думалъ, что не избѣжить плѣна, но другой Кабардинецъ, *кунакъ* (другъ) раненаго, помчался къ нему на выручку, врубился въ кучку враговъ и вывезъ пріятеля съ помощію подоспѣвшихъ казаковъ. Кромѣ этого раненаго, потеря наша заключается въ 7 лошадяхъ. Турки хотѣли-было выслать изъ крѣпости подкрѣпленіе, но нѣсколько ядеръ, пущенныхъ генераломъ *Баклановымъ* въ собиравшіяся войска, измѣнили ихъ намѣреніе и они не рѣшились спуститься съ возвышенностей. Этимъ смѣлымъ ударомъ казаковъ не кончилось нападеніе на фуражировъ. По нечаянному стеченію обстоятельствъ, въ этотъ же день подполковникъ *Петровъ* съ своими линейцами и охотники полковника *Лорисъ-Меликова*, со стороны нашего лагеря напали на Турокъ. Первый положилъ на мѣстѣ 6 человекъ и 3-хъ взялъ въ плѣнъ, а охотники поймали отличнаго наѣздника изъ числа баши-бузуковъ, выѣхавшихъ въ поле. Ни линейцы, ни охотники не понесли при этомъ никакой потери. Передъ вечеромъ Турки продолжали салютационную пальбу, прерванную утромъ.

ПИСЬМО XXXII.

19-го Сентября. Лагерь при сел. Чивт.лигаѣ.

Въ ночь съ 16-го на 17-е Сентября колонны нашихъ войскъ двинулось съ позиціи при Чивт.лигаѣ къ Шорахскимъ укрѣпленіямъ.

Луна ярко освѣщала поляну и по ней черными квадратами двигались массы солдатъ, тихо, какъ огромныя тѣни.

На востокѣ появилась бѣловатая полоса—предвѣстница разсвѣта, и повѣялъ холодный вѣтерокъ; войска наши все ближе

и ближе подвигались къ чернѣвшимъ на горѣ передовымъ линиямъ шоракскихъ укрѣпленій. Вотъ уже достигли.... грянулъ выстрѣлъ, другой, третій, и бой закипѣлъ. Громкое ура, — кликъ, одушевляющій въ битвѣ русскаго солдата, загремѣлъ на валахъ турецкихъ укрѣпленій: то былъ какъ будто сигналъ, по которому смерть начала собирать обильную жатву.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ генералъ *Майдель* врывался въ шоракскія укрѣпленія, генералъ *Ковалевскій*, а спустя нѣсколько минутъ, князь *Гагаринъ* бросились также съ своими колоннами на штурмъ. Жестокій перекрестный огонь непріятеля встрѣтилъ войска сихъ генераловъ, поднявшихся на значительную высоту и достигшихъ уже рва; тутъ *Ковалевскій* и князь *Гагаринъ* поражены были каждый двумя пулями. Почти въ тоже время раненъ, сперва легко, предводитель главной колонны, генералъ *Майдель*, но вскорѣ другая, болѣе тяжелая рана принудила его оставить поле битвы.

Не смотря на это, кавказскіе баталіоны, находившіеся подъ его начальствомъ и оставшіеся съ полковникомъ княземъ *Тархановымъ*, были уже въ укрѣпленіи и, овладѣвъ 4 орудіями, 3 знаменами и значками и вѣсѣмъ непріятельскимъ лагеремъ, бывшимъ въ той сторонѣ, держались въ немъ и бросались штурмовать среднее укрѣпленіе. Едва войска наши бросились на валы, 4 горныя орудія, подъ командою штабсъ-капитана *Броневскаго*, только наканунѣ сформированныя изъ отбитыхъ у Турокъ подъ Пенякомъ, вошли въ укрѣпленіе, поддерживая застрѣльщикова и поражая Турокъ картечью. Вслѣдъ за ними, не взирая на крутизну горы и непрозжаемую мѣстность, батарея — легкая полковника *де-Саже* и батарейная подполковника *Брискорна*, двинулись тоже въ укрѣпленіе и открыли огонь. Жестокимъ огнемъ непріятеля перебило много лошадей и прислуги, но уцѣлѣвшіе были непоколебимы. Ничто не могло вытѣснить закаленныхъ въ бояхъ молодцовъ изъ мѣста, которымъ они овладѣли и которое считали своею собственностію. Штуцерныя пули сыпались какъ градъ, визжала картечь, свистѣли ядра,

лопались гранаты; но храбрые Кавказцы не пошатнулись. Подходившіе резервы отважно вступали въ битву: ихъ долженъ былъ вести генералъ *Броневскій*, но тяжелая рана въ руку отняла у него возможность принять команду; его смѣнилъ полковникъ *Голецкій*, тоже вскорѣ раненый.

Между тѣмъ, по сдѣланному заблаговременно и втайнѣ распоряженію, генералъ *Базилъ*, прибывшій наканунѣ дѣла къ крѣпости и соединившійся на противоположной сторонѣ нашего лагеря съ генераломъ *Баклановымъ*, при общемъ движеніи всѣхъ колоннъ, пошелъ на штурмъ со стороны Чакмаха, быстро овладѣлъ 3-мя укрѣпленіями, 12-ю защищавшими ихъ орудіями и вырвалъ изъ рукъ Турокъ 11 знаменъ и значковъ, простоявъ подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ нѣсколько часовъ.

Турки защищались отчаянно, какъ они всегда это дѣлаютъ въ укрѣпленіяхъ и закрытыхъ мѣстахъ.

Холодную ночь смѣнилъ жаркій день; бой уже продолжался близъ 5-ти часовъ, и хотя одушевленіе солдатъ не измѣнялось, но силы были истощены. Перекрестный огонь съ трехъ сторонъ, съ укрѣпленій верхнихъ и нижнихъ, поражалъ войска и артиллерію; потеря была велика, и потому нашъ ветеранъ, Генералъ-Лейтенантъ *Бриммеръ*, по полученіи приказанія, вывелъ сражающихся въ порядкѣ. Турки начали-было преслѣдованіе, но грозный строй нашей пѣхоты заставилъ ихъ укрыться въ укрѣпленіи, ибо тутъ уже предстояло дѣло въ полѣ, а не за валами. Въ одно время съ главными силами отступилъ и генералъ *Базилъ*, прикрываемый кавалеріею генерала *Бакланова*.

Войска наши возвратились съ трофеями, купленными дорогою цѣною, но тѣмъ болѣе славными. Изъ 16-ти орудій, взятыхъ съ боя, одно вывезено гренадерами и три отрядомъ генерала *Базина*; изъ остальныхъ нѣкоторыя заклепаны, другія, какъ и зарядные ящики, сброшены съ кручи или по возможности испорчены; 14 окровавленныхъ знаменъ и значковъ доставлены въ лагерь.

Потеря убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ соотвѣтственна упорному бою и весьма значительна. Духъ войскъ

нашихъ заслуживаетъ не похвалы, а удивленія, и прошедшіе чрезъ тысячу смертей офицеры и солдаты жаждутъ боя, какъ наканунѣ штурма; изъ нихъ легко раненые пожелали остаться во фронтѣ.

Въ семь дѣлъ, кромѣ многихъ частныхъ подвиговъ, нѣкоторые особенно замѣчательны:

Подполковникъ *Кауфманъ*, съ 1-мъ баталіономъ Рязанскаго полка, пронизавъ на-сквозь всѣ ряды турецкихъ укрѣпленій и непріятельскій лагерь, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, и подъ перекрестнымъ огнемъ, отбился и вышелъ на противоположную чакмахскую сторону, къ отряду генераловъ *Базина* и *Бакланова*.

Полковникъ *Голецкій*, одушевляя солдатъ, два раза бросался впередъ на приступъ, со знаменемъ своего полка въ рукахъ.

Сборный полкъ нашей легкой кавалеріи, подъ командою войсковаго старшины *Добрынина*, состоявшій изъ 2-хъ сотенъ *Линейныхъ*, 1-й сотни *Донскихъ казаковъ* и 1-й *дворянской* сотни *Карталинцевъ*, проскакалъ сквозь непріятельскій лагерь позади укрѣпленій, рубя Турокъ на обѣ стороны, и опрокинулъ съ горы въ *Карсъ* два ихъ баталіона.

Собранныя на время приступа войска, по возвращеніи въ лагерь, немедленно заняли прежнія мѣста свои и блокада *Карса* въ тотъ же день возстановлена, какъ прежде.

ПИСЬМО XXXIII.

4-го Октября. Лагерь при сел. Чивт.лигай.

Изъ послѣдняго моего письма видно, что вслѣдъ за штурмомъ *Шоракскихъ* укрѣпленій, блокада *Карса* возстановилась въ прежней силѣ.

Гарнизонъ крѣпости, вѣроятно, предположилъ, что наступленіе осени заставитъ насъ удалиться и оставить его въ покоѣ.

Ожиданія сіи не только не оправдались, но еще опровергаются тѣмъ, что войска наши строятъ себѣ землянки, въ коихъ можно легко встрѣтить и провести самое суровое время года.

Побѣги изъ Карса усиливаются и пестрыя, оборванные толпы, преимущественно Лазовъ, почти ежедневно наполняютъ небольшую площадку предъ вновь-построеннымъ домикомъ Г. Главнo-командующаго. Партіи эти выходятъ изъ крѣпости съ своими значками и не сами, а подъ предводительствомъ начальниковъ, отстрѣливаются отъ нашихъ разъѣздовъ; но дѣло кончается всегда съ урономъ для нихъ и плѣномъ дезертировъ. Большая часть плѣнныхъ изнурены болѣзнями и голодомъ, такъ, что самая наружность убѣждаетъ въ предположеніи, будто карсскій гарнизонъ не пользуется благосостояніемъ.

21-го Сентября выбѣжалъ изъ крѣпости одинъ военный капитанъ, занимавшій должность главнаго комиссара госпиталя.

28-го числа вышелъ изъ Карса въ нашъ лагерь повѣренный персидскаго консула въ Эрзрумъ съ нѣсколькими слугами, и отправился на Эриванъ въ Персію.

1-го Октября разъѣздъ Конно-мусульманскаго № 1-го полка захватилъ *юзбашу* (*) 4 кавалерійскаго полка анадолійскаго корпуса и бывшихъ съ нимъ: 1 солдата регулярной кавалеріи, 1 артиллериста и 1 башни-бузука.

Холера, появившаяся-было въ нашемъ лагерѣ, въ настоящее время, слабѣетъ; смертныхъ случаевъ было мало. Выздоровленію заболѣвающихъ, кромѣ тщательнаго присмотра, много способствуетъ открытая мѣстность, горный воздухъ и постоянно-сухая погода. Противное—въ Карсѣ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, эпидемія свирѣпствовала въ значительныхъ размѣрахъ и хотя нынѣ нѣсколько уменьшается, но были дни, въ которые число умершихъ доходило до 128 человекъ.

Сегодня утромъ мы простились съ Грузинской дворянской дружиной, отпущенной изъ лагеря по домамъ. Дружина, состоявшая изъ 2-хъ сотенъ—одной Тифлисской и одной Кар-

(*) Поручикъ.

талинской, раздѣляла съ нами труды похода слишкомъ 4 мѣсяца. Карталинцамъ выпало на долю съ сотеннымъ командиромъ, княземъ Циціановымъ, блистательнымъ образомъ участвовать въ штурмѣ и выказать свою смѣлость и удалство.

Напутствуемая общимъ дружескимъ привѣтствіемъ сослуживцевъ и похвалами начальниковъ за усердную службу, храбрая дружина отправилась чрезъ Ахацихъ въ Горы и Тифлисъ.

ПИСЬМО XXXIV.

7-го Октября. Лагерь при сел. Чивт.лигай.

Нѣсколько прежде выступленія изъ нашего лагеря Грузинской Дворянской дружины, о коемъ было говорено въ прошломъ письмѣ, отпущена по домамъ Кабардинская милиція, усердно отслужившая все время лѣтняго похода. Вернувшись въ свои привольныя степи, лихіе Кабардинцы, получивъ знаки отличія, будутъ весело бесѣдовать у домашнихъ очаговъ о своей удали и молодечествѣ, которыя они дѣйствительно выказали въ схваткахъ съ Турками.

Вмѣсто лагеря у насъ возникаетъ городокъ. Ряды солдатскихъ землянокъ образуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямыя, широкія улицы; кромѣ того видѣются обширныя лазаретныя и казарменныя землянки . и разнообразныя домики офицеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ дерновые, другіе каменные, а многіе изъ того и другаго вмѣстѣ.

Бани, — необходимая принадлежность русскаго человѣка, — мѣрзнетъ ли онъ въ снѣгахъ Камчатки, или томится подъ знойными лучами южнаго солнца, — уже давно построены и привлекаютъ непрерывно толпы охотниковъ.

Театральныя представленія совершаются подъ открытымъ небомъ. Опера у сапёръ, акробаты Тульскаго полка и труппа Рязанцевъ, отлично исполняющихъ: *Подвиги атамана Ивашки* и *Пльненіе Дьвицы*, привлекаютъ множество зрителей.

Ежедневно раздаются въ лагерьъ звуки музыки, а задушевные русскія пѣсни весело и звонко оглашаютъ свѣжій вечерній воздухъ.

ПИСЬМО XXXV.

14-го Октября. Лагерь при сел. Чытлашгай.

9-го числа сего мѣсяца, въ 3 часа по полудни, прибылъ въ нашъ лагерь высокостепенный *Касимъ-Ханъ*, совѣтникъ при чрезвычайномъ посольствѣ, отправляющемся изъ Персіи въ С.-Петербургъ. Кромѣ сего назначенія, онъ имѣлъ особое порученіе отъ Шаха къ Г. Главнокомандующему, для исполненнаго предпринялъ поѣздку чрезъ Алексадраполь къ мѣсту пребыванія Его Высокопревосходительства.

Отъ селенія Каны-кой, гдѣ расположенъ отрядъ графа *Нуро-да*, почетнаго гостя сопровождалъ дивизионъ драгунскаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка, съ хоромъ полковыхъ музыкантовъ; прочіе эскадроны того же полка были разставлены по дорогѣ и постепенно присоединялись къ поѣзду.

Въ 3 верстахъ отъ лагеря его высокостепенство былъ встрѣченъ конвойною командою Г. Главнокомандующаго, охотниками и Курдами. Во главѣ конвоя находился гвардіи полковникъ *Лорисъ-Меликовъ*, привѣтствовавшій, отъ имени Его Высокопревосходительства, желаннаго гостя и проводившій его до приготовленнаго ему помѣщенія, близъ коего поставленъ

былъ почетный караулъ по чину генераль-маіора и ординарцы отъ Рязанскаго пѣхотнаго полка.

Состоящіе при Г. Главнокомандующемъ адъютанты, офицеры и чиновники встрѣтили его высокостепенство и проводили въ красиво-убранную комнату вновь-построеннаго каменнаго домика. При этомъ прибывшій сановникъ, находившійся нѣсколько лѣтъ персидскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тифлисъ, съ большимъ удовольствіемъ привѣтствовалъ прежнихъ своихъ знакомцевъ, коихъ онъ здѣсь встрѣтилъ.

Касимъ-хану были предложены сласти и кофе; но онъ пожелалъ явиться скорѣе къ Г. Главнокомандующему, пригласившему его къ обѣденному столу. Официальное представленіе было отложено до слѣдующаго дня и потому Касимъ-ханъ, переодѣвшись въ обыкновенное платье, отправился къ Его Высокопревосходительству и былъ введенъ въ столовую. За обѣдомъ присутствовали генералы и состоящіе при Г. Главнокомандующемъ. Роскошный столъ при свѣчахъ и прекрасная музыка,—все это въ военномъ лагерѣ имѣло свою особенность.

На другой день, въ 10 часовъ утра, въ столовую палатку собрались генералы, командиры полковъ, артиллерійскихъ бригадъ и свита Его Высокопревосходительства. Касимъ-ханъ, въ шитомъ мундирѣ, явился туда въ сопровожденіи адъютантовъ, чиновниковъ, назначенныхъ состоять при немъ, и сопутствовавшего ему секретаря нашей Тегеранской миссіи г. *Тессена*. Послѣ привѣтствія отъ имени Шаха Г. Главнокомандующему, Касимъ-ханъ поднесъ Его Высокопревосходительству на серебряномъ блюдѣ портретъ Насръ-Эддинъ Шаха, украшенный брилліантами, для пошенія на шеѣ, на голубой лентѣ, и фирманъ Его Персидскаго Величества.

Г. Главнокомандующій, принявъ этотъ знакъ вниманія обладателя Персіи, сказалъ Касимъ-хану, что знаетъ 4-е поколѣніе царствующихъ въ Персіи Шаховъ: представлялся прадѣду нынѣшняго Шаха Фетъ-Али-Шаху, дѣду его Аббасъ-Мирзѣ, бывшему тогда правителемъ Адзербейджана, и видѣлся съ отцемъ, Магомедъ-Шахомъ, входившимъ тогда только въ воз-

расть юношества; что отъ праѣда получилъ орденъ Льва и Солнца и что теперешнее изъявленіе шахской благосклонности онъ принимаетъ какъ подтвержденіе тѣхъ чувствъ дружбы и пріязни, кои связываютъ двѣ сосѣдственныя Державы—Россійскую и Персидскую.

Высокостепенный Касимъ-ханъ отвѣчалъ на это, что дѣйствительно изображеніе его Государя на груди Намѣстника Императора Всероссійскаго должно быть символомъ неразрывной дружбы Россіи съ Персією.

Послѣ сего Г. Главнокомандующій пригласилъ его высокостепенство въ свою ставку, гдѣ угощалъ его кофе, при чемъ Касимъ-ханъ изъявилъ желаніе присутствовать при смотрѣ, назначенномъ въ тотъ день прибывшему изъ Александрополя 4 баталіону Виленскаго Егерскаго полка. Послѣ нѣкоторыхъ построеній, весьма понравившихся его высокостепенству, возвратились обратно и отправились къ обѣду, на который приглашены были генералы и старшіе штабъ-офицеры.

Во время стола провозглашены были взаимно хозяиномъ и гостемъ тосты за здравіе Государя Императора, Персидскаго Шаха, Касимъ-хана и Его Высокопревосходительства. Во все время обѣда гремѣли два хора музыки Тульскаго и Рязскаго полковъ, а при тостѣ за здравіе Государя Императора исполненъ былъ народный гимнъ «Боже, Царя храни».

Послѣ обѣда Касимъ-ханъ, въ коляскѣ, отправился въ отрядъ князя *Дундукова-Корсакова*, расположенный въ 7 верстахъ отъ нашего лагеря при сел. Бозгалы. Съ нимъ находились полковникъ *Лорисъ-Меликовъ* и адъютанты, — капитанъ *Ермоловъ* и поручикъ *Корсаковъ*, а сопровождали конвойная команда, охотники и Курды.

Прѣзжая по нашему лагерю и въ Бозгалы, Касимъ-ханъ любовался бодрымъ и здоровымъ видомъ солдатъ, чистотою и порядкомъ въ мѣстахъ, занимаемыхъ войсками и землянками.

При посѣщеніи лагеря князя *Дундукова* не обошлось безъ угощенія, послѣ коего все присутствовавшіе вышли на площадку передъ домикомъ князя. Загремѣла музыка, хоръ пѣ-

сенниковъ залпся звучными русскими пѣснями и лихіе рубачки Драгуны, чтобы повеселить гостя, пустились плясать; плавная русская пляска смѣнилась быстрой лезгинкой, скоро перешедшей въ любимый казачёкъ, въ которомъ отличались особенно старые солдаты.

По возвращеніи въ лагерь, его высокостепенство провелъ вечеръ въ бесѣдѣ съ Г. Главнокомандующимъ и на другой день, въ 8 часовъ утра, выѣхалъ по дорогѣ въ Александрополь, поспѣвая въ Тифлисъ. Его сопровождали, какъ и при пріѣздѣ, тѣ-же драгуны съ музыкой и конвойная команда. За лагеремъ драгуны скакали во весь карьеръ, разсыпались, спѣшивались и своими ловкими маневрами привели его высокостепенство въ восхищеніе.

Адъютанты и чиновники, состоявшіе при Касимъ-ханѣ, проводивъ его около 3 верстъ, откланялись ему и персидскій саванникъ продолжалъ путь свой далѣе въ сопровожденіи капитана *Ермолова*.

Въ день прібытія высокостепеннаго Касимъ-хана въ нашъ лагерь, Донскими казаками генерала *Бакланова*, подъ командою есаула *Насльдышева*, захвачены были въ плѣнъ, послѣ упорнаго сопротивленія, 116 Лазовъ, выбѣжавшихъ изъ Карса и намѣревавшихся прорваться чрезъ нашу цѣпь. Въ числѣ взятыхъ живыми оказалось 4 сотенныхъ командира. Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ 3 Лаза положены на мѣстѣ и 27 ранены; у насъ же раненъ 1 казакъ и контужено двое; лошадей убито 2, ранено 5. По осмотрѣ плѣнныхъ, во व्यюкахъ ихъ найдено 7 сотенныхъ значковъ, снятыхъ съ древокъ.

Въ тотъ-же день число выбѣгающихъ изъ Карса регулярныхъ солдатъ и жителей было болѣе обыкновеннаго, и Касимъ-ханъ лично разспрашивалъ нѣкоторыхъ дезертировъ о состояніи крѣпости и гарнизона.

ПИСЬМО XXXVI.

18-го Октября. Лагерь при сел. Чивтлингай.

12-го числа сего мѣсяца всадники Карабахской милиціи, подъ командою *Али-бека Мехминдарова*, отбили изъ подъ карскихъ батарей 55 турецкихъ лошадей и захватили оружіе, брошенное въ бѣгствѣ баши-бузуками и регулярными кавалеристами, изъ конхъ нѣкоторыя изрублены.

Ночью съ 13-го на 14-е число казачью цѣпью захваченъ курьеръ, пробравшійся съ 6-ю человѣками жителей Эрзрумскаго пашалыка, съ почтою въ Карсъ. По разборѣ почтовой сумки найдено много частныхъ писемъ на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, греческомъ, армянскомъ и турецкомъ языкахъ, официальныхъ бумагъ и нѣсколько мелкихъ посылокъ (*). Содержаніе нѣкоторыхъ писемъ относилось къ положенію Карса и другихъ частей Малой Азіи и дало извѣстіе о намѣреніяхъ турецкихъ генераловъ. На другой день, на пространствѣ, гдѣ преслѣдовали курьера, найдено въ бурьянѣ и въ рѣчкѣ еще нѣсколько интересныхъ писемъ, и между ними одно отъ г-жи Анны Томсонъ изъ Лондона къ сыну, находящемуся въ Карсѣ (**). Письмо это показываетъ нѣжную заботливость матери; въ немъ много полезныхъ совѣтовъ, касающихся экономіи, и соболѣзнованіе о томъ что, по слухамъ, дошедшимъ въ Лондонъ, карсскій гарнизонъ употребляетъ вмѣсто мяса конину.

(*) Частныя письма и послыки, по принятому правилу, отправлены съ парламентаромъ въ Карсъ.

(**) Этотъ самый Г. Томсонъ былъ впоследствии привезенъ въ Тифлисъ, въ числѣ военно-пленныхъ, и отправленъ въ Россію.

Къ письму этому приложены заготовленные для сына визитныя карточки и медаль за экспедицію его въ Пегу. Но особенно выказалась предусмотрительность г-жи Томсонъ въ адресъ, который былъ написанъ слѣдующимъ образомъ: *Генералу Муравьеву, а въ случаѣ, ежели почта эта не будетъ имъ захвачена, то капитану Генриху Томсону, въ Карсѣ.* Съ своей стороны, нѣжная мать умоляетъ Его Высокопревосходительство переслать сыну письмо и посылку.

Иногда ночью и часто по утрамъ пушечныя выстрѣлы съ карсскихъ укрѣпленій встрѣчаютъ наши легкіе кавалерійскіе отряды, неутомимо беспокоящіе карсскій гарнизонъ. Охотники полковника *Лорисъ-Меликова* и линейные казаки постоянно тревожатъ непріятеля.

Отъ генерала *Суслова* получено извѣстіе, что имъ посылаемы были 2 роты пѣхоты къ сторонѣ Вана, за Алла-дагъ, противъ непокорныхъ намъ Курдовъ; войска наши сильно наказали ихъ за хищничество, разбивъ кочевья и захвативъ много скота.

ПИСЬМО XXXVII.

20-го Октября. Лагерь при сел. Чивт-лигай.

21-го Сентября сего года, подъ убогою кровлею землянки, на походной кровати, вдали отъ родины и близкихъ сердцу, но окруженный многочисленною военною семьею, скончался отъ тяжкихъ ранъ, полученныхъ при штурмѣ карсскихъ укрѣпленій, начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ *Ковалевскій*, оплакиваемый приближенными и сопутствующими въ могилу непритворною горестью сослуживцевъ и подчиненныхъ. Г. Главнокомандующій признавалъ его однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ помощниковъ своихъ и лишился въ немъ распорядительнаго генерала и исполнительнаго офицера не только для быстрыхъ экспедицій, но и для дѣйствія сожнутымъ строемъ.

Оставляю подробное описаніе безукоризненной жизни и усердной, полезной службы Петра Петровича Ковалевскаго тому, кто приметъ на себя составить его біографію; но на насъ, среди конхъ онъ отошелъ въ вѣчность, лежитъ срященная обязанность очертить послѣдніе шаги покойнаго на доблестномъ поприщѣ, пресъченномъ геройскою смертію.

Въ началѣ нынѣшней войны генералъ-лейтенантъ Ковалевскій прибылъ съ вѣренною ему 13-ю пѣхотною дивизіею въ закавказскій край. Ему поручено было охраненіе крѣпости Ахалциха и онъ свято исполнилъ возложенную на него обязанность. Турецкая армія, подѣ начальствомъ Селимъ-Паши подступившая подѣ сію крѣпость, не посмѣла напасть на нее, ибо гарнизонъ былъ одушевленъ мужествомъ и во главѣ войскъ нашихъ находился храбрый Ковалевскій. Мирные жители Ахалциха не забыли тѣхъ попеченій и заботливости Петра Петровича, конми онъ окружалъ ихъ и старался не только предотвратить всѣ нужды, но употреблять мѣры, чтобы сдѣлать жизнь ихъ пріятною. Въ блистательномъ дѣлѣ 14-го Ноября 1853 г., при пораженіи полчищъ Селимъ-Паши, генералъ Ковалевскій достойно раздѣлилъ труды и славу князя Андроникова, разбившаго на-голову Турокъ. Слѣдующій 1854-й годъ протекъ для генерала Ковалевскаго мирно. Часть границы, имъ охраняемая, не была тревожима врагами и вся дѣятельность его обращена была на устройство и обеспеченіе вѣренныхъ ему войскъ, что исполнено имъ также добросовѣстно и успѣшно, какъ все, на что онъ обращалъ вниманіе: доказательствомъ его неусыпныхъ трудовъ служить отличный видъ, здоровье и полный составъ полковъ, находившихся подѣ его начальствомъ. Въ 1853 году, съ прибытіемъ на Кавказъ Главнокомандующаго, Н. Н. Муравьева, на генерала Ковалевскаго палъ лестный выборъ участвовать въ предстоящей кампаніи въ Турціи.

Во все время похода, какъ и во всю жизнь свою, онъ предпочиталъ солдатскую палатку всѣмъ удобствамъ, не любилъ роскоши и отличался скромностію и умѣренностію. Это возвысило его въ глазахъ Г. Главнокомандующаго, оцѣнивашаго

Ковалевскаго по заслугамъ. Мы, очевидцы, смѣло можемъ засвидѣтельствовать, что онъ оправдалъ довѣріе Главнокомандующаго. Кромѣ ревностнаго исполненія возлагаемыхъ на него порученій всякаго рода, свѣжо въ памяти отличное дѣло подъ Пенякомъ, за которое покойный удостоился получить орденъ Бѣлаго Орла, къ сожалѣнію не украсившій грудь храбраго Ковалевскаго: эта Высочайшая награда застала его въ могилѣ.

Но самая славная минута въ жизни Ковалевскаго приближалась. Назначенъ день штурма карскихъ укрѣпленій. П. П. Ковалевскій съ твердостью и хладнокровіемъ велъ вѣренную ему колонну, мужественно шелъ въ головѣ ея; но вражьи пули не пощадили храбраго.

Нѣсколько дней томился покойный на одрѣ страданій, выдержалъ операцію, и лучъ надежды на его выздоровленіе блеснулъ, но не надолго. Скоро сдѣлался понятнымъ исходъ его болѣзни.

Въ эти послѣднія, торжественныя минуты высказалась добрая душа Ковалевскаго. Съ какою радостью онъ отдалъ награды, назначенныя Г. Главнокомандующимъ, двумъ фельдшерамъ, жертвовавшимъ за него жизнию при перевязкѣ ранъ его подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ! Одному изъ нихъ самъ надѣлъ Георгіевскій крестъ, другому вручилъ 50 рублей; соблазновалъ о раненыхъ своихъ адъютантахъ, кои не могли усладить предсмертныхъ мукъ его, благодарилъ медиковъ, заботившихся о немъ,—въ особенности своего дивизионнаго доктора, достойнаго Я. И. Прибиля, принявшаго на себя грустную обязанность, по смерти своего генерала, проводить гробъ его до Александраполя.

Г. Главнокомандующій нѣсколько разъ посѣщалъ Петра Петровича во время болѣзни и постоянно посылалъ узнавать о ходѣ ея; наконецъ, 21-го числа, прибывшій къ нему посланный засталъ его при послѣднемъ вздохѣ и воротился съ грустною вѣстію, что Ковалевскаго не стало.

Скромный памятникъ его, храбраго воина и достойнаго челоуѣка, окруженный славными могилами павшихъ въ бою воиновъ — тамъ, на рубежѣ обширной Россіи, у подножія величественнаго Алагёза, будетъ краснорѣчиво говорить дѣтямъ и внукамъ нашимъ, какъ долженъ умирать подданный Русскаго Государя и вѣрный сынъ Отечества.

ПИСЬМО XXXVIII.

23-го Октября. Лагерь при сел. *Чистлигай*.

По мѣрѣ оскуднѣнія въ Карсѣ продовольственныхъ припасовъ, при недостаткѣ мяса, замѣняемаго иными кониной, и при совершенномъ неимѣніи масла, овощей и тому подобныхъ необходимыхъ потребностей, побѣги регулярныхъ солдатъ и жителей дѣлаются чаще. Нѣкоторые выходятъ съ оружіемъ и защищаются отъ нашихъ разбѣздовъ; другіе, преимущественно жители, сдаются безъ боя, въ надеждѣ покормиться у насъ хлѣбомъ. Но ни упорство первыхъ, ни намѣренія послѣднихъ не удаются. Вооруженныхъ берутъ въ плѣнъ, а жителей отправляютъ обратно въ крѣпость.

Ночью съ 19-го на 20-е Октября, полковникъ *Тихоцкій*, оставшійся начальникомъ части блокадной линіи вмѣсто генерала *Бакланова*, получившаго другое, временное назначеніе, имѣлъ дѣло съ Лазами, вышедшими изъ Карса съ намѣреніемъ пробраться въ родныя горы; но, не смотря на сильное ихъ сопротивленіе, 23 челоуѣка положены на мѣстѣ, 2 ранено и 10 взяты въ плѣнъ; при этомъ захвачено 24 ружья. Мы потеряли въ семь дѣлъ, въ которомъ Лазы упорно дрались, 1-го казака убитымъ, 2-хъ ранеными и 2 убитыхъ лошади.

Въ ту же ночь и тѣмъ же отрядомъ поймано 23 человека жителей, отправлявшихся изъ крѣпости по деревнямъ.

Въ предыдущіе и послѣдующіе дни, приводили изъ всѣхъ отрядовъ военныхъ перебѣжчиковъ.

21-го числа прибылъ парламентаромъ изъ Карса адъютантъ *Керимъ-паши*, съ предложеніемъ выдать намъ раненыхъ 14 человекъ и 1 офицера, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ 17-го Сентября. Для приѣма этихъ людей была назначена команда г-заковъ и нѣсколько повозокъ. Радость плѣнныхъ, возвратившихся къ своимъ, трудно описать; тутъ были: теплыя, усердныя молитвы, дружескія объятія и рассказы о претерпѣнномъ ими въ Карсѣ. Всѣ привезенные солдаты и офицеръ тяжело ранены, но внѣ опасности и можно положительно сказать, что будутъ живы. Офицеръ (*) совершенно бодръ, ѣздитъ верхомъ и ходитъ, а между тѣмъ у него *кутузовская* рана: пуля попала въ високъ, прошла подъ черепомъ и вышла около глаза, испортивъ его.

Изъ Александрополя непрерывно возвращаются въ строй раненые, и полки наши ежедневно и видимо пополняются.

Землянки уже построены; многія изъ нихъ не хуже казармъ и въ нихъ по вечерамъ слышится веселый разговоръ и громкій, задушевный смѣхъ. *Княжій Дворъ* снабжается припасами и все готовится къ зимней стоянкѣ. Кафтаны и мундиры замѣнены полушубками и строй солдатъ въ этой зимней одеждѣ, съ папахами, красивъ и совершенно приличенъ времени года, а между тѣмъ самому становится тепло, глядя на свободную и бодрю походку нашихъ молодцовъ.

(*) Тульского Егерскаго полка подпоручикъ Любимовъ.

ПИСЬМО XXXIX.

31-го Октября. Лагерь при сел. Чивт.лигай.

Многіе изъ выбѣгающихъ нынѣ изъ Карса, турецкіе солдаты очень напоминаютъ изнуреніемъ Французовъ памятнаго 1812 года. Въ крѣпости цинга и, кромѣ того, недостатокъ жизненныхъ потребностей рождаетъ болѣзни и смертность. Являющіеся въ нашемъ лагерѣ Турки съ жадностію бросаются на пищу и ѣдятъ хлѣбъ, который для нихъ дѣлается роскошью. Карсское начальство раздаетъ по временамъ каждому солдату по немногу сахару (*) и по щепоткѣ кофе; но эта мѣра не-успокаиваетъ голодныхъ.

Ожидаемая Карсомъ помощь не приходитъ; обѣщанія скорого избавленія не исполняются и гарнизонъ повергается въ уныніе. Но не смотря на это, терпѣніе Турокъ непостижимо, и составляетъ задачу, которую рѣшить весьма трудно: скорѣе можно исчислить тщательно-скрываемую отъ солдатъ тайну о количествѣ остающагося продовольствія, нежели измѣрить это терпѣніе, которое можно предположительно объяснить не возвышенностію духа, а совершеннымъ равнодушіемъ, отсутствіемъ мысли о сдачѣ и слѣпою вѣрою въ предопредѣленіе, которую искусно пользуются англійскіе эмиссары.

Кстати о помощи карсскому гарнизону. Генералъ *Сусловъ*, по данному ему приказанію, двинулся изъ долины западнаго Евфрата чрезъ Драмъ-дагъ, 19 числа атаковалъ непріятельскій

(*) Еще съ прошлаго года въ Карсъ подвезено очень много сахару съ цѣлю водворить его въ предѣлы наши контрабанднымъ образомъ.

авангардъ, состоявшій изъ 2 т. иррегулярной конницы, и прогнавъ его за Керпи-кёвъ, взявъ, кромѣ убитыхъ, нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Около того же времени небольшая партія охотниковъ полковника *Лорисъ-Меликова*, состоявшая изъ 20 человѣкъ и бывшая въ разъѣздѣ за Саганлугомъ, распустила слухъ, что за нею слѣдуютъ войска наши съ намѣреніемъ напасть на Вели-Пашу. Это извѣстіе заставило турецкій отрядъ отступить къ Эрзруму, жители коего вооружены по этому случаю. Между тѣмъ охотники, пользуясь произведенною ими суматохой, бросились къ сторонѣ Норимана, за Ольтой, напали 22-го числа на вооруженныхъ Лазовъ, приготовлявшихъ между Бардусомъ и Ольтой уголья, захватили 180 вьюковъ этого снадобья, при чемъ взяли нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, а 2-хъ защищавшихся убили. Кромѣ того, пригнали въ нашъ лагерь обывательскія арбы съ лѣсомъ, предназначеннымъ для постройки турецкихъ барачковъ подъ Эрзрумомъ, и привезли съ собою нѣсколько отбитаго оружія.

ПИСЬМО XL.

3-го Ноября. Лагерь при сел. *Чистаггай*.

27-го Октября отважнѣйшіе всадники изъ охотниковъ полковника *Лорисъ-Меликова*, коихъ набралось 65 человѣкъ, посланы были до Зивина для развѣдокъ, съ приказаніемъ привести языка. Удальцы, узнавъ, что въ Амиракомѣ, близъ Керпи-кёва, расположено до 350 башни-бузуковъ, сбили пикеть ихъ; ворвались въ деревню, напали въ расплохъ на Турокъ и, изрубивъ нѣсколько человѣкъ, шестерыхъ взяли въ плѣнъ и въ томъ числѣ 1 оберъ-офицера иррегулярной конницы изъ Арнаутъ. Турки бѣжали и преслѣдующіе ихъ охотники достигли до главнаго непріятельскаго отряда, близъ коего встрѣчены

кавалерією въ числѣ почти 1000 человекъ. Утомленные охотники, видя несоразмѣрность силъ, отошли къ сел. Чичакракъ, гдѣ находится отрядъ генерала *Суслова*; но отступили безъ всякой потери, привели плѣнныхъ и захваченныхъ ими въ стычкѣ осѣдланныхъ лошадей, а также привезли отбитое оружіе.

31-го числа карское начальство снова выслало къ намъ 11 человекъ нашихъ плѣнныхъ, кои всѣ тяжело ранены. Въ замѣнъ этого Г. Главнокомандующій отпривилъ въ Карсъ 10 человекъ турецкихъ солдатъ и 1 офицера, обѣщая выписать изъ дальнихъ госпиталей, куда они разсланы, еще нѣсколькихъ плѣнныхъ въ замѣнъ нашихъ. Легко можно себѣ представить, что подобный размѣнъ не очень пріятенъ начальству крѣпости, гдѣ терпятъ недостатокъ въ продовольствіи. Побѣги, не смотря на строгость и бдительность офицеровъ, всячески старающихся удержать солдатъ, увеличиваются. Между дезертирами показываются люди изъ лучшихъ войскъ: гвардейскаго баталіона, Арабистанцевъ и апатолійскихъ стрѣлковъ; выходятъ небольшими командами съ унтеръ-офицерами и ефрейторами, иногда отстрѣливаются, но чаще сдаются, ибо до гарнизона дошли слухи о попеченіяхъ и довольствѣ, коими пользуются у насъ плѣнные и выбѣгающіе изъ Карса.

По дорогѣ въ Александраполь поставлены, близко одна отъ другой, каменные пирамиды, для указанія пути во время снѣговъ и мятелей и учреждены этапы съ помѣщеніями для больныхъ и проѣзжающихъ. При этихъ этапахъ устроены почтовые станціи, такъ, что по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ еще недавно тащились только тяжелыя и неуклюжія арбы, теперь быстро несутся лихая тройка и далеко разносятся звуки колокольчика, столь пріятные для русскаго слуха, какъ воспоминаніе о дорогѣ Отечества.

ПИСЬМО ХLI.

11-го Ноября. Лагерь при сел. Чытлыгаб.

Увеличивающіяся бѣдствія Карса отъ неусыпной блокады нашихъ войскъ и постоянныхъ ночныхъ тревогъ, съ каждымъ днемъ выказываются яснѣе и яснѣе. Не смотря на энергическую дѣятельность турецкаго начальства и ежедневныя казни за побѣги, жители и войска продолжаютъ выбѣгать во множествѣ; турецкіе солдаты выходятъ большею частію съ оружіемъ, но рѣдкіе изъ нихъ оказываютъ сопротивленіе. Усилившіяся болѣзни въ карсскомъ гарнизонѣ до того ослабили людей, что выбѣжавъ изъ крѣпости и достигнувъ нашихъ аванпостовъ, они приходятъ въ совершенное изнеможеніе и сдаются безсознательно. Вотъ собственныя слова нѣкоторыхъ изъ перебѣжчиковъ: «мы совершенно равнодушны къ нашей судьбѣ; дѣлайте съ нами что хотите, но прежде всего дайте что нибудь поѣсть.» Видъ выбѣгающихъ ужасенъ. Кромѣ изнуренія, многіе изъ нихъ страдаютъ цингой и другими болѣзнями: послѣдствіе бессонныхъ ночей, холода и продолжительныхъ лишеній.

Всѣ сіи обстоятельства и страшные рассказы плѣнныхъ о бѣдствіяхъ, ими терпимыхъ, даютъ надежду, что Карсъ, этотъ сильный оплотъ Турціи для защиты своихъ пограничныхъ съ нами провинцій, во всѣ войны стоившій намъ много крови, въ скоромъ времени долженъ пасть отъ продолжающейся неусыпной блокады. Но какъ турецкое начальство весьма искусно скры-

ваетъ количество имѣющихся въ Карсѣ запасовъ, то нельзя сказать положительно, когда именно настанетъ этотъ часъ; слышно, что дѣлаются приготовленія къ новому приступу.

Во всякомъ случаѣ, съ нашей стороны приняты всѣ мѣры, чтобы преодолѣть упорство непріятеля, а потому можно быть увѣреннымъ, что съ Божьею помощію, такъ или иначе, но цѣль будетъ достигнута. Благословеніе царское, посланное къ своему Намѣстнику, твердость, стойкость и неутомимость нашихъ воиновъ служатъ вѣрною въ томъ порукой.

ПИСЬМО XLII.

15-го Ноября. Лагерь при сел. Чытлыгай.

Въ послѣдніе дни у насъ въ лагерь болѣе всего говорили о предстоящемъ новомъ штурмѣ карскихъ укрѣпленій. Молва называла даже начальниковъ колоннъ и пункты, на которые будетъ поведена атака. Но 12-го Ноября, въ 2 часа пополудни, пріѣхалъ адъютантъ генерала *Вилліамса* капитанъ *Тисдель*, съ письмомъ къ Главнокомандующему, — и предметъ разговоровъ перемѣнился.

Содержаніе письма и порученія, которыя имѣлъ капитанъ Тисдель отъ своего начальства, остались для всѣхъ тайной. Но въ отрядѣ знали энергію генерала Вилліамса и то, что генераль этотъ былъ, можно сказать, душою анатолийской арміи, а потому пріѣздъ его адъютанта, вмѣстѣ съ повторившимися разсказами перебѣжчиковъ о бѣдствіяхъ карскаго гарнизона, были достаточны, чтобы возбудить догадки о предстоящей близкой сдачѣ Карса. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдствій этого пріѣзда.

На другой день, въ 12 часовъ утра, явился къ намъ въ лагерь генералъ *Вилліамсъ* и былъ принятъ Главнокомандующимъ. Онъ оставался у Его Высокопревосходительства довольно долго, и выйдя потомъ съ дежурнымъ адъютантомъ, ходилъ по лагерю. Любопытные издали слѣдили за интереснымъ гостемъ, наблюдая всѣ его поступки. Генералъ *Вилліамсъ* человекъ лѣтъ 50, средняго роста, съ лицомъ открытымъ и внушающимъ довѣріе. Онъ громко высказывалъ свои чувства удивленія къ мужеству, оказанному нашими войсками въ бою 17-го сентября, и къ неутомимой ихъ дѣятельности; удивлялся, какъ скоро успѣли обратить нашъ лагерь въ небольшой городокъ и въ нѣсколько недѣль выстроить для себя теплыя и удобныя казармы.

Въ 2 часа генералъ *Вилліамсъ*, съ своею свитой, былъ приглашенъ къ обѣду Его Высокопревосходительства. День былъ праздничный, погода стояла прекрасная, музыка и пѣсни гремѣли по всему лагерю. Причина пріѣзда генерала *Вилліамса* и переговоры оставались пока тайной; но каждый догадывался, что близка развязка нынѣшней кампаніи.

Догадки эти скоро оправдались. По отъѣздѣ генерала *Вилліамса*, въ лагерь сдѣлалось извѣстно, что онъ пріѣзжалъ для переговоровъ о сдачѣ Карса.

Положеніе карскаго гарнизона было самое ужасное. Недостатки и лишения въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ начались тамъ съ давнихъ поръ. Съ первыхъ чиселъ Октября турецкимъ войскамъ прекращена была дача говядины, и они оставались на половинной порціи сухарей, которую начали давать еще съ іюля. Поддерживаемые надеждой на выручку сперва отъ *Селимъ-паши* со стороны Эрзерума, потомъ отъ *Омеръ-Паши* со стороны Мингрели, защитники Карса мужественно переносили свое трудное положеніе. Выручка, однако, не являлась. Въ послѣднихъ числахъ Октября въ Карсѣ узнали, что передовыя войска *Селимъ-паши* были оттѣснены коннымъ отрядомъ генерала *Суслова*. Ожиданія великихъ подвиговъ отъ *Омеръ-Паши* также не сбывались. Напрасно любопытные толпами

собирались на карскихъ высотахъ, чтобы посмотрѣть, не дѣлается-ли въ нашемъ лагерѣ какихъ-нибудь приготовленій къ отступленію. Отряды наши спокойно оставались на занятыхъ позиціяхъ, и Турки видѣли, что число палатокъ у насъ съ каждымъ днемъ уменьшается, а число выстраиваемыхъ казармъ увеличивается. Не скрывалось также отъ ихъ вниманія, что большіе запасы провіанта и фуража подвозятся къ намъ въ отрядъ изъ Александрополя и окрестныхъ санджаковъ. Между тѣмъ скудныя средства Карса истощались, а вмѣстѣ съ тѣмъ упадалъ духъ войскъ и утомлялись ихъ напряженные усилія. Несчастные защитники не могли подкрѣплять себя даже сномъ. Наши казаки и милиціонеры каждую ночь тревожили гарнизонъ. Пуская по лагерю боевыя ракеты съ гранатами, они заставляли защитниковъ ежедневно опасаться новаго приступа и постоянно бодрствовать. Жители и войска начали умирать сотнями отъ истощенія и голода. Крайность въ припасахъ въ послѣдніе дни дошла до того, что генералъ Вилліамсъ вынужденъ былъ тайно рѣзать по ночамъ своихъ собственныхъ лошадей и давать больнымъ конину, потому что сберегавшаяся для нихъ говядина также вся вышла.

Находясь въ столь трудномъ положеніи, начальники анатолійской арміи, конечно, не могли и думать о какихъ-либо выгодныхъ для себя условіяхъ сдачи. Главнокомандующій опредѣлилъ эти условія еще до пріѣзда генерала Вилліамса, и передавъ ихъ полковнику *фонъ-Кауфману* и полковнику князю *Дундукову-Корсакову*, поручилъ имъ вести переговоры.

Рѣшено было, чтобы крѣпость, со всѣми орудіями и находящимся въ ней казеннымъ имуществомъ, была передана по описи въ нашу власть, а анатолійская армія, съ своимъ главнокомандующимъ и другими начальствующими лицами, сложили оружіе и сдались военно-плѣнными. Въ уваженіе-же мужества и терпѣнія, оказанныхъ Турками при оборонѣ Карса, Главнокомандующій изъявилъ согласіе на просьбу генерала *Вилліамса*: отпустить по домамъ находившіяся въ Карсѣ милиціи и редиѣ изъ регулярныхъ войскъ, состоящей большею частію изъ людей

пожилыхъ и выслужившихъ свои сроки. Эти люди отпускались обезоруженными и съ обязательствомъ не служить противъ Россіи въ продолженіе всей нынѣшней войны. Главнокомандующій нашъ также согласился, чтобы при всѣхъ генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ, сдававшихся военно-плѣнными, оставалось оружіе, въ знакъ уваженія къ строгому исполненію ими своего долга. Убъжая, генералъ *Вилліамсъ* общалъ быть на другой день, т. е. 14-го Ноября, съ уполномочіемъ отъ турецкаго главнокомандующаго для подписи заключенныхъ условій. Но исполнить этого не могъ, и прислалъ адъютанта своего просить о дозволеніи явиться 15-го Ноября. Искусно скрывая отъ войскъ и жителей совершенное истощеніе запасовъ и утѣшая ихъ до сего времени скорымъ освобожденіемъ, генералъ *Вилліамсъ*, при объявленіи настоящаго положенія дѣлъ, встрѣтилъ сильное волненіе. Адъютантъ говорилъ, что онъ съ трудомъ пробрался сквозь толпы голодныхъ жителей, умолявшихъ о скорѣйшей выдачѣ имъ хлѣба. Среди ихъ находилось много женщинъ съ дѣтьми, которыя своими криками производили всеобщее смущеніе. Раздавъ все, что оставалось изъ хлѣбныхъ запасовъ, генералъ *Вилліамсъ* успѣлъ успокоить народъ, и ввечеру тотъ же адъютантъ привезъ въ нашъ лагерь уполномочіе *Вилліамса* отъ турецкаго главнокомандующаго на утвержденіе заключенныхъ наканунѣ условій.

15-го числа генералъ *Вилліамсъ* съ своимъ штабомъ, съ *Хафизъ-Пашею*, *Ахметъ-Пашею* и *Керимъ-Эффенди* явился къ нашему Главнокомандующему, и условія были подписаны.

Сдача Карса и анатолийской арміи назначены на слѣдующій день.

Вѣсть о сдачѣ скоро разнеслась по лагерю. Радовались наши воины счастливому окончанію понесенныхъ ими трудовъ, но еще болѣе радовались Турки концу своихъ страданій. Узнавъ о заключенныхъ условіяхъ и оцѣнивъ ихъ великодушіе, они уже не смотрѣли на насъ, какъ на своихъ враговъ.

Въ этотъ день юнкеръ изъ команды охотниковъ, *Даниилъ Арютиновъ*, былъ посланъ въ Карсъ за приѣмомъ послѣднихъ нашихъ раненыхъ, остававшихся отъ 17-го Сентября. Юнкеръ этотъ, постоянно отличавшійся въ ночныхъ тревогахъ, зналъ нужды, терпимыя въ Карсѣ и, отправляясь туда, запасся водкой и закусками. Послѣ выказаннаго ему радушнаго приѣма, онъ предложилъ собравшимся около него Туркамъ привезенное угощеніе, которое было принято съ признательностью. Въ числѣ собравшихся находился *Керимъ-Паша*, пригласившій потомъ *Даниила Арютинова* къ себѣ въ квартиру. Бесѣдуя съ Данииломъ, онъ уже откровенно высказывалъ трудное положеніе своихъ войскъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разспрашивалъ его, что происходитъ во внѣшнихъ дѣлахъ, сознаваясь, что тѣсная блокада лишила ихъ возможности получать какія либо свѣдѣнія.

Въ это время по лагерю носился слухъ, будто *Омеръ-Паша* разбитъ на-голову, и Даниилъ сообщилъ этотъ слухъ. — «Омеръ-Паша заслужилъ это» — угрюмо замѣтилъ Керимъ-Паша, — «вмѣсто скорой помощи Карсу, онъ вздумалъ маневрировать и намъ приходится сдаваться». Этими словами окончилась бесѣда Керимъ-паши съ Данииломъ.

Завтра должна торжественно совершиться сдача Карса и апаголійской арміи.

ПИСЬМО XLIII.

21-го Ноября. Станъ *Владикарскъ*.

Божіею милостію сбылось благословеніе Государя Императора, посланное своему Намѣстнику: одна изъ главнѣйшихъ крѣпостей Малой Азіи, со вновь устроеннымъ при ней укрѣпленнымъ лагеремъ, давшимъ ей значеніе крѣпости 1-го раз-

ряда, нынѣ находится въ нашей власти, и русскій флагъ величественно развѣвается на вершинѣ турецкой твердыни. Анатолийская армія, два года тому назадъ мечтавшая овладѣть Закавказскимъ краемъ и еще въ началѣ кампаніи настоящаго года считавшая въ рядахъ своихъ 30-тыс. человекъ, исчезла какъ прахъ. Лучшая часть ея, все, что съ необыкновеннымъ терпѣніемъ переносило нужды, лишенія и готово было лечь, защищая ввѣренную ей крѣпость, — у насъ военно-плѣнная, вмѣстѣ съ своимъ главнокомандующимъ, 8-ю пашами и генераломъ *Вилліамсомъ*, со всѣмъ его англійскимъ штабомъ.

Въ среду, 16-го Ноября, свершилась торжественная сдача крѣпости, — событіе, рѣдко повторяющееся. Съ разсвѣтомъ въ турецкомъ лагерѣ началось сильное движеніе, но это было уже не приготовленіе къ бою. Турки оставляли оружіе и собирались въ дальній путь. Наконецъ войска ихъ начали спускаться съ горъ, увѣчаныхъ неприступными укрѣпленіями. Массы непріятеля слѣдовали по тому же пути, по которому мы, за два мѣсяца тому назадъ, возвращались послѣ неудачнаго штурма и везли нашихъ раненыхъ; но всякій изъ насъ и тогда надѣялся на удачный исходъ кампаніи, а Турки, торжествовавшіе въ ту минуту временное избавленіе свое, нынѣ влачили по той же дорогѣ, оставляя за собою слѣдъ людьми, падающими отъ изнуренія и голода. Господь силъ, по благодати Своей, испытавъ нашу твердость, терпѣніе и вѣру, во временной неудачѣ ниспослалъ намъ залогъ успѣха и сторицею воздалъ за труды великимъ торжествомъ.

Только къ 2-мъ часамъ стянулся карскій гарнизонъ къ сборному пункту, сел. Гюмбетъ, и построился, у развалинъ древней христіанской церкви, въ слѣдующемъ порядкѣ :

Впереди стоялъ, хотя неправильной массой, но сохраняя всё-таки видъ порядка, *редифъ* (*), а около него толпы Лазовъ и баши-бузуковъ съ своими начальниками, одѣтыми въ красные плащи. Войска эти, хотя и сложившіе оружіе, пред-

(*) Регулярная пѣхота, состоящая изъ безсрочно-отпускныхъ.

назначены были къ отпуску на родину съ находящимися при нихъ штабъ, оберъ-офицерами и предводителемъ башни-бузукъ, извѣстнымъ храбростію *Хаджи-Темиръ-Аюю*, съ тѣмъ однекожъ условіемъ, что во все время войны съ Россією они не должны поднимать противъ насъ оружіе. За редифомъ, въ баталіонныхъ колоннахъ, сдавшіеся военно-плѣнными дѣйствующіе баталіоны анатолійскаго и арабистанскаго корпусовъ, стрѣльковые баталіоны (въ томъ числѣ константинопольскій, гвардейскій стрѣльковый) и далѣе, тоже въ колоннахъ, спѣшенные кавалеристы и состоявшій въ арміи артиллерійскій полкъ.

Съ зарею этого великаго дня, наши войска тоже зашевелились; для сдающихся готовилась въ изобиліи пища, чтобы утолить голодъ, превозмогшій терпѣніе защитниковъ Карса. Наконецъ стройныя линіи полковъ нашихъ въ верхнемъ и нижнемъ лагерѣ, имѣя впереди заряженныя пушки съ дымящимися фитилями, вытянулись съ обѣихъ сторонъ рѣчки Карсъ-чая. Кавалерія князя *Дундукова-Корсакова*, спустившаяся съ пѣхотою и артиллерією отъ Бозгалы, а графъ *Ниродъ* отъ Команцура, заключили собою кругъ, въ коемъ произошла сдача анатолійской арміи. Грозенъ былъ видъ нашихъ солдатъ, но радостны и веселы ихъ лица, закаленные въ бою.

Лишь только турецкія войска построились, главнокомандующій анатолійской арміи *Вассифъ-Мамедъ-Паша*, вмѣстѣ съ генераломъ *Вилліамсомъ* и англійскими офицерами, явились къ нашему Главнокомандующему доложить, что все готово къ сдачѣ.

Наступила великая, торжественная минута,—плодъ, взрощенный кровью столькихъ храбрыхъ, легшихъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, на бранныхъ поляхъ Башъ-Кадыкляра, Кюрукъ-Дара, на валахъ Шораха, и купленный усиленными трудами кампаніи нынѣшняго года.

Г. Главнокомандующій, окруженный своею свитою и сопровождаемый турецкимъ муширомъ, выѣхалъ къ войскамъ, поздравилъ ихъ съ торжествомъ и остановился у мостика, чрезъ который должны были проходить предъ нимъ военно-плѣнные.

Нашъ Главнокомандующій въ эту минуту повелѣвалъ и своими и тѣми войсками, съ коими бился еще въ недавнемъ времени. Онъ приказалъ англійскому секретарю *Чёрчиллю* вызвать изъ рядовъ сдающагося войска *Керимъ-Пашу*, лучшаго и старѣйшаго турецкаго генерала, пользовавшагося всегда большимъ уваженіемъ между своими и участвовавшаго во многихъ сраженіяхъ. *Керимъ-Паша* всегда отличался необыкновенною храбростію и въ послѣднее время, будучи помощникомъ *Вассифъ-Паши*, правилъ всѣмъ дѣломъ. Въ дѣлѣ 17-го Сентября подъ нимъ убиты были двѣ лошади и самъ онъ легко раненъ.

Привѣтствуя ветерана, Г. Главнокомандующій напомнилъ ему время, когда Его Высокопревосходительство, съ десантомъ російскихъ войскъ, въ 1833 году былъ желаннымъ гостемъ въ Царьградѣ. *Керимъ-Паша* въ то время служилъ подполковникомъ въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку *Авни-бея*, порученномъ, тогда царствовавшимъ султаномъ Махмудомъ II, начальству Н. Н. Муравьева.

Послѣ *Керимъ-Паши* представлялись прочіе начальники карскаго гарнизона и вслѣдъ за этимъ началась церемонія сдачи знаменъ.

12-ть прапорщиковъ вынесли столько-же полковыхъ, нарядныхъ шелковыхъ знаменъ; для принятія ихъ вызвана была рота Карабинеръ, стоявшая вблизи Тульскаго Егерскаго полка. Эти символы воинской чести были отнесены съ музыкой къ домику Г. Главнокомандующаго и поставлены на мѣстахъ, гдѣ и прежде сего не одинъ разъ развѣвались непріятельскіе трофеи.

Наконецъ двинулись чрезъ мостикъ длинною вереницею, отпускаемые на родину: редифъ, Лазы и баши-бузуки. Редифъ, какъ регулярное войско, протянулся съ своими начальниками, но нестройныя толпы Лазовъ и баши-бузуковъ, замѣтивъ приготовленные котлы съ пищею, не устояли противъ искушенія и остались, чтобы утолить мучившій ихъ голодъ. Едва прошла эта часть сдавшихся, какъ Г. Главнокомандующій, видя изнуреніе Турокъ, и чтобы дать имъ возможность скорѣе приступить къ трапезѣ, объѣхалъ съ *Вассифъ-Пашею* прочія турец-

кія войска, ласково привѣтствуя ихъ, и въ своей легкой колескѣ пронесся по дорогѣ домой, окруженный свитою и въ сопровожденіи конвойной команды, предъ которою, какъ и всегда, виляя значекъ съ изображеніемъ креста, нашего вѣчнаго спутника и помощника.

Послѣ осмотра турецкихъ войскъ, Его Высокопревосходительство остановился около Драгунскаго Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка и находившейся возлѣ него конной артиллеріи, и въ присутствіи нашихъ и турецкихъ войскъ сдѣлалъ нѣсколько небольшихъ и быстрыхъ построений со спѣшными людьми.

Видѣ Турокъ былъ угрюмъ и мраченъ; особенно поражены были нѣмною горестью Арабистанцы и гвардейцы, — цвѣтъ турецкаго войска; однакожь и въ плѣну они строго повиновались своимъ начальникамъ во всемъ, кромѣ желанія добраться до котловъ. Съ самаго начала пріѣзда Г. Главнокомандующаго бѣдный карескій гарнизонъ овладѣлъ (правда безъ боя) двумя котлами.

Въ то время, когда здѣсь, предъ нашимъ лагеремъ, происходила сдача гарнизона, полковникъ *де-Саже*, назначенный временнымъ комендантомъ, съ 6-ю баталіонами пѣхоты и 1-ю легкой артиллерійскою батареею, вступилъ въ городъ и занималъ укрѣпленія уже русской крѣпости Карса.

По окончаніи торжества, Его Высокопревосходительство изволилъ пригласить къ столу старшихъ турецкихъ генераловъ, а между тѣмъ военно-плѣнные, которымъ предстояло быть отправленными въ Россію, потянулись на сборный пунктъ по дорогѣ къ Александрополю, изъ коего они 5-ю партіями отправляются нынѣ по назначенію. Редифъ, Лазы и баши-бузуки, отпущенные по домамъ, выведены подъ прикрытіемъ 3 баталіоновъ пѣхоты, 2 орудій и одного эскадрона Драгунъ въ селенія по направленію къ Эрзеруму. Войска эти, дурно продовольствованныя, такъ изнурены, что путь ихъ до Саганлуга устлался трупами, погребаемыми жителями окрестныхъ деревень. Даже въ день сдачи, послѣ угощенія, многіе изъ этихъ не-

счастливыхъ, вечеромъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться дарованною свободою, бродили по лагерю, стремясь на огни, мелькавшіе въ землянкахъ, какъ мотылки на свѣчу, и съ крикомъ «*аманъ, аманъ*» просили пищи и тепла; нѣкоторые изъ нихъ на другое утро найдены мертвыми или полуживыми въ конюшняхъ, у дверей, и подъ окнами.

Это бѣдственное положеніе, до котораго дошелъ карскій гарнизонъ, дало намъ возможность покорить неприступную твердыню и хотя послѣ сдачи, изъ чувства челоуѣколюбія, старались помочь страданіямъ отдавшихъ намъ враговъ; но зародышъ преждевременной смерти развивался быстро и не всѣмъ имъ попеченія наши послужили въ пользу. То, до чего достигли они съ одной стороны трудами, съ другой лишеніями въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ короткое время поправить уже было невозможно.

Войска наши, назначенныя съ полковникомъ *де-Саме* въ Карскъ, вступили въ крѣпость съ музыкой и только ночью могли занять всѣ укрѣпленія, городъ и цитадель. Разсвѣтъ 17 Ноября озарилъ не ней русскій флагъ, поднятый при громѣ 101 пушечнаго выстрѣла и водруженный по приказанію Г. Главнo-командующаго адъютантомъ его, поручикомъ *Корсаковымъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1828 году, при Его Высочайшемъ повелѣніи, поставлено было знамя Грузинскаго Гренадерскаго полка (*).

30-ти-тысячная анадолійская армія исчезла истинно какъ прахъ: до 2 тыс. взято нами въ теченіе лѣта; до 3 тыс. успѣло пробраться изъ крѣпости; 8½ тыс. погибло въ бою 17 Сентября, въ разновременныхъ дѣлахъ, отъ холеры, голода и истощенія; около 2 тыс. находится и нынѣ въ госпиталяхъ. Изъ оставшихся 14½-тысячъ, *восемь* взято военно-плѣнными, а до *семи* тысячъ распушено по домамъ.

Вскорѣ приступлено было къ описи казеннаго имущества, намъ доставшагося; это продолжается еще и до сихъ поръ;

(*) Нынѣ Грузин. Гренадер. Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича полкъ.

изъ найденнаго мы приобрѣли уже 130 (*) осадныхъ, батареинныхъ и легкихъ мѣдныхъ пушекъ исправнаго литья, до 30 тысячъ французскихъ ружей и штуцеровъ, а также много пороху и боевыхъ снарядовъ. Въ числѣ трофеевъ, кромѣ 12 полковыхъ знаменъ, о коихъ говорено было выше, Г. Главнокомандующій, зная обычай Лазовъ прятать свои знамена, по высылкѣ сихъ людей, приказалъ осмотрѣть ихъ выюки, въ коихъ найдено 18 старыхъ *прапоръ* (знаменъ) съ отпечатанными, на нѣкоторыхъ изъ нихъ, кровью, руками убитыхъ враговъ; независимо отъ всего этого, собрано довольно значительное число всякаго рода баталіонныхъ, ротныхъ, сотенныхъ значковъ, барабановъ и трубъ.

Вечеромъ, въ день сдачи, отдано было приказаніе: «Лагерь у Чивтлгая, обратившійся въ станъ, впредь называть: станъ *Владикарсъ*».

Вотъ еще разсказъ моего товарища, котораго обязанности службы во время сдачи Карса забросили въ глухія духоборскія слободы:

Радостная вѣсть о паденіи карскихъ твердынь быстро долетѣла въ глушь духоборскихъ селеній. Все разноплеменное населеніе Ахалкалакскаго участка и Александропольскаго уѣзда ликовало при этомъ, изумившемъ всѣхъ, извѣстін; наши поселенцы духоборы, Татары, Армяне, особливо карскіе выходцы, пораженные сдачею крѣпости, коей неприступность имъ извѣстна, тогда только вполнѣ убѣдились и предались восторженной радости, когда въ Александрополь отслуженъ былъ благодарственный молебенъ при 101 пушечномъ выстрѣлѣ, когда прибылъ генералъ *Вилліамсъ* съ своимъ штабомъ и когда начали входить плѣнные Турки. Совершилось событіе и очевидцы онаго, тѣ, которые ждали онаго со дня на день, съ удивленіемъ смотрять на вновь устроенныя укрѣпленія, кои можно было покорить только настойчивою блокадою.

(*) Кромѣ взятыхъ въ теченіе кампаніи настоящаго года.

ПИСЬМО XLIV.

22-го Ноября. Станъ Владикарскъ.

Въ числѣ многихъ образѣвъ, поднесенныхъ Г. Главнокомандующему во время пути его изъ Петербурга на Кавказъ и присланныхъ во время пребыванія въ Турціи, отъ разныхъ духовныхъ лицъ, родственниковъ, знакомыхъ Его Высокопревосходительства и людей разнаго званія, одинъ особенно замѣчательнъ.

Икона эта, присланная отъ неизвѣстнаго лица, безъ письма, и изображающая святыхъ: Георгія, Стефана и Татьяну, а надъ ними чудотворный образъ Тихвинской Божіей Матери, не блеститъ ни золотомъ, ни серебромъ богатаго оклада; но на доскѣ ея свѣча, затепленная предъ нею рукою набожнаго челоуѣка, оставила глубокой слѣдъ, какъ доказательство, что предъ образомъ симъ излилось много теплыхъ молитвъ. На обратной сторонѣ образа виднѣется четкая надпись: «въ Карсѣ».

До сего времени икона сія хранилась у Г. Главнокомандующаго, ибо до паденія карсской твердыни невозможно было исполнить желанія усерднаго и неизвѣстнаго жертвователя.

Теперь же, когда крѣпость преклонилась предъ силою русскаго оружія, Его Высокопревосходительство, по неизмѣннѣ въ Карсѣ греческой церкви, изволилъ приказать передать образъ остающемуся командующимъ войсками въ Карсѣ, генералъ-майору Ивану Петровичу *Фетисову*, съ тѣмъ, чтобы икона сія находилась въ походной церкви стана *Владикарскъ*, до того счастливаго времени, когда въ самомъ Карсѣ устроится православная церковь.

ПИСЬМО XLV.

24-го Ноября. Станъ Владикарскъ.

На другой день послѣ сдачи Карса всѣ офицеры отряда явились поздравить Г. Главнокомандующаго со счастливымъ достиженіемъ цѣли, къ которой стремились желанія всѣхъ, переносившихъ труды блокады. Радостно и искренно было это поздравленіе и весело повторялось оно другъ другу, ибо всякій сознавалъ громадность оконченнаго дѣла и тѣ важныя послѣдствія, кои могутъ проистечь отъ паденія сдавшейся крѣпости и искорененія азиатской арміи.

Въ нашемъ станѣ прожили нѣсколько дней начальники карскаго гарнизона. Кромѣ *Вилліамса* и его офицеровъ, первое мѣсто между плѣнными, по званію мушира (главнокомандующаго), занимаетъ *Вассифъ Мамедъ-паша*. Родомъ Гуріецъ и забывшій еще своего роднаго языка, муширъ отличается добродушіемъ и миролюбіемъ, но въ немъ нельзя даже подозрѣвать тѣхъ обширныхъ и многостороннихъ способностей, которыя необходимы для главнаго начальника арміи. Одежда *Вассифъ-паши* самая простая, общая съ прочими офицерами турецкихъ войскъ; она состоитъ изъ темнаго кафтана съ небольшими круглыми, золотыми пуговицами, красной фески съ синей шелковой кистью, шароваръ съ лампасами и большихъ походныхъ сапоговъ. Ни одежда его, ни наружность не представляютъ ничего особеннаго. Въ 1833 году, въ бытность нашего Главнокомандующаго въ Царьградѣ, *Вассифъ-паша* занималъ постъ дивизионнаго генерала и бывалъ въ лагерѣ десант-

ныхъ войскъ. Его Высокопревосходительство напомнилъ ему это обстоятельство и, разговаривая объ общихъ знакомыхъ того времени, вспоминалъ между прочими и объ Омеръ-пашѣ, нынѣшнемъ генералиссимусѣ турецкихъ войскъ, а въ то время откомандированномъ сераскиромъ къ Н. Н. Муравьеву, для исполненія обязанности переводчика, и назначенномъ тогда, по распоряженію Его Высокопревосходительства, къ оберъ-квартирмейстеру его отряда полковнику Мендту. Омеръ-паша родомъ Австріецъ.

Второй по званію, но гораздо выше мушира во всѣхъ отношеніяхъ, Керимъ-паша, человекъ замѣчательный. Всѣми любимый и уважаемый въ турецкой арміи, онъ носилъ названіе Баба-Керимъ (дѣдушка Керимъ), которое и нашъ Главнокомандующій употреблялъ въ разговорахъ съ симъ почтеннымъ старцемъ.

Третій изъ турецкихъ военно-начальниковъ, вышедшихъ изъ Карса, отпущенный по условію на родину, начальникъ иррегулярной кавалеріи Анатолийской арміи *Хаджи Темуръ-Ага*, уроженецъ Діарбекира, — пользуется въ Малой Азіи извѣстностію по богатству своему и обширнымъ связямъ. Съ открытіемъ настоящей войны въ 1853 году, онъ прибылъ въ Карсъ съ 1½ тысячею башни-бузуковъ, собранныхъ преимущественно изъ людей, ему подвластныхъ или преданныхъ. Прославленная храбрость его привлекла къ нему новыя толпы и, въ прошедшемъ году, онъ уже считалъ въ рядахъ своихъ около 3,000 человекъ. Зимой 1854 года, Хаджи Темуръ-Ага усмирилъ съ прочими войсками возстаніе въ Курдистанѣ и разбилъ близъ Дезирэ владыку Курдовъ Аздагъ-Ишра, послѣ чего возвратившись въ Эрзрумъ, при началѣ кампаніи сего года присоединился къ Анатолийской арміи и выдержалъ съ нею всю трудность блокады, успѣвъ удержать до конца дѣла до 600 человекъ, кои всѣ остались пѣшими, ибо у нихъ сохранилось всего только 10 лошадей. Воинственная наружность Хаджи Темуръ-Аги вполне соответствуетъ званію начальника кавалеріи. Его высокій ростъ, стройная фигура и мужественное лицо

внушаютъ къ нему довѣріе, а ловкость, съ какою онъ сидитъ на конѣ и владѣетъ оружіемъ, доставили ему славу лучшаго наѣздника. Его разшитая золотомъ красивая куртка и роскошная мантия издали бросаются въ глаза; онъ искусно убирается богатымъ оружіемъ и всегда окруженъ толпою рабовъ, тоже щегольски одѣтыхъ.

Остальныхъ шесть пашей Г. Главнокомандующій тоже приглашалъ къ своему столу и привѣтливо съ ними разговаривалъ. Нельзя не замѣтить общаго нерасположенія всѣхъ ихъ къ союзникамъ.

Всѣ плѣнные начальники карскаго гарнизона размѣщены были у генераловъ и полковыхъ командировъ, а Керимъ-паша, какъ человѣкъ особенно достойный, былъ гостемъ у Его Высочайшаго Превосходительства и жилъ все время у капитана *Ермолова*. Вассифъ-паша не тяготился плѣномъ, но скучалъ своимъ положеніемъ и жаловался на судьбу; Керимъ-паша грустилъ молча и все съ участіемъ смотрѣли на его выразительное лицо, носившее отпечатокъ нѣмой скорби. Костюмъ его такой же, какъ у всѣхъ прочихъ, но наружность и приемы напоминаютъ старую Турцію, что выражается и въ рѣчахъ его. Керимъ-паша мало общителенъ, тихъ и скромнъ.

19-го ноября генералъ Вилліамсъ съ своимъ англійскимъ штабомъ отправился въ Александрополь для слѣдованія далѣе; 20-го выѣхалъ муширъ съ тремя пашами; но Баба-Керимъ съ остальными тремя пашами уѣхалъ только 23-го, оставивъ въ насъ самое пріятное о себѣ впечатлѣніе.

ПИСЬМО XLVI.

26-го Ноября. Станъ Владикарскъ.

19-го Ноября, въ 11-ть часовъ утра, Г. Главнокомандующій изволилъ отправиться для обозрѣнія Карса. По осмотрѣ нижнихъ укрѣпленій и Гафизъ-Табии, Его Высокопревосходительство былъ на скалистомъ Карадагѣ, взятомъ имъ приступомъ въ 1828 году; возвращаясь въ городъ, у воротъ былъ встрѣченъ армянскимъ духовенствомъ. Г. Главнокомандующій удостоилъ посѣщеніемъ Межлисъ (городской судъ или ратуша), гдѣ собраны были старшины; объявилъ жителямъ прощеніе за то, что они сражались противъ насъ въ рядахъ турецкихъ войскъ, и въ краткихъ, но строгихъ словахъ далъ наставленіе, какъ они должны вести себя, чтобы успокоиться послѣ претерпѣнныхъ бѣдствій,—послѣ чего отправился въ госпиталь. На дворѣ онаго въ одну шеренгу выстроены были 83 человекъ турецкихъ медиковъ, въ мундирахъ; всѣ они имѣли честь представляться Г. Главнокомандующему. Больныхъ въ лазаретахъ, мечетяхъ и частныхъ домахъ до 2 т. чел., изнуренныхъ и безъ пищи; ежедневно умирало этихъ несчастныхъ около 100. Изъ госпиталя Его Высокопревосходительство вошелъ въ цитадель. Въ Карсѣ между тѣмъ дѣятельно кипитъ работа. Легкія, батарейныя и осадныя пушки свозятся съ разныхъ укрѣпленій, оружіе приводится въ извѣстность, равно какъ и всѣ военные припасы, палатки, шанцевый инструментъ, порохъ и боевые снаряды. Карсъ былъ главнымъ складомъ всего этого для снабженія анатолійской арміи. Намъ досталась превосходная артил-

лерія, не безобразныя чугушныя крѣпостныя орудія, а лёгкія батареиныя мѣдныя и бронзовыя пушки, не на станкахъ, а на лафетахъ. Възъмъ запасамъ до сихъ поръ не окончена опись, ибо все еще отыскиваются новые склады, такъ, что намъ трудно привести въ извѣстность все пріобрѣтенное.

20-го Ноября, въ 9½ часовъ утра, въ корпусной церкви стана Владикарсь, совершено богослуженіе съ панихидою о павшихъ въ бою 17-го Сентября и, при 101 пушечномъ выстрѣлѣ, благодарственный Господу силъ молебенъ за успѣхъ, дарованный нашему оружію. При этомъ былъ парадъ, въ коемъ участвовали войска, находящіяся въ станѣ.

21-го Ноября Г. Главнокомандующему угодно было осмотрѣть укрѣпленія на чахмахскихъ и шорахскихъ высотахъ. Для подробнаго объясненія хода дѣла 17-го Сентября, *Керимъ-Паша*, распорядившійся въ тотъ день турецкими войсками, былъ приглашенъ сопровождать Его Высочайшее Высочайшее. Изъ нашихъ офицеровъ отправились нѣкоторые изъ принимавшихъ участіе въ штурмѣ: со стороны Шораха полковникъ *Тарханъ-Моуравовъ*, а съ Чахмаха капитанъ *Ермоловъ*. Взаимныя съ двухъ сторонъ указанія частныхъ обстоятельствъ объяснили дѣло въ подробностяхъ онаго.

«Здѣсь» — говорилъ *Керимъ-Паша* — «насъ сбилъ первый натискъ». Полковникъ *Тархановъ* указалъ то-же мѣсто и батарею, взятую съ боя поручикомъ *Шилларъ-фонъ-Шильхау 2-мъ*, вооруженную 4-мя орудіями. Признаны мѣста, гдѣ Эриванцы, Мингрельцы и Рязцы овладѣли еще 7 пушками, гдѣ стояло во рву знамя Гренадерскаго полка, вынесенное съ перебитымъ древкомъ.

«Вотъ табія, которую не могли занять ваши солдаты, не смотря на отчаянную ихъ храбрость», — примолвилъ *Керимъ-Паша* — «они взбѣгали на валъ, но тутъ и ложились». Однимъ словомъ, указаны все пункты, гдѣ были упорныя свалки и кипѣль бой на шорахскихъ высотахъ.

На Чахмахъ, гдѣ начальствовалъ генералъ *Базилъ*, капитанъ *Ермоловъ* объяснилъ ходъ дѣла и взятіе 12 пушекъ, изъ ко-

ихъ 3, болѣ легкія, тогда же перевезены были въ лагерь г.-м. *Бакланова*, указавшаго нашимъ колоннамъ давно изслѣдованные имъ пути къ укрѣпленіямъ; *Керимъ-паша*, не находившійся во время дѣла на сей сторонѣ, но получавшій оттуда донесенія, подтвердилъ справедливость разсказа.

Въ 1829 году Пушкинъ, отправляясь въ Эрзерумъ, былъ проездомъ въ Карсъ и удивлялся паденію этой твердыни; чтобы сказать нынѣ нашъ поэтъ, если-бъ увидѣлъ ту-же громаду, но окруженную многочисленными фортификаціонными работами, сооруженными подъ наблюденіемъ и руководствомъ искусныхъ англійскихъ инженеровъ, и вооруженную превосходною и большаго калибра артиллерією.

Видъ съ каресской цитадели восхитительный; тамъ, на высотѣ, подъ сѣнью гордо-вьющагося въ воздухѣ русскаго флага, стоялъ я, смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться.

Съ одной стороны каменистый обрывъ и за нимъ, гряда за грядою, цѣпи горъ, увѣнчанныя разнообразными укрѣпленіями, еще недавно кипѣвшими войсками цѣлой арміи, а нынѣ безмолвными; онѣ оканчиваются неправильными линіями Шораха, на коемъ высятся четыре деревянныхъ креста, водруженныхъ надъ могилами нашихъ собратій, геройски павшихъ 17-го Сентября. У ногъ раскинулся обширный городъ съ зданіями, тѣсными, кривыми улицами и высокими минаретами; вездѣ шумитъ и двигается пестрая толпа, забывающая среди возраждающагося довольства о претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ и которую снова занимаютъ ея всеневныя нужды.

Спустившись въ городъ, я прошелъ на базаръ; лавки уже открыты, купцы громко зазываютъ покупателей, принимаютъ наши ассигнаціи и при продажѣ ссылаются на таксы, назначенныя русскимъ карескимъ полицеймейстеромъ.

Это въ Карсъ; а по дорогѣ изъ нашего стана, мимо каменныхъ пирамидъ, поставленныхъ по пути, тянутся обозы, везутъ взятые огромныя пушки и запасы, идутъ баталіоны и команды разныхъ полковъ, двигается кавалерія, партіи военно-плѣнныхъ, ѣдутъ паша или мчится на почтовой тройкѣ посланный гонецъ.

Около этаповъ, при коихъ устроены станціи, дома для проезжающихъ и маркитантскія лавки, стоятъ кучи народа, множество повозокъ и аровъ, съ конми трудно разъехаться, начинающая отъ Александрополя вплоть до Владикарса.

ПИСЬМО XLVII.

29-го Ноября 1855. Станъ Владикарскъ.

Не много странъ могутъ сравниться въ изобилии и хлѣбородіи съ Карскимъ пашалыкомъ. Въ мирное время вся холмистая поверхность онаго и даже нижніе уступы горныхъ хребтовъ покрываются тучными пажитями. Въ санджакъ Ардаганскомъ, который былъ всегдашнею житницею нашего Закавказскаго края, не смотря на громы войны, нивы не заглохли. Гельскій санджакъ хотя не изобилуетъ хлѣбомъ, но множество сѣна даетъ жителямъ возможность держать огромныя стада. Кагизманъ, кромѣ земледѣлства и скотоводства, весь въ виноградныхъ и фруктовыхъ садахъ. Заришатскій санджакъ не уступаетъ другимъ въ изобиліи; самыя названія озера Арпа-гѣль (*) и рѣки Арпа-чай доказываютъ, что мѣста эти избыточны хлѣбомъ. Только окрестности Карса, несущія въ настоящее время всю тягость войны, оскудѣли; но отдохнувшая почва вознаградитъ съ лихвою трудъ земледѣльца.

И среди столь богатой страны, гарнизонъ и жители Карса, сжатые нашей блокадой, томилась отъ голода и принуждены были сдаться!..

Въ бытность мою въ Карсѣ я осматривалъ непрерывную цѣпь нагроможденныхъ въ нѣсколько рядовъ укрѣпленій и мно-

(*) Арпа—ячмень, гѣль—озеро.

жество кладбищъ, на кон перешли изъ домовъ поколѣнія, обитавшія въ семь древнемъ городѣ, извѣстномъ еще Римлянамъ подъ именемъ *Карсеса* или *Карсиса*. Теперь убрали лежавшіе около нихъ по улицамъ и въ табіяхъ трупы, не понавшіе въ эти обширныя мѣста успокоенія. Не вдалекъ одного изъ нихъ, правильными рядами расположены двадцать четыре огромныхъ насыпи, изъ коихъ каждая имѣетъ 50 шаговъ длины, 7 ширины и до 1½ сажени вышины. Сначала я полагалъ, что это землянки для войскъ, но одинъ изъ карскихъ жителей объяснилъ въ чемъ дѣло. Когда фуражъ въ городѣ былъ почти весь истребленъ, то Англичане приказали убить лошадей и, для избѣжанія заразы, зарыть ихъ, такъ что видѣнное мною *конское кладбище* вмѣщаетъ болѣе 2,500 зарѣзанныхъ кавалерійскихъ лошадей. Кромѣ того, по всемъ окрестностямъ Карса и въ самомъ городѣ валяется множество догнивающихъ лошадиныхъ оставовъ.

По словамъ стариннѣ деревень, оставшихся по дорогѣ къ Саганлугу, изъ отпущенныхъ на родину 7 т. редифовъ едва $\frac{1}{4}$ часть перешла черезъ хребетъ; многія сотни труповъ погребались жителями сихъ деревень. Вполнѣ оправдывается допущенное мною въ одномъ изъ прежнихъ писемъ сравненіе выбѣгавшихъ изъ Карса турецкихъ солдатъ съ Французами 1812 года, отступавшими изъ Москвы.

Сердце обливается кровью, видя эти страшныя бѣдствія, и только сознаніе, что единственно симъ способомъ можно было одолѣть неприступный оплотъ Малой Азіи успокоиваетъ возмущенное чувство челоуколюбія.

28-го Ноября Г-нъ Главнокомандующій ѣздилъ въ Карсъ, чтобы видѣть съ дѣятельностью-продолжающемся отправленіе турецкихъ орудій и прочихъ доставшихся намъ запасовъ.

Завтра, 30-го Ноября, Его Высокопревосходительство выезжаетъ изъ стана Владикарсъ въ г. Александрополь.

ПИСЬМО XLVIII.

3-го Декабря г. Александрополю.

30-го Ноября Г. Главнокомандующій выѣхалъ изъ стана Владикарса. Офицеры оставшихся еще тамъ полковъ являлись откланяться Его Высокопревосходительству.

По дорогѣ, изъ населенныхъ армянскихъ деревень выходилъ на встрѣчу народъ и духовенство съ крестами и Евангелиемъ, а отъ Огузлы провожала сотня Шурагельской милиціи. Уже стемнѣло, когда подѣхали къ Александрополю. Берегъ Арпачая со стороны города былъ освѣщенъ *машалами* (*); въ багровомъ заревѣ ихъ видѣлись хоругви, значки и ближайшіе ряды народа, — тутъ было почти все населеніе города, и глухой говоръ этой толпы переливался въ темнотѣ. Едва экипажъ Г. Главнокомандующаго, окруженный всадниками, переправившимся на противоположную сторону Арпачая, переѣхалъ черезъ рѣку, ожидавшее Его Высокопревосходительство греческое и армянское духовенства двинулось къ нему на встрѣчу съ привѣтствіями и поздравленіемъ. Въ числѣ духовныхъ лицъ находился и тотъ священникъ, который, при прибытіи Г. Главнокомандующаго въ началѣ нынѣшней кампаніи въ Александрополю, встрѣтилъ его рѣчью, нѣкоторымъ образомъ предсказавшею послѣднія событія. По окончаніи пѣнія псалма, загремѣли со всѣхъ сторонъ клики народа; экипажъ тронулся, сопровождаемый звуками зурны, факелами, значками и всѣми бывшими

(*) Гизда изъ желѣзныхъ полосокъ, наполненная горючими матеріалами.

при встрѣчѣ; непрерывное ура! не умолкало. На пути присоединялись другіе, такъ что провожавшіе заняли всю дорогу. На площадкѣ предъ квартирой, отведенной Его Высокопревосходительству, ожидать его почетный караулъ отъ Бѣлевскаго егерскаго полка и ординарцы отъ разныхъ частей войскъ. Около-же самаго дома выстроены были гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры александропольскаго гарнизона и проходящихъ полковъ. Тутъ-же градской глава и общество здѣшнихъ Евреевъ поднесли Его Высокопревосходительству хлѣбъ и соль, а послѣдніе написанную на листѣ молитву о ниспосланіи успѣха нашему оружію. Вся площадь была освѣщена разноцвѣтными фонарями, а улицы и кровли домовъ иллюминированы плашками. Долго еще по прибытіи Г. Главнокомандующаго не расходился народъ и густыя толпы его тѣснились около дома.

2-го Декабря, Его Высокопревосходительство осматривалъ крѣпостныя работы и госпиталь. Въ послѣднемъ лежитъ болѣе 1500 военнопленныхъ Турокъ, оставленныхъ здѣсь по болѣзни и крайнему изнуренію. Тутъ уже можно было исполнить долгъ челоѣчества, успокоивъ и давъ помощь снмъ несчастнымъ, кои благодарятъ за попеченій, имъ оказываемыя.

Сегодня, 3-го Декабря, Г. Главнокомандующій осматривалъ зданія карантина и расположенныя въ оныхъ команды, послѣ чего заѣхалъ на кладбище, желая вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить могилу храбраго генерала Ковалевскаго. Кладбище это расположено на возвышенности, названной *холмомъ чести*, потому что тамъ покоятся падшіе въ теченіе 3-хъ лѣтъ на поляхъ Башъ-Кадыкляра, Кюрюкъ-Дара и на валахъ Шораха. Холмъ сей усыпанъ надгробными памятниками изъ чернаго и краснаго камня; нѣкоторые изъ нихъ поставлены надъ храбрыми иждивеніемъ родственникововъ, но бѣольшая часть сооружены товарищами убитыхъ. Это мѣсто, славное по воспоминаніямъ, и на маломъ пространствѣ вмѣщающее столько героевъ, видно издали и отъ Аршачая и изъ крѣпости; ни одинъ служивый не пройдетъ мимо безъ того, чтобы набожно не перекреститься и не вспомнить о братьяхъ, въ мирѣ почіющихъ.

ПИСЬМО XLIX.

5-го Декабря, на пути изъ Александрополя къ Тифлису.

Въ бытность свою въ Александрополь, Г. Главнокомандующій получилъ допесеніе объ изъявленіи покорности Ольгинскимъ и Гельскимъ санджаками; это достигнуто слѣдующимъ образомъ: полковнику *Лорисъ-Меликову*, назначенному нынѣ областнымъ начальникомъ Карскаго пашалыка и части Эрзерумскаго, и о которомъ часто упоминалось въ письмахъ моихъ, поручено было Г. Главнокомандующимъ привести въ покорность Ольгинскій и Гельскій санджаки.

По объявленіи мѣстному управленію сихъ санджаковъ воли Его Высокопревосходительства, и по причинѣ нескорого прибытія старшинъ, полковникъ *Лорисъ-Меликовъ* послалъ туда 3 сотни Карапаховъ, жителей покорившихся намъ въ прошломъ году турецкихъ деревень и добровольно поступившихъ на службу.

Съ летучимъ отрядомъ этимъ былъ посланъ *Ширинъ-Бекъ* (*), который по прибытіи въ Ольту узналъ, что почетные жители этого города отправили уже въ Карсъ съ Бардусскимъ старшиною 2-хъ членовъ меджлиса и распорядились, дабы доказать свою покорность, отправленіемъ въ станъ Владикарскъ

(*) Родомъ Гуріецъ, съ молодыхъ лѣтъ поступившій въ турецкое подданство. Овъ находился подъ надзоромъ Турокъ, подозрѣвавшихъ его въ сношеніяхъ съ нами, и освобожденъ при взятіи Карса. Это молодой человекъ, замѣчательный своею ловкостью и примичной наружностью.

300 четв. ячменя, общая постоянно продолжать подвозъ. Гельскій меджлисъ съ своимъ кадиемъ (судью) тоже прибылъ къ полковнику *Лорисъ-Меликову* и выслалъ къ нашимъ войскамъ 120 аробъ сѣна, — продукта, коимъ изобилуетъ сей санджакъ и въ коемъ всего болѣе встрѣчается необходимость въ станѣ. Такимъ образомъ, все пространство до подошвы по ту сторону Саганлугскаго хребта покорилось нашему оружію и вошло съ нами въ сношенія.

4-го Декабря Г. Главнокомандующій изволилъ выѣхать изъ Александрополя, напутствуемый искренними желаніями счастливаго пути собравшихся жителей и конвоируемый сотнею Шурагельской милиціи.

Въ пути, на станціи Караванъ-Сарайской и далѣе, въ Мугаплинской, настигли мы слѣдующихъ въ Тифлисъ военнопленныхъ Турокъ. Переходъ въ столь суровое время года, при ихъ обношенной одеждѣ и обуви, конечно труденъ, но нельзя не удивляться терпѣнію этихъ, въ полномъ смыслѣ слова, хорошихъ солдатъ. Какъ они, такъ и офицеры не ропщутъ; послѣдніе въ особенности понимаютъ неизбежность недостатковъ въ пути. Первая партія достигла уже Тифлиса, гдѣ имъ приготовлена одежда и откуда они отправятся въ дальнѣйшій путь, снабженные всѣмъ необходимымъ. Тифлисскіе жители видѣли артиллеристовъ; вслѣдъ за ними придутъ Арабистанцы и гвардейскіе стрѣлки. На суровыхъ лицахъ этихъ, заслуживающихъ состраданія, людей можно прочесть только совершенную покорность судьбѣ; офицеры ихъ ведутъ себя хорошо и пользуются уваженіемъ подчиненныхъ. Послѣдними придутъ Анатолійцы.

Конечно дѣло о Карсѣ; но мысли все еще заняты этимъ важнымъ событіемъ и часто приходятъ на память впечатлѣнія того времени. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ частныхъ событій, о коихъ я давно уже хотѣлъ писать вамъ.

Послѣ штурма 17-го Сентября, генералъ Вилліамсъ и турецкіе паши поддерживали духъ карскаго гарнизона увѣреніями, что мы, съ приближеніемъ зимы, испугаемся холодовъ

и мятелей, и уйдемъ въ Алекса̀ндрополь, открывъ имъ путь въ Эрзерумъ. Но они убѣдились, какъ неосновательны были ихъ предположенія: адъютантъ Вилліамса, *Тисдель*, отправляясь, передъ сдачею, къ Г. Главнокомандующему въ своемъ красномъ мундирѣ, замѣтилъ около мостика, чрезъ который онъ проѣзжалъ, толпу солдатъ въ такой-же красной, но *натуральной* одеждѣ, купающихся въ рѣкѣ; это было уже во время наступленія сильныхъ холодовъ. Онъ съ удивленіемъ спросилъ, что это за люди и откуда они идутъ?—потому, что въ это же время новая толпа, только что выскочившая изъ бани, подходила къ рѣкѣ, вся объятая паромъ, и бросалась въ воду,—и едва повѣрилъ отвѣту, что солдаты, выпарившись въ банѣ, отправляются въ холодную воду для освѣженія себя. Тоже самое зрѣлище случайно представилось на другой день и генералу Вилліамсу, при проѣздѣ его чрезъ построенный нами мостъ, подъ коимъ наши солдаты *прохлаждались* въ рѣкѣ, выскочивши изъ-подъ баннаго вѣника. Понятно, что послѣ этихъ случаевъ, Англичане могли убѣдиться въ возможности продолжать блокаду *зимною* людямъ, такимъ образомъ закаленнымъ. Другое же обстоятельство подкрѣпило это убѣжденіе: когда подписывали условія сдачи, англійскимъ офицерамъ позволено было осмотрѣть нашъ лагерь и они увидѣли при всякомъ полку заготовленные въ большомъ количествѣ сани для зимнихъ перевозокъ и лопаты для разгребанія снѣга.

Можно-ли усумниться, чтобы нашъ желѣзный русскій чело-вѣкъ не выдержалъ турецкаго мороза?!...

А вотъ еще событіе, не менѣе характеристическое, и въ высшей степени отрадное, какъ доказательство, что не поколебалась въ отечествѣ нашемъ теплая вѣра въ помощь Божію и что много есть въ дальнихъ городахъ обширной Россіи благочестивыхъ людей, которые, не въ силахъ будучи поднять противу враговъ оружія, христіанскими подвигами воодушевляютъ ратниковъ, жертвующихъ жизнью за честь и славу драгоцѣннаго отечества:

Въроятно, еще не забыто вами мое описаніе церковнаго парада 5-го Сентября, послѣ косяго розданы были въ части войскъ ноѣскольку образцовъ Ростовскихъ Чудотворцевъ, въ числѣ 2 тысячъ, присланныхъ при письмѣ на имя Г. Главнокомандующаго ростовскимъ купцомъ Василіемъ *Рахмановымъ*. Этотъ благочестивый старецъ снова сдѣлалъ усердное приношеніе, препроводивъ икону на финифти собственно Г. Главнокомандующему, 25-ть образковъ для Штаба Его Высокопревосходительства, 1000, — какъ онъ самъ выражается, — для храбраго казачьяго войска, и отъ имени ростовскаго же купца *Тарасова* 100 для артиллеристовъ.

Кромѣ того, Василій Васильевичъ Рахмановъ, получивъ письмо (*) отъ трехъ заслуженныхъ солдатъ Мингрельскаго

(*) Письмо это составило предметъ слѣдующей статьи, напечатанной въ Русскомъ Иллюстративѣ :

Ростовскій 3-й гильдіи купецъ Василій Рахмановъ, пріобрѣтшій известность за пожертвованіи въ разныя части морскихъ и сухопутныхъ войскъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, образцовъ, писанныхъ на финифти, получилъ, въ послѣднихъ числахъ октября, слѣдующее письмо изъ подъ Кр-са :

•Милостивому Государю, нашему достойнѣйшему, дражайшему отцу Василію.

•Первымъ долгомъ свидѣтельствую я вамъ всенужайшее мое заочное повиновеніе и низкой поклонъ, и припадаю къ стопамъ вашимъ за ваше щедрое и сладкое милосердіе и драгоценное ваше благословеніе. Имя счастье получить, чувствительно буду васъ помнить, и молить Бога о васъ въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, и желаю вамъ отъ Всевышняго Творца, Царя Небеснаго, съ сожителяницею вашею и дѣтками вашими и всемъ вообще благословеннымъ семействомъ, отъ старшаго и до младшаго, получить благословеніе Божіе и щедрюю Его милость. Еще покорнѣе осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему щедрому милосердію: не отведите лица своего отъ меня грѣшнаго и недостойнаго, извольте выслать книжечку Потерянаго Рая и на одною листочкѣ календарчикъ, называются Святцы, ибо мы рѣдко когда слышимъ звонъ колокольный и особъ духовныхъ нечасто видимъ; ибо почти завсегда стоимъ между Азією. Не имѣю себѣ средства пріобрѣсти наслажденіе — книжечку Потерянаго Рая. Я горькой сирота, не видалъ своей матери и отца своего: малюшкой остался, только отъ людей слышу, что маленькимъ остался, и воспитана тетка родная. Благодарю Всевышняго Творца, Царя Небеснаго, что имя Господь послалъ такой даръ неоцѣненный — получить себѣ ликъ Святителя, сохраняющаго меня грѣшнаго. Сладко душѣ и сердцу моему по смерти моею! Этотъ даръ отъ васъ я имѣлъ счастье получить 5-го Сентября 1855 года. И было все войско въ парадѣ; молебствовали; и были ваши святая жертвы — иконы Угодниковъ Господнихъ вынесены на престолъ предъ образа. Когда кончилъ священникъ обѣдню, то Главнокомандующій нашъ объявилъ въ парадѣ: «помните, дѣти, вотъ намъ прислалъ богатую награду купецъ 3-й гильдіи, Ярославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, Василій Рахмановъ;

егерскаго полка, изъ коихъ рядовой Яковъ Дубининъ благодарилъ его за полученный при раздачѣ образокъ, а унтеръ-офицеръ Иванъ Гайловъ и рядовой Никита Поздняковъ, видя, что товарищъ ихъ, огражденный заступничествомъ Св. Ростовскихъ Чудотворцевъ въ бою 17-го Сентября, не былъ тронутъ вра-

вы должны, ребята, молиться Богу и благодарить Рахманова; я самъ буду его благодарить и писать ему, и лично Царю отпишу». — Еще объявляю вамъ, достойнѣйшій батюшка Василий: было у насъ дѣло 17-го сентября, и шли на штурмъ; Господь оставилъ въ живыхъ вашихъ благословеніемъ; милостивой батюшка Чудотворецъ Святый Дмитрій Ростовскій умолилъ Господа милосердаго, кто только его признавалъ на помощь.

«Затѣмъ прощайте; остаюсь, слава Богу, живъ, здоровъ, чего и вашей милости желаю отъ Всевышняго Творца, Царя Небеснаго, всему вашему семейству. Покорнѣйшій вашъ всегда крестникъ Яковъ Дубининъ, рядовой 7-й роты Мингрельскаго Егерскаго полка.

«Подъ Карсомъ, 30-го сентября 1853 года.»

Приписка. — «Если милость ваша будетъ, то не оставьте и насъ грѣшныхъ, пришлите и намъ недостойнымъ святые иконы и пришлите къ своимъ любящимъ, благословеннымъ крестникамъ, за что будемъ молиться въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ. Унтеръ-офицеръ Иванъ Гайловъ и рядовой Никита Поздняковъ.

По полученіи этого письма, к. Рахмановъ препроводилъ къ Его Высочайшему Великому Главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ: 15 образковъ, писанныхъ на финифти, съ изображеніемъ на каждомъ всѣхъ Ростовскихъ Чудотворцевъ, и 200 такихъ же, меньшаго размѣра. Эти образа назначены Рахмановымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ той роты, въ которой служатъ Гайловъ, Поздняковъ и Дубининъ. А самъ послѣднимъ отправлено Рахмановымъ: три финифтенныя иконы, съ изображеніемъ на каждой всѣхъ Ростовскихъ Чудотворцевъ, три книжки святцевъ, три рубля серебромъ, шесть листовъ почтовой бумаги, три штепельные конверта на посылку писемъ, палочка сургуча и двѣ картины. На первой представлены всы: на одной чашкѣ оныхъ стоитъ русскій мужичокъ, другую чашку заняли союзники, и не зирая на большое число оныхъ, плотно наполнившихъ чашку и даже повисшихъ на цѣпяхъ оной въ разныхъ курьезныхъ позиціяхъ, вся эта компанія, сколько ни силится, не можетъ перетянуть русскаго крестьянина; на второй изображена тройка, запряженная въ легкій экипажъ, безстрашно управляемый молодою дѣвушкою; головы у лошадей не лошадиныя: у коренной — турецкаго султана, у правой пристяжной — Людовика-Наполеона, у дѣвой — лорда Пальмерстона; подъ картиной надпись:

«Вотъ вчитя тройка удалая,
А глупость бодро править ей,
И въ бездну вчитя, будто шальная,
Разно-калиберныхъ коней.»

И наконецъ письмо, въ которомъ, слогомъ простымъ и понятнымъ, прекрасно обозначены обязанности русскаго солдата, призваннаго Царемъ, Богъ вѣнчаннымъ, на защиту отъ враговъ-варваровъ Православной Россіи, дорогаго и любезнаго нашего отечества.

жыми пулями, хотя шинель его въ 4-хъ мѣстахъ прострѣлена, просили Рахманова выслать имъ подобныя иконы, — прислалъ имъ письмо со вложеніемъ 3-хъ рублей и посылку на имя Г. Главнокомандующаго для передачи симъ солдатамъ.

Его Высокопревосходительство получилъ письмо это въ Александрополь и, отдавая справедливость храбрымъ егерямъ Мингрельскаго полка, которые подъ командою своего достойнаго полковаго командира *Серебрякова*, отличаются неустрашимостью и примѣрною нравственностью, приказалъ розыскать посылку.

Она найдена въ Тифлисской Почтовой Конторѣ, но въ пути ящикъ нѣсколько повредился. Однако, хотя нѣкоторыя вещи испорчены, все въ ней заключавшееся отослано немедленно по адресу.

Отрадно было разбирать этотъ ящикъ. Незнакомый человекъ, ростовскій купецъ, единственно по просьбѣ солдатъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, но движимый чувствомъ братства, посылалъ членамъ великой русской семьи образа для оцѣненія ихъ въ бояхъ. Ящикъ заключалъ 208 образковъ для роты, въ которой служатъ Гайловъ, Позняковъ и Дубининъ, 3 образка имъ и 7 офицерамъ, двѣ картины, нарисованныя по поводу нынѣшней войны, три книжки святцевъ, 6 листовъ почтовой бумаги, 3 штемпелеванныхъ конверта и палочку сургуча для писемъ къ нему.

Только нѣжно-любящій сыновей своихъ отецъ могъ такъ внимательно позаботиться о нуждахъ своихъ дѣтей, какъ сдѣлалъ это Рахмановъ, — повторяю, для людей, ему вовсе незнакомыхъ.

Вещи завернуты были въ корпію и при посылкѣ приложено письмо, коего простыя и сильныя выраженія, подкрѣпленные ссылками на Св. Писаніе, вполне обрисовываютъ чистую и добрую душу набожнаго Рахманова. Вотъ это письмо:

«Храбрые Христілюбивые воины, г. унтеръ-офицеръ Иванъ Гайловъ, рядовые Никита Позняковъ, Яковъ Дубининъ; отчества вашего въ письмѣ не написано, а книги *Потерянный Рай* въ Ростовѣ не оказалось.

«Мнѣ пріятно читать ваше письмо, въ которомъ вы душевныя свои чувства изложили о вашемъ желаніи получить отъ меня святцы и иконы Ростовскихъ чудотворцевъ, а потому спѣшу при семъ послать вамъ троицъ по иконѣ всѣхъ Ростовскихъ чудотворцевъ, и каждому по святцамъ; да послужитъ вамъ святая вѣра ваша на спасеніе души и на воспоминаніе, что отечество ваше помнитъ васъ, что вы призваны свыше на защиту Вѣры, Царя и Отечества, и проливаете кровь вашу не для пагубнаго дѣйствія по примѣру враговъ Отечества нашего, которые во злобѣ сатаны, ненавидящаго Христіанскіе народы, имѣютъ явное намѣреніе дѣлами своими ему, діаволу, содѣйствовать. Въ мечтахъ страхъ, что они творятъ за убійства, грабежи и пожары! Предаютъ огню хлѣбъ насущный, дарованный Россіи изъ нѣдръ земныхъ Богомъ, для существованія созданія Божія, и полагаютъ подобными дѣйствіями своими истребить Христіанъ; разрушаютъ храмы Божіи по примѣру 1812 года; забыли святое писаніе, гдѣ сказано: *Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сею Богъ* (1. Корин. 3. 17.), и видѣли они, что православная Россія не воздала имъ въ 1812 году за зло зломъ, а простила ихъ по христіански; бывши въ Пирижѣ, наши не предали его огню подобно какъ они жгли наши грады, и это смиреніе Россіи оцѣнили потомство всѣхъ народовъ. Что же теперь враги наши полагаютъ, что жгутъ селенія, лишаютъ достоянія подданныхъ Россіи? Что же они изъ того пользы себѣ пріобрѣтаютъ? Ровно ничего. Россія знаетъ твердо Вѣру свою; знаетъ, что безъ воли Бога власть съ головы не упадетъ, слѣдовательно, осѣняя себя христіанскимъ крестнымъ знаменіемъ, произноситъ: Богъ даде, Богъ и отъя! Всѣ христіане знаютъ, что симъ дѣйствіемъ вражескаго возстанія не поколеблютъ вѣрноподданнаго населенія; они знаютъ, что въ отдаленной странѣ собраты ихъ готовы, по слову Царя, помогать имъ въ раззореніяхъ, переносимыхъ отъ враговъ, что не за себя или за свою вину подвергаются гибели, а за Вѣру православную всѣхъ христіанъ; а предъ пострадавшими за Вѣру мы нынѣ благоговѣемъ, и вы, храбрые

воины, пожелаали имѣть святцы для воспоминанія тѣхъ, кто угодилъ Богу и кто суть ходатаи наши предъ Богомъ; и въ письмѣ вашемъ вы относите спасеніе ваше къ святому угоднику Божію Димитрію чудотворцу. Вѣруйте и молитесь: Вѣра спасетъ васъ; мужайтесь и да крѣпится сердце ваше, вси уповающіи на Господа, и въ знакъ Вѣры вашей, я здѣсь прилагаю 200 иконъ Ростовскихъ чудотворцевъ; въ ротъ съ вами сослуживцевъ-христіанъ наградите, со спроса начальства; мнѣ пріятно исполнить желаніе ваше имѣть на груди вашей святыню. Иконы освятите, и гдѣ ваше нынѣ пребываніе, тамъ противу Христіанъ всечасно слышенъ гласъ: *на крестъ, на крестъ ихъ всѣхъ; они скверные насъ!* Но ты средь кликовъ мужайся, храбрый воинъ; кто съ смертію борется, безсмертъя тотъ достоинъ; ежечасно взывай: *подитезь всѣхъ даровъ, Господи, мнѣ вѣру приложи и путь, хотя чрезъ смерть, лишь къ небу приложи, и тою сподобишься гласа Божія: блажени рабы тѣи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ, аминь глаголю вамъ, яко препишется и посадитъ ихъ и приступивъ, послужитъ имъ.* (Луки 12, 37.) *Вся елика аще молящеся просите, вѣруйте яко приѣмете и будетъ вамъ.* (Марка 11, 24.) Вѣруйте, что милліоны христіанъ просятъ Бога и Его угодниковъ о дарованіи побѣды надъ врагами.

«Вамъ, при парадѣ 5-го Сентября сего 1855 года, розданы были иконы; о семъ событіи напечатано во всѣхъ вѣдомостяхъ,—слѣдовательно читаютъ это и враги наши; они видятъ, что Россія—одна семья, объ одномъ и сѣтованіе ея, что единовѣрцы съ нами Греки вопіютъ къ Богу о спасеніи ихъ отъ гоненія, а въ Писаніи сказано: *члѣдци мя, не любимъ словомъ, ни же языкомъ, но дѣломъ и истиною*, 1. Іоан. 3, 18. *Христосъ за всѣхъ умре да живущіи не къ тому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему*, 2 Коринѣ. 5, 15. *Вся убо, елика аще хотите да творятъ вамъ челоуцы, тако и вы творите имъ.* Матѣ. 7, 12. Есть не рѣдко отзывы маловѣровъ, что неправильно меня отдали въ

военную службу; это сильный грѣхъ мыслить въ противность христіанской вѣры; это означаетъ противника вѣры, если сказано: безъ воли Бога власть съ головы не сгинеть. А вотъ твердый христіанскій примѣръ намъ оставилъ про себя Царь-пророкъ Давидъ; онъ пишетъ во псалтѣри: *Малъ бѣхъ въ братіи моеи, и юнѣйшій въ дому отца моего, пасохъ овецъ отца моего, руцъ мои сотворишть оранъ, и персты мои составиша псалтырь, и кто возвѣститъ Господеву моему. Самъ Господь, Самъ услышитъ; Самъ посла ангела своего, и взятъ мя отъ овецъ отца моего, и помаза мя елеемъ помазанія своего, братіа моя добри и велицы и не благоволи въ нихъ Господь. Изыдохъ въ срътеніе иноплеменнику, и проклятъ мя идолы своими, азъ же исторгнухъ мечъ отъ него, обезлавихъ его, и отъяхъ поношеніе отъ сыновъ Израилевыхъ.*

«Вотъ вамъ, храбрые воины, святой примѣръ, что предки наши видѣли подобно намъ годину испытанія Отечества и малый братъ между большими братьями пасъ овецъ, но по благоволенію Господа призванъ на ратоборство за отечество и поразилъ сильнаго врага, отнявши у него мечъ и имъ-же отрубилъ ему голову, и тѣмъ отнялъ поношеніе отъ своихъ соотечественниковъ; вотъ вамъ примѣръ вѣры въ Господа и изъ пастырей возведенъ въ Царя, а большихъ и славныхъ его братій не благоволилъ Господь избрать для отнятія поношенія собратовъ ихъ. Теперь ваше дѣло размыслить, гдѣ славите получить смерть: на одрѣ мягкой постели въ городѣ или деревнѣ, или быть призванному по благоволенію Господа сразиться съ врагами за Вѣру, Царя и отечество, и тамъ получить славную смерть? А что святѣ Вѣры, что священнѣ Царя, что дороже Отечества?! находите вашимъ разсужденіемъ, а смерти не миновать, потому, что *Земля еси и пакы въ землю поидеши*. Если мы живемъ на земли долѣе другаго, это не наша воля. Если мы живемъ богаче другаго,—тоже не отъ насъ зависитъ: *аще не Господь созиждетъ домъ твой, всеу трудишися*. Намъ оставилъ славный и достопамятный примѣръ

доблестные предки наши Князь Пожарскій и Гражданинъ Мининъ; они зывали къ своимъ собратамъ въ годину испытанія Отечества, и граждане становились въ ряды вѣрнаго воинства, другіе приносили жертву на олтаре Отечества изъ своего достоянія, а идущихъ на брань воиновъ благословляли иконами Святителей Ростовскихъ чудотворцевъ, и съ этою вѣрою они побѣдили враговъ, и возстановили Богомъ указанную правду. Какъ-же не повторить патриотизмъ доблестныхъ прагцевъ нашихъ?! Я осмѣлился посылать иконы православнымъ воинамъ, служащимъ въ Балтійскомъ и Черноморскомъ флотахъ, сухопутнымъ въ Крыму героямъ, и истребителямъ при Синодѣ Турецкаго флота, защитникамъ города Одессы, въ Ярославское и Вологодское ополченія и къ вамъ, служащимъ въ Азіатской Турціи, и дерзнулъ испрашивать въ Святѣйшемъ Синодѣ благословенія его на всѣхъ, имѣющихъ отъ меня посланныя иконы.

«Вотъ, храбрые защитники Вѣры, Царя и Отечества, мое вамъ излагаю мнѣніе совершенно въ простотѣ сердца моего, а по преклонности моихъ лѣтъ, достигши сѣдыхъ власъ на головѣ и бородѣ, не имѣю болѣе средствъ моихъ вамъ быть полезнымъ, а желалъ бы получить отъ васъ подробную грамотку, какъ вы меня среди много-труднаго поприща не забыли, исполнили пословицу, что: *спасибо тому, кто поитъ и кормитъ, а вдвое спасибо тому, кто хлѣбъ-соль помнитъ*. Я желалъ-бы знать, которой вы губерніи, уѣзда, села или деревни; господскіе или вольные, и давно-ли вы въ службѣ?— Есть-ли у васъ въ домѣ родные? Все это приятно бы было слышать мнѣ старику, и письмо ваше у меня сохранится съ письмами, полученными мною за иконы отъ военнопачальниковъ; такъ я цѣню память вашу и прошу васъ не бояться вашихъ начальниковъ, а любить ихъ въ боязни вашей, о чемъ либо доложить вамъ извѣстномъ въ военномъ дѣлѣ, если есть упущеніе службы; а любовь ваша все будетъ доставлять способы къ прекращенію зла; такъ же Богъ намъ показалъ получить спасеніе отъ грѣховъ чрезъ раскаяніе. Соблюдавши это, васъ Богъ не оставитъ; въ томъ имѣйте вѣру.

«Препровождаемыя здѣсь три книжки Святцевъ, и три иконы всѣхъ Ростовскихъ чудотворцевъ, и три рубли серебромъ денегъ, шесть листовъ почтовой бумаги, три конверта на посылку писемъ и палку сургуча раздѣлите между собою; еще посылаю я одну картину для видимости вашей, какъ враги стараются перетянуть нѣсколькими человекѣми одного мужика; эта картина изображаетъ Русскаго, стоящаго непоколебимо; онъ знаетъ, что Россію не побѣдятъ враги: того не видно въ писаніи, а за грѣхи наши Богъ посылаетъ намъ это для раскаянія нашего, и уповайте, храбрые воины, на Бога, что безъ Него ничего въ людяхъ быть не можетъ. Если-бы, во злобѣ своей, нечестивый союзъ предположилъ населеніе близъ моря покрыть пепломъ, — то пожары мы видимъ и безъ войны въ отечествѣ нашемъ и приписываемъ все это къ волѣ Божіей, Онъ-же насъ наказуетъ и милуетъ.—Желаю вамъ успѣховъ, чтобы прославить имена ваши въ ратоборствѣ, чтобы Вѣра ваша возсіяла подобно Царя Пророка, чтобы вы обезглавили врага и отняли поношеніе Христіанскаго народа,—вотъ мое желаніе. За снѣмъ, вашъ

Покорный слуга Василій Васильевъ
Рахмановъ, 3-й гильдіи купецъ
ростовскій, ярославской губерніи,
кланяюсь.

При семъ приложено вмѣсто трехъ иконъ ростовскихъ чудотворцевъ 10-ть иконъ; послѣднія семь иконъ не удостоятъ-ли принять ваши начальники? чѣмъ меня обрадують. Я Г-ну Главнокомандующему вашему послалъ еще иконы: думаю, что не лишитъ принять ихъ; посланы двѣ картины, которыя займутъ ваше помятіе, каковъ русскій мужикъ тяжелый и какова впригласъ тройка.

Г. Ростовъ, Ноября 1-го дня 1855 года.

Корпія вамъ нужна,—я здѣсь готовлю ее и посылаю въ Санктпетербургъ: а отъ-тогда посылають по принадлежности.

ПИСЬМО I.

8-го Декабря. Тифлисъ.

Вчера, 7-го Декабря, въ 6 1/2 ч. по полудни, Его Высокопревосходительство. Господинъ Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и Намѣстникъ Кавказскій изволилъ возвратиться въ нашъ городъ, который уже съ самага утра обнаруживалъ общее движеніе и праздничный, ликующій видъ.

Первая встрѣча со стороны Тифлиса Его Высокопревосходительству готовилась въ 6 верстахъ отъ города; здѣсь его встрѣтило Тифлисское дворянство, имѣя во главѣ своего Губернскаго Предводителя; за тѣмъ, у Эриванской заставы, усердные граждане и прочія городскія сословія встрѣтили Г. Главнокомандующаго съ хлѣбомъ-солью. Тутъ-же стройно размѣстились *амкары* и цехи съ своими значками. Народъ во множествѣ занималъ все пространство около мѣста встрѣчи, и новыя разнообразныя толпы спѣшили сюда изъ города со всѣхъ сторонъ. Когда экипажъ Его Высокопревосходительства подѣхалъ къ заставѣ, г. исправляющій должность Тифлискаго Военнаго Губернатора представилъ Г. Главнокомандующему рапортъ, а градской глава обратился къ Его Высокопревосходительству съ слѣдующимъ привѣтствіемъ :

«Ваше Высокопревосходительство!

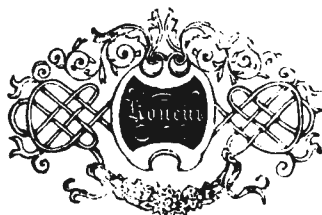
«Отъ полноты души, въ лицѣ всего городского сословія,
«позвольте поздравить Васъ съ благополучнымъ прїѣздомъ. По-
«бѣда надъ Карсомъ—преддверіемъ Оттоманской Порты, возве-
«селила весь край и укрѣпила еще въ немъ великія надежды
«на русское оружіе. Примите, Ваше Высокопревосходитель-
«ство, настоящую встрѣчу, какъ отголосокъ безпредѣльныхъ
«сердечныхъ желаній моихъ согражданъ, и позвольте имѣть
«счастье отъ искренности сердца выразить Вамъ передъ всѣми:
«Слава Отечеству и побѣдителяю!»

Вслѣдъ за этою рѣчью отовсюду загремѣли нескончаемые клики ура, раздалась національная музыка, взвилось на воздухъ несмѣтное множество шапокъ, и торжество приняло совершенно мѣстный народный характеръ. Поѣздъ тронулся далѣе и вся толпа устремилась по слѣдамъ его съ радостными восклицаніями.

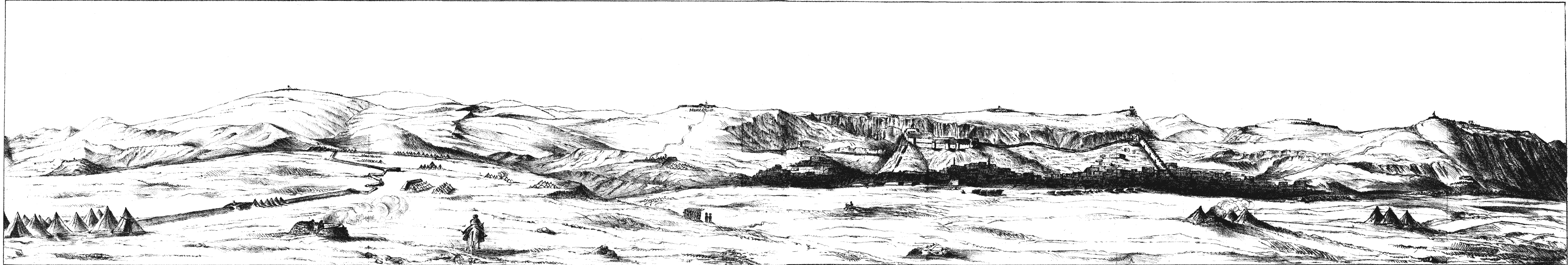
Первымъ дѣйствіемъ Г. Главнокомандующаго, по вступленіи въ городъ, была молитва, и для этой цѣли Его Высокопревосходительство остановился у Сіонскаго Каѳедральнаго Собора и вошелъ во храмъ. Св. Церковь напутствовала Г. Главнокомандующаго передъ отправленіемъ его на поле брани. Господь силъ, услышавъ мольбы Церкви, увѣнчалъ оружіе нашего Христолюбиваго воинства громкимъ успѣхомъ, и нынѣ вождь этого воинства приносилъ благодарственную молитву предъ престоломъ Всевышняго...

Между тѣмъ, передъ домомъ Г. Главнокомандующаго собиравись новыя толпы. Здѣсь же выстроены были части войска, составлявшія почетный караулъ, а у самаго входа находился весь генералитетъ, въ полной парадной формѣ. Его Высокопревосходительство прибылъ въ сопровожденіи своей свиты и конвойной команды. Въ эту минуту все зашевелилось передъ домомъ; восторженные клики ура и усвоенныя здѣшнимъ обычаемъ рукоплесканія не умолкали; всѣ тѣснились у самаго входа, желая хотя издали взглянуть на Его Высокопревосходительство. Поздоровавшись съ войсками, Г. Главнокомандующій нѣсколько разъ обращался къ народу, съ непокрытой головою, привѣтливо кланаясь.

Вечеръ заершился блистательною иллюминаціею города и ближайшихъ къ нему высотъ.

КРЕПОСТИ КАРСА СО СМЪЖНЫМИ УКРЪПЛЕНІЯМИ.

1. Гора Ариса-Меликван (Кая-тепе.)

Тажикоз-табля. 2.
(Место где была славянскій обит.)
17 Сентября 1855.

3. Сувары-табля.

Чель-табля. 4.

5. Мели-каши-табля.

6. Промысл Арташеское

Цитадела. 7.

8. Юсуф-паша-табля.

9. Гомеон-табля.

10. Тудаль-табля.

11. Крепост. Баграма-паша

12. Араб-табля.

